

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бугалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Кирабаев Нур Серикович**, доктор философских наук, профессор (Российский университет дружбы народов, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул); **Марьям Шафаги**, кандидат филологических наук (Университет имени Алламе Табатабаи, Иран); **Маджид Эстри**, кандидат филологических наук (Государственный университет Гонбад-Кавус, Иран).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *Е. В. Южаковой*
Верстка *Е. В. Южаковой*

Подписано в печать 11.01.24.
Выход в свет 15.01.24.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 11,3.
Уч.-изд. л. 10,0.
Тираж 500 экз. Заказ 17.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Y. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **A. V. Buzgalin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **N. R. Kirabaev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Peoples' Friendship University of Russia, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEPa, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **T. A. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul); **M. Shafaghi**, Cand. Sci. (Philology) (Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran); **M. Estiri**, Cand. Sci. (Philology) (Gonbad Kavous University, Iran)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philological Sciences"
editorial office address:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of abstract translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *E. V. Yuzhakova*
Imposition by *E. V. Yuzhakova*

Approved for printing 11.01.24.
Date of publication 15.01.24.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.

Conventional print. sh. 12,3.
Ac.-publ. sh. 10,0.
Circulation 500 copies.
Order 17. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ

- Каргина Е. М.* Структурно-стилистические особенности немецких фразеологизмов с компонентом-колоронимом 5
- Моради М.* Фразеологизмы семантического поля «органы тела человека» в персидском языке и способы их перевода на русский язык. 12
- Шелестюк Е. В.* Классификации лексем, обозначающих черты характера (на материале русского и английского языков) 22

ГРАММАТИКА, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

- Гатауллин Р. Г.* Универбация — проблемный способ словообразования в немецком языке 36
- Шафигов С. Г.* Автономность слова как компонента составного сказуемого в европейских языках. 44

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Борисенко Т. В.* Актуализация концепта FAMILY в американской лингвокультуре (на примере мультсериала «Симпсоны») 53

ГРАФЕМИКА, ПУНКТУАЦИЯ

- Губина Е. А.* Эмфатический стиль параграфемии и синтаксическое расчленение (на материале художественной литературы) 58
- Мехтиханлы С., Чераги Б.* К вопросу употребления двоеточия в русском и персидском языках 72

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

- Гаевская М. А., Мошняга Е. В., Чихачева Д. В.*
Аксиологическая прагматика мотивационного дискурса на материале речей американских коучей 81
- Шеховцова Е. Е.* Взлёт и падение Лиз Трасс в освещении англоязычных СМИ 92

CONTENTS

LEXICAL SEMANTICS, PHRASEOLOGY

- Kargina E. M.* Structural and stylistic features of German phraseological units
with a coloronym component 5
- Moradi M.* The study of phraseological units of the semantic field “Organs of the human body”
in Persian and ways of their translation into Russian. 12
- Shelestyuk E. V.* Classifications of personality trait lexemes
(exemplified by the lexis of Russian and English) 22

GRAMMAR, LINGUISTIC TYPOLOGY

- Gataullin R. G.* Univerbation is a problematic way of word formation in German language. 36
- Shafikov S. G.* The autonomous word as a component of a compound predicate
in European languages 44

LINGUOCULTUROLOGY

- Borisenko T. V.* Concept FAMILY actualisation in American linguoculture
(case-study of the cartoon “The Simpsons”) 53

GRAPHICS, PUNCTUATION

- Gubina E. A.* Emphatic style of paragraphemics and syntactic partition (on the material of fiction). 58
- Mehdikhanli S., Cheraghi B.* On the question of the use of colon in Russian and Persian 72

DISCOURSE ANALYSIS

- Gaevskaya M. A., Moshnyaga E. V., Chikhacheva D. V.*
Motivation discourse axiological pragmatics in American coaches’ speeches 81
- Shekhovtsova E. E.* The Rise and Fall of Liz Truss in English-Language Media Coverage. 92

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ

LEXICAL SEMANTICS, PHRASEOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 5–11.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(1(483):5-11. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 811.112.2'33

doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-5-11

СТРУКТУРНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-КОЛОРОНИМОМ

Елена Михайловна Каргина

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия, kargina-elena@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ структурно-стилистических особенностей немецких фразеологизмов с компонентом-колоронимом и обосновано своеобразие отношений между компонентами данной конструкции. Исходной является установившаяся в лингвистике точка зрения, что устойчивые словосочетания с прилагательными, выражающими основные цветовые понятия, представляют собой разновидность фразеологических словосочетаний. Автором выделены и структурированы именная и глагольная группы фразеологизмов с компонентом-колоронимом. Представлен анализ связи между компонентами устойчивых словосочетаний, содержащих цветообозначение. В качестве основных функций прилагательных-колоронимов внутри устойчивого словосочетания обозначены классифицирующая и усилительная функции. Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в обосновании своеобразия структурно-стилистических особенностей немецких фразеологизмов с прилагательным-колоронимом, которое обусловлено степенью спаянности и характером переосмысления компонентов структуры. Доказана возможность использования прилагательного в качестве семантически стержневого слова в устойчивом словосочетании.

Ключевые слова: устойчивое словосочетание, фразеологизм, немецкий язык, компонент-колороним, прилагательное цвета, структурно-стилистические особенности

Для цитирования: Каргина Е. М. Структурно-стилистические особенности немецких фразеологизмов с компонентом-колоронимом // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 5–11. doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-5-11

Original article

STRUCTURAL AND STYLISTIC FEATURES OF GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COLORONYM COMPONENT

Elena M. Kargina

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia, kargina-elena@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the structural and stylistic features of German phraseological units with a coloronym component and considers the peculiarities of the relations between the components of these constructions. The point of view established in linguistics is that stable phrases with adjectives expressing basic color concepts are phraseological units. The author identifies and structures nominal and verbal groups of phraseological units with a coloronym component, presents an analysis of the relationship between the components of stable phrases containing a color designation. It was found that the functions of classification and amplification stand out as the main functions of coloronym adjectives within a stable phrase. The theoretical and practical significance of the study consists in substantiating the originality of structural and stylistic features of German phraseological units with coloronym adjectives, which is due to the degree of cohesion and the nature of rethinking the components of the structure. The possibility of using an adjective as a semantically pivotal word in a stable phrase is proved.

Keywords: stable phrase, phraseologism, German language, coloronym component, color adjective, structural and stylistic features

© Каргина Е. М., 2024

For citation: Kargina EM. Structural and stylistic features of German phraseological units with a coloronym component. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(1(483):5-11. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-5-11

Введение

Анализ лингвистической и методической литературы свидетельствует об актуальности изучения проблемы структурно-стилистических особенностей фразеологизмов, содержащих компоненты различных семантических полей, в частности: компонент-зооним (И. В. Беляева, Н. А. Киндря, Е. В. Терешко, Д. А. Тишкина), числовой или нумерологический компонент (С. Г. Каримова, Т. Б. Пасечник, В. В. Теганюк, Е. В. Телегина, В. В. Шевченко, Б. Шондуг), компонент-соматизм (З. А. Лайпанова, Дж. Мрикария, С. Э. Саидова, Д. С. Скнарев, М. А. Хоссейн), компонент-техноним (Д. О. Никонов), компонент-фитоним (К. Т. Гафарова, Е. В. Крепкогорская), компонент-вестоним (С. В. Непомнящая), ономастический компонент (В. В. Ловянникова, О. К. Мжельская), компонент-топоним (М. В. Осыка, А. В. Уразметова), эмоциональный компонент (Н. А. Хомякова), компонент-орнитоним (М. В. Кутьева, Н. Д. Пименова), компонент-маринизм (Л. Н. Шигабутдинова) и др.

С точки зрения исторических и национальных традиций языковых культур особый интерес для сравнительно-исторического языкознания, типологии, лингвокультурологии и теории перевода составляют фразеологические единицы с компонентом-прилагательным, выражающим обозначение цвета [3; 5; 6].

Данная проблематика находит широкое отражение как в исследованиях, посвященных фразеологии русского языка (А. А. Кайбияйнен, Я. Мерзук, Е. В. Недельчо и др.), так и в работах по фразеологии языков мира, в частности: английского, испанского, итальянского, немецкого, французского, шведского, таджикского, турецкого, японского и других языков (Н. А. Завьялова, Р. Р. Закиров, С. Л. Кирьянов, Л. Т. Мифтахутдинова, М. Назирова, И. А. Поддячая, Н. Н. Репникова, Г. С. Свешникова, К. А. Соколова, Л. А. Хоменко и др.).

При решении данной проблемы в качестве компонентов фразеологизмов рассматриваются следующие концепты: «цвет» (Е. В. Шевченко, Е. Н. Алымова), «цветонаименование» (Н. Р. Лопатина, Н. М. Охрицкая), «цветообозначение» (С. В. Кулинская, Т. Ю. Светличная), «цветолексема» (Л. Байрамова), «цветовая культурема» (Л. А. Запевалова, М. Б. Талапина), «светоцветовая концептосфера» (Э. Р. Миассарова), «колоратив» (Ю. В. Лопарева, И. Н. Яковлева), «колороним» (Д. Н. Полякова, С. Л. Кирьянов).

За основу исследования нами взят концепт «колороним» как обозначение всех первичных, вторичных, неопределенных цветов и их оттенков, включая неопределенно-ассоциативные единицы разных типов (И. В. Калита [6]).

Основополагающим методом исследования стал метод лингвистического наблюдения и анализа, в частности метод фразеологического анализа А. В. Кунина [8]. Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из немецко-русских фразеологических словарей Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришина, О. А. Семеновой, Б. П. Шекасюк.

Структурная классификация фразеологических единиц с прилагательным цвета и анализ связи компонентов

внутри устойчивого словосочетания

В исследовании структурно-стилистических особенностей фразеологизмов с компонентом-колоронимом следует исходить из уже установившейся в лингвистике точки зрения, что устойчивые словосочетания с прилагательными, выражающими основные цветовые понятия, представляют собой разновидность фразеологических словосочетаний [1].

С грамматической точки зрения все фразеологические единицы принято классифицировать на именные и глагольные [12], что детерминируется стержневым словом.

Именное фразеологическое сочетание «в целом имеет предметное значение, обладает признаками существительного и выступает во всех его функциях. Единственным структурным типом оказывается «прилагательное — существительное» [9] (иногда это может быть имя собственное в нарицательном значении): *gelber Onkel* — *хлыст для наказания*, *grüner Wagen* — *полицейский автомобиль*, *grünes Fleisch* — *свежее (несоленое) мясо*, *rote Rüben* — *свекла*, *rote Äpfel* — *гранаты (фрукты)*, *weißer Sport* — *теннис*, *schwarze Marie* — *снаряд тяжелой мортиры*.

В лексическом отношении эта группа фразеологических единиц неоднородна [15]: она включает понятия из различных сфер общения — от предметов домашнего обихода, географических названий до научных и профессиональных терминов.

Во фразеологических единицах с действенной семантикой в качестве стержневого и опорного

слова выступает глагол, который «оформляет все словосочетание и от грамматико-синтаксических свойств которого зависит структура всей фразеологической единицы» [9].

На основе функциональной семантики прилагательного, входящего в состав глагольной фразеологической единицы, принято выделять следующие их виды:

- глагольное устойчивое словосочетание с прилагательным в предикативной функции: *gelb und grün werden* — *позеленеть от злости*; *blau machen* — *прогуливать работу*; *sich grün machen* — *много позволять себе*;
- глагольный фразеологизм с прилагательным в атрибутивной функции: *sich kein graues Haar wachsen lassen* — *не беспокоится, не расстраиваться*; *einen blauen Affen haben* — *быть навеселе*; *den grauen Rock anziehen* — *пойти в монахи, солдаты*;
- глагольное фразеологическое выражение с прилагательным-колоронимом в функции лексически самостоятельной фразеологической единицы: *blaue Bohnen* — *пули*, *blaue Bohnen essen* — *быть убитым*, *j-m blaue Bohnen ins Herz pflanzen* — *убивать*; *blauer Fleck*, *blaues Auge* — *синяк*, *sich blaue Flecke holen*, *blaues Auge schnappen* — *уйти с синяком, подбитым глазом*; *blaues Auge* — *пустяк*, *ein blaues Auge davon tragen* — *уйти ни с чем*, *ein blaues Auge wagen* — *рисковать*; *blauer Montag* — *нерабочий день, прогул*, *blauen Montag machen* — *не работать, прогуливать*; *weiße Weste* — *чистая совесть, безупречная репутация*, *eine weiße Weste haben* — *иметь чистую совесть, незапятнанную репутацию*.

Грамматико-семантический анализ связей компонентов внутри фразеологизма позволяет выделить следующие виды их взаимодействия:

- колороним сопряжен с глаголом и подчеркивает особенности реализации действия: *j-n braun und blau schlagen* — *избивать*, *vor Ärger grün im Gesicht werden* — *позеленеть от огорчения*; *blau sein* — *быть навеселе*, *j-m nicht grün sein* — *иметь зуб против кого-либо*;
- колороним связан с именным элементом и выражает качество и свойство предмета: *die gelbe Gefahr* — *желтая опасность*, *roter Hahn* — *огонь, пламя*, *grünes Korn* — *хлеб на корню*; *schwarze Stunde* — *роковой час*.

Уровень интеграции составных элементов фразеологизма различен [14] и обусловлен степенью их ассимиляции.

Семантическая ассимиляция возможна как у прилагательного-колоронима (*grüner Hering* — *свежая селедка*, *grüner Witz* — *обидная, неудачная острота*, *gelbe Gewerkschaften* — *продажные профсоюзы*, *schwarze Gedanken* — *мрачные мысли*, *weiße Lüge* — *невинная ложь*), так и у стержневого компонента (*brauner Zwirn* — *пиво*, *schwarze Diamanten* — *каменный уголь*).

Особый интерес представляют именные фразеологизмы, сочетающие прилагательное в прямом и имя собственное в нарицательном значении: *der blaue Peter* — *сигнал к отплытию* (по цвету флага), *die gelbe Minna* — *газовая граната* (по желтоватому цвету газового облака), *blauer Heinrich* — *молочный суп* (по цвету снятого молока). За полицейскими автомобилями для перевозки арестованных в разных городах закрепились разные названия. Прилагательное цвета в каждом случае зависит от принятой в данном городе первоначальной окраски автомобиля. Оно является основой для возникновения фразеологической единицы, хотя в различные периоды цвет окраски мог и изменяться: *der grüne*, *blaue August* (Берлин, Гамбург), *die grüne Minna* (Берлин), *der grüne Heinrich* (Вена); все словосочетание: *blauer Dunst* — *небылица, вымысел*, *weißer Rabe*, *Sperling* — *редкость, диковина*, *der grüne Tisch* — *символ бюрократизма*, *auf der grünen Heide fischen* — *воровать*, *roten Rock verdienen*, *sich weiß brennen* — *пытаться оправдаться*.

Переосмысление прилагательного приводит к полному отходу его значения от понятия цвета; оно начинает выражать иные понятия: *weiß* означает в составе некоторых словосочетаний — *честный, нравственно безупречный*: *sich weiß brennen*, *waschen* — *оправдаться, доказать свою правоту*; *sich einen weißen Fuß brennen* — *представиться невиновным*. *Schwarz* получает значение *незаконный либо преступный, мрачный, коварный, злой* [4]: *schwarz arbeiten* — *работать незаконно*, *schwarz fahren* — *совершать незаконные поездки*, *schwarz handeln* — *торговать на черном рынке*, *die schwarze Börse* — *черная биржа*, *eine schwarze Tat* — *преступное дело*, *schwarz sehen* — *видеть все в мрачных красках*, *schwarze Gedanken* — *злые, коварные мысли*.

В выражениях *einem (nicht) grün sein*, *(nicht) gesinnt sein* у прилагательного *grün* проявляется значение *благосклонный, расположенный*. Употребленное по отношению к живым существам, прилагательное *grün* означает *неопытный*: *grüner Junge*, *Jüngling* — *неопытный юнец* (разг. *молокосос*,

зеленый), grüne Jugend — *неопытная (зеленая) молодежь*, grünes Volk — *молодежь*.

Анализируя структурно-стилистические особенности устойчивых выражений с компонентом-колоронимом, следует отдельно рассмотреть их функционалитет [7] и выделить следующие функции прилагательных с цветовым обозначением внутри фразеологизма:

- классифицирующая функция, направленная на дифференциацию предметов или явлений одной видовой группы на основе отличительного признака, каковым является цветовое обозначение: weißer Wein — *белое вино*, roter Wein — *красное вино*; rote Rüben — *свекла*, weiße Rüben — *брюква*; weißes Brot — *белый хлеб*, schwarzes Brot — *черный хлеб*; grüner, weißer, brauner Kohl — *различные сорта капусты*; weiße Steine — *сорт камня*, rote Steine — *кирпич*; weißes Glas — *стекло высшего качества*, grünes Glas — *стекло низкого качества*; gelbe Metalle — *золото*, weiße Metalle — *белые металлы, серебро*, rote Metalle — *золото, медь*; weiße Kohle — *белый уголь*, braune Kohle — *бурый уголь*, weiße Wolken — *облака*, schwarze Wolken — *тучи*; weißer Hase — *заяц-беляк*, grauer Hase — *заяц-русак*.

Иногда подобным образом достигаются резкие качественные противопоставления: rote Presse — *передовая, революционная пресса*, gelbe Presse — *бульварная, желтая пресса*; schwarze Gedanken — *мрачные, темные мысли*, blaue Gedanken — *светлые, радостные мысли*; schwarzer Hahn — *злой дух, нечистый*, weißer Hahn — *светлые силы*; weißer, blauer Tag — *светлый, радостный, счастливый день*, schwarzer Tag — *тяжелый, черный день*, graue Tage — *безрадостные будни*;

- усилительная функция, позволяющая акцентировать интенсивность передаваемого признака [2]: blaues Donnermaul — *проклятая болтуня*, zum grünen Teufel — *к черту*, keinen blauen Teufel von etw. verstehen — *ничего не понимать в чем-либо*, keinen blauen Teufel wert sein — *не иметь никакой цены, ничего не стоить*.

Подчеркивание интенсивности становится возможным на основе отсутствия смысловой связи между колоронимом и опорным словом [13. С. 119], что придает дополнительную экспрессивность фразеологической единице. При этом причины закрепления данного

прилагательного внутри устойчивого словосочетания этимологически неясны.

Результаты и обсуждение

Выше были рассмотрены структурные разновидности фразеологических единиц с прилагательным цвета, произведен анализ связи компонентов внутри устойчивого словосочетания.

Далее возникает вопрос о том, может ли прилагательное цвета явиться семантической основой для образования устойчивого словосочетания.

Указывая пути возникновения фразеологических единиц, можно выделить такие, в основе которых лежит «семантически стержневое и фразеологически господствующее слово» [11. С. 43].

Для многих из них таким становится колороним в непосредственном или метафорическом значении. Иногда базой для переноса является конкретный исторический факт.

В современном немецком языке прилагательное grün имеет значение *неопытный, слишком молодой*, которое развилось метафорически из значения *неспелый, незрелый*. На основе этого переносного значения появляются такие устойчивые словосочетания, как grünes Volk — *незрелая молодежь*, grüne Jugend — *юнец*. Это же значение *незрелый* является основой для возникновения идиомы sein Korn grün essen — *проживать заранее свои доходы, свое состояние*.

Идиома j-m (nicht) grün sein возникает на основе значения прилагательного grün — *благосклонный*, развившегося под влиянием этимологического значения прилагательного grün. Появление этих устойчивых словосочетаний оказалось возможным лишь тогда, когда соответствующее прилагательное получило переносное значение (иногда переносное значение оказывается ограниченным рамками лишь нескольких фразеологизмов), что подчеркивает ключевую роль колоронима внутри фразеологизма.

В некоторых фразеологизмах подобную функцию выполняет целое словосочетание «колороним + существительное» [10].

В устойчивых словосочетаниях: an einem grünen Tisch sitzen — *быть оторванным от жизни*, etw. vom grünen Tisch aus entscheiden — *решить вопрос бюрократически* — таким стержнем является устойчивое словосочетание grüner Tisch, которое, в свою очередь, на основе метонимического переноса (канцелярские и картонные столы покрывались зеленым сукном в силу некоторых особенностей зеленого цвета) превратилось из свободного словосочетания в устойчивое,

со значением *канцелярский стол*, а затем в символ бюрократизма. *Der grüne Zweig* — *свежая, цветущая ветка* превратилось в устойчивое словосочетание — символ процветания — на основе метафорического переноса.

Под влиянием реально существовавшей ранее традиции втыкать в землю при ее продаже зеленую ветвь как символ достатка и благоденствия возникает идиома *auf den grünen Zweig kommen* — *добиться благополучия, процветания*.

В такого рода этимологически обусловленных фразеологизмах стержневым компонентом является, как правило, глагол. Однако «семантическое ядро может существовать как самостоятельная языковая единица и вне этого устойчивого словосочетания, возникнув, в свою очередь, на основе одного из значений прилагательных» [9].

Заключение

Таким образом, произведя анализ структурно-стилистических особенностей немецких фразеологизмов с компонентом-колоронимом, можно сделать следующие выводы:

1. Актуальность изучения фразеологических единиц с компонентом-прилагательным, выражающим обозначение цвета, обоснована с точки зрения исторических и национальных традиций языковых культур. Особый интерес данная проблема представляет для сравнительно-исторического языкознания, типологии, лингвокультурологии и теории перевода, что находит широкое отражение как в исследованиях, посвященных фразеологии русского языка, так и в работах по фразеологии языков мира.
2. Устойчивые словосочетания с прилагательными, выражающими основные цветовые

понятия, представляют собой разновидность фразеологических словосочетаний. Под концептом «колороним» понимается обозначение всех первичных, вторичных, неопределенных цветов и их оттенков, включая неопределенно-ассоциативные единицы разных типов.

3. С точки зрения стержневого слова-детерминанта, все фразеологические единицы классифицируются на именные и глагольные устойчивые выражения. Уровень интеграции составных элементов фразеологизмов различен и обусловлен степенью их ассимиляции.
4. Именное фразеологическое сочетание, единственным структурным типом которого является «прилагательное — существительное», обладает предметным значением и выступает во всех его функциях. Внутри именной фразеологической единицы колороним может выполнять классифицирующую функцию, направленную на дифференциацию предметов или явлений одной видовой группы, и усилительную функцию, позволяющую акцентировать интенсивность передаваемого признака.
5. Во фразеологических единицах с предикативной семантикой в качестве стержневого слова выступает глагол, грамматико-синтаксические свойства которого определяют всю структуру фразеологической единицы. На основе функциональной семантики прилагательного, входящего в состав глагольной фразеологической единицы, выделяются следующие его функции: предикативная функция, атрибутивная функция, функция лексически самостоятельной фразеологической единицы.

Список источников

1. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. 230 с. С. 140–161.
2. Денисенко С. Н. Фразеологическая деривация и категория интенсивности в современной немецкой фразеологии: дис. ... д-ра филол. наук. Львов, 1990. 415 с.
3. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии. Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37–48.
4. Дойникова М. И., Волина С. А. Фразеологизмы с компонентом цветообозначения *schwarz* (черный) в современном немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 185–191.
5. Зольникова Ю. В. Цветовые фразеологизмы как фрагмент идиоматической картины мира русского и немецкого языков (на материале лексикографических источников): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2010. 26 с.
6. Калита И. В. Очерки по компаративной фразеологии. Цветовая палитра в национальных картинах мира русских, белорусов, украинцев и чехов. М. : Дикси пресс, 2016. 176 с.

7. Каргина Е. М. Функциональный принцип в методике обучения иностранным языкам // Вестник ПГУАС: строительство, наука и образование, 2016. № 1 (2). С. 84–89.
8. Кунин А. В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1964. 1229 с.
9. Магомедрасулова А. С. Устойчивые словосочетания с компонентом цвета в прилагательных английского языка // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 590–592. Magomedrasulova A.S. Ustojchivye slovosochetaniya s komponentom cveta v prilagatel'nyh anglijskogo jazyka // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija
10. Нурзет Ц. С.-Б., Корнилова Л. Е. Семантика немецких фразеологизмов с компонентом цветообозначения в рамках корпусного исследования // Дальневосточный филологический журнал. 2023. № 1. С. 40–48.
11. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980. 143 с.
12. Свешникова Г. С. Типологический анализ фразеологических единиц с компонентами-прилагательными, обозначающими цвет: на материале немецкого, английского и шведского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1969. 22 с.
13. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. 200 с.
14. Шевцова В. А. Русская и немецкая фразеология с прилагательными цветообозначения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2004. 21 с.
15. Яковлева С. Л., Калашникова Д. С. Категория цветообозначения во фразеологии немецкого языка // Фундаментальные исследования. 2014. № 6 (часть 6). С. 1320–1323.

References

1. Vinogradov VV. Ob osnovnyh tipah frazeologicheskikh edinic v russkom jazyke = About the main types of phraseological units in the Russian language. Moscow: Nauka; 1986. 182 p. (In Russ.).
2. Denisenko SN. Frazeologicheskaja derivacija i kategorija intensivnosti v sovremennoj nemeckoj frazeologii = Phraseological derivation and intensity category in modern German phraseology. Thesis. L'vov; 1990. 415 p. (In Russ.).
3. Dobrovol'skij DO. National-cultural specificity in phraseology. *Voprosy jazykoznanija = Issues of linguistics*. 1997;(6):37-48. (In Russ.).
4. Dojnikova MI, Volina SA. Phraseological units with a component of the color designation schwarz (black) in modern German. *Filologicheskie nauki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2020;(13-1):185-191. (In Russ.).
5. Zol'nikova JuV. Cvetovye frazeologizmy kak fragment idiomaticheskoy kartiny mira russkogo i nemeckogo jazykov (na materiale leksikograficheskikh istochnikov) = Color phraseological units as a fragment of the idiomatic picture of the world of the Russian and German languages (based on lexicographic sources). Abstract of thesis. Tjumen'; 2010. 26 p. (In Russ.).
6. Kalita IV. Oчерки по komparativnoj frazeologii. Cvetovaja palitra v nacional'nyh kartinah mira russkih, belorusov, ukraincev i chehov = Essays on comparative phraseology. Color palette in the national pictures of the world of Russians, Belarusians, Ukrainians and Czechs. Moscow: Diksipress; 2016. 176 p. (In Russ.).
7. Kargina EM. Functional principle in the methodology of teaching foreign languages. *Vestnik PGUAS: stroitel'stvo, nauka i obrazovanie = Bulletin of PGUAS: construction, science and education*. 2016;(1):84-89. (In Russ.).
8. Kunin AV. Osnovnye ponjatija anglijskoj frazeologii kak lingvisticheskoy discipliny i sozdanie anglo-russkogo frazeologicheskogo slovarja = the basic concepts of English phraseology as a linguistic discipline and the creation of an English-Russian phraseological dictionary. Thesis. Moscow; 1964. 1229 p. (In Russ.).
9. Magomedrasulova AS. Stable phrases with a color component in English adjectives. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija = The world of science, culture, education*. 2023;(3):590-592. (In Russ.).
10. Nurzet CS-B, Kornilova LE. Semantics of German phraseological units with a component of color designation in the context of corpus research. *Dal'nevostochnyj filologicheskij zhurnal = Far Eastern philological journal*. 2023;(1):40-48. (In Russ.).
11. Rajhshtejn AD. Sopostavitel'nyj analiz nemeckoj i russkoj frazeologii = Comparative analysis of German and Russian phraseology. Moscow: Vysshaja shkola; 1980. 143 p. (In Russ.).

12. Sveshnikova GS. Tipologicheskij analiz frazeologicheskikh edinic s komponentami-prilagatel'nymi, oboznachajushhimi cvet: na materiale nemeckogo, anglijskogo i shvedskogo jazykov = Typological analysis of phraseological units with components-adjectives denoting color: based on the material of German, English and Swedish. Abstract of thesis. Moscow; 1969. 22 p. (In Russ.).

13. Chernysheva II. Frazeologija sovremennogo nemeckogo jazyka = Phraseology of the modern German language. Moscow: Vysshaja shkola; 1970. 200 p. (In Russ.).

14. Shevcova VA. Russkaja i nemeckaja frazeologija s prilagatel'nymi cvetooboznachenija = Russian and German phraseology with adjectives of color designation. Abstract of thesis. Minsk; 2004. 21 p. (In Russ.).

15. Jakovleva SL, Kalashnikova DS. The category of color designation in the phraseology of the German language. *Fundamental'nye issledovanija = Fundamental research*. 2014;(6-6):1320-1323. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. М. Каргина — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки».

Information about the author

Elena M. Kargina — Cand. of Sci. (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023; одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 22.12.2023.

The article was submitted 11.09.2023; approved after reviewing 12.10.2023; accepted for publication 22.12.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-12-21

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ОРГАНЫ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА» В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Марьям Моради

Университет им. Алламе Табатаба'и, Тегеран, Иран, m.moradi@atu.ac.ir, ORCID: 0000-0002-6652-227X

Аннотация. Рассмотрен один из сложных вопросов лексикологии — сопоставительный анализ фразеологических единиц семантического поля «органы тела человека». Изучены семантические, синтаксические и морфологические особенности компонентов в каждом фразеологизме, установлены сходства и различия между фразеологическими единицами русского и персидского языков. Использованы описательный метод, метод толкования в выявлении эквивалентов представленных фразеологизмов и компонентный анализ. Было выявлено, что исследуемые персидские ФЕ могут быть выражены в русском языке описательным переводом — 7 случаев, переводом-аналогом — 7 случаев, частичным эквивалентом — 8 случаев. Приведены единичные примеры перевода методами синонимического подбора в сочетании с деидиоматизацией и перевода эквивалентом. Результаты проделанной работы можно применять на занятиях по лексикологии русского языка, чтобы глубже познакомить иранских студентов, изучающих РКИ, со сходствами и различиями фразеологических единиц с коррелирующими соматизмами.

Ключевые слова: компонентный анализ, перевод, семантическое поле, фразеология, органы тела человека

Для цитирования: Моради М. Фразеологизмы семантического поля «органы тела человека» в персидском языке и способы их перевода на русский язык // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 12–21. doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-12-21

Original article

PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE SEMANTIC FIELD “ORGANS OF THE HUMAN BODY” IN PERSIAN AND WAYS OF THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

Maryam Moradi

Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran, m.moradi@atu.ac.ir, ORCID: 0000-0002-6652-227X

Abstract. the article considers the semantic field “Organs of the human body” and presents a comparative analysis of some important somatic phraseological units of the Persian and Russian languages. Semantic, syntactic and morphological features of the components in each phraseological unit are studied, the similarities and differences between the correlates in Russian and Persian are established. Among the methods used are the semantic and descriptive methods for the identification and description of the phraseological units, comparison and contrast. It was found that in most cases the phraseological units lack precise equivalents and lend themselves to descriptive translation — 7 cases. Translation by analogy (“functional analogues”) is constituted by 7 cases, 8 cases reveal partial equivalence. 2 more examples are an example of synonymous translation in combination with deidiomatization and an example of translation by the equivalent. The results of the work done can be applied in classes of Russian lexicology in order to familiarize Iranian students studying Russian as a foreign language with different methods of translating phraseological units.

Keywords: componential analysis, translation, semantic field, phraseology, human body organs

For citation: Moradi M. The study of phraseological units of the semantic field “Organs of the human body” in Persian and ways of their translation into Russian. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(1(483):12-21. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-12-21

Введение

Русская фразеология как лингвистическая дисциплина связана с именем В. В. Виноградова, который классифицировал фразеологизмы на три группы: 1) фразеологические сращения, значения которых не зависят от значений составляющих их компонентов; их также принято называть идиомами, например, «собаку съел»; 2) фразеологические единства: в эту группу входят фразеологические единицы, значение которых образное и в той или иной степени зависит от значений составляющих их компонентов: например, «делать из мухи слона»; 3) фразеологические сочетания: общее значение ФЕ зависит от значений отдельных слов, например, «сгорать от стыда». В дальнейшем ещё вводилась группа фразеологических единиц под названием «фразеологические выражения», которые полностью состоят из слов со свободными, нефигуральными значениями, например, «детский сад» [4. С. 8].

Существуют разные мнения по поводу перевода фразеологизмов с оригинального языка. А. С. Пушкин утверждал, что выраженное автором должно быть перевыражено переводчиком. Н. В. Гоголь предполагал, что можно отдалиться от слов подлинника нарочно, чтобы быть к нему ближе. По мнению А. Толстого, не следует переводить слова и смысл, а самое главное — передавать впечатление. Корней Чуковский считал, что смехом надо переводить смех, улыбкой — улыбку [5].

В настоящее время вопросы фразеологии находятся в поле зрения многих лингвистов, в том числе Я. Р. Фаттаховой [12], А. В. Пеньковой, Р. М. Моралес [10], Е. Ф. Арсентьевой и Н. В. Коноплевой [2], М. М. Гришаевой, С. Л. Орловой, С. В. Скомороховой [6]. Способы перевода фразеологизмов английского языка на русский язык проанализированы в т. ч. С. В. Подкорытовой [11]. Соматизмы в русских ФЕ в сопоставлении с персидским языком изучались М. Ахмади и другими [3], а также М. Насири [9]. Э. Шахмирзаиан проанализировала фразеологизмы, выражающие восхищение, радость, счастье в русском и персидском языках [15].

По Н. М. Шанскому, «фразеологизм, фразеологическая единица — общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры — словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в социально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённо лексико-грамматического состава» [14. С. 160].

Человек, его рождение и смерть, особенности характера, оценка уровня развития нравственных, эстетических, интеллектуальных качеств личности, деятельная характеристика, оценка его отношения к людям, окружающей реальности и т. д. — все проявления жизни человека нашли яркое отражение во фразеологии [6. С. 36; 1. С. 98]. Филологическая литература представляет фразеологию как подполе лексикологии, посвящённое изучению семантически связанных словосочетаний [13. С. 114].

Рассмотрим вопрос сложностей, связанных с переводом фразеологизмов. В целом переводчик сталкивается с проблемой непереводимости при наличии: а) оригинальной словесной образности и актуализации переносного значения наряду с прямым в исходном языке; б) лексики в рамках различий в связи с лингвистической относительностью. «При переводе текстов, наиболее легко переводимых с исходного языка на целевой, не наблюдается ни одного из вышеуказанных условий, а в максимально непереводимых текстах — особенно в художественных и в поэзии — отражается комбинация условий непереводимости в наибольшей степени» [18. С. 66]. По мнению К. Сафави, отбор правильного эквивалента для конкретного слова становится чрезвычайно сложным «при переводе отрывка поэзии, на которой основана культура какого-либо общества» [18. С. 54]. По мнению С. Влахова и С. Флорина [5], «от степени слитности компонентов, несомненно, зависит в некоторой мере и возможность полноценного перевода, выбор наиболее удачных приёмов» [5. С. 182].

Что касается приёмов перевода ФЕ, то следует подчеркнуть, что в научной литературе не существует единого подхода к передаче ФЕ на язык-рецептор [2. С. 169]. Некоторые лингвисты, такие как Ш. Балли, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Н. М. Шанский, склонны считать основным критерием идиоматизма слитность компонентов, исходя из чего следует подбирать приём перевода ФЕ в зависимости от того, к какой группе по семантической слитности она относится.

Способами перевода фразеологических единиц, на взгляд таких учёных, как С. Влахов и С. Флорин, являются как можно более точный эквивалент, фразеологизмы с подобным содержанием в языке перевода, описательный и синтетический методы [5].

Данному подходу противостоит мнение Н. Л. Шадрина, дифференцирующего понятие слитности, на взгляд которого, существенными

являются структурно-семантические, стилистические и генетические признаки переводимых единиц. На основе этих признаков Н. Л. Шадриным выделено восемь типов соответствий при переводе ФЕ с английского языка на немецкий и русский языки: эквивалент, аналог, синонимическое соответствие (одноструктурное и разноструктурное), константное лексическое соответствие, контекстуальный аналог (фразеологический, лексико-фразеологический), калька, окказиональное лексическое соответствие, описание (цит. по [2. С. 169]).

Для нашего материала считаем актуальными следующие виды перевода или межъязыковой корреляции ФЕ: функциональные аналоги, деидиоматизация и описательный или уточняющий перевод, синонимическое соответствие (одноструктурное и разноструктурное), эквивалентный перевод, антонимический перевод, комбинированный перевод.

Под переводом-аналогом подразумевается тот перевод, при котором персидская фразеологическая единица в целом по значению адекватна русской, но отличается заложенным в ней образом (денотатом) полностью или частично. Переводные слова и выражения-корреляты также называют функциональными аналогами.

Деидиоматизация — приём, при котором семантический элемент, выраженный с помощью иносказаний, аллегории, идиомы, фразеологизма и т. п., в переводе выражен с помощью прямых (непереносных) значений [10. С. 225]. Она является одной из разновидностей лексико-грамматической трансформации.

В описательном или уточняющем переводе смысл ФЕ передаётся свободным словосочетанием или дополнительными словами.

Синонимические соответствия — это существующие на межъязыковом уровне относительные сигнификативные синонимы. Они состоят из слова оригинала и слова, выбранного из соответствующего синонимического ряда языка перевода.

При эквивалентном переводе персидские ФЕ соответствуют русским ФЕ семантически и формально.

При использовании антонимического перевода ФЕ негативное значение оборота обозначается с помощью утвердительной структуры или наоборот.

Комбинированный метод — использование разных типов перевода.

Приём компенсации применяет переводчик, который вынужден удалить исходное слово/слова.

Компенсацией при переводе считают замену передаваемого элемента исходного языка каким-либо другим средством, часто другого языкового уровня, который передаёт ту же самую информацию. Данный приём можно использовать при внутрилингвистических значениях слов, например, использованием субстандартных лексем или просторечных грамматических форм средств для передачи неграмотности какого-либо человека, который ошибочно спрягает английские глаголы: сравните англ. Her mom said: “We wants that house*” и русс. «Мы хотим тот дом*».

Материалы и методы исследования

В данной работе нами использованы описательный метод, метод толкования, сопоставительный анализ, выявление иноязычных коррелятов представленных фразеологизмов и компонентный анализ. Рассмотрены ФЕ, которые можно перевести описательным (уточняющим) переводом, аналогами, комбинированным методом и эквивалентами. Статистические данные нашей работы собраны из диссертации М. Хашеми, рассмотревшей просторечные слова и фразеологизмы персидского языка [19].

В персидском языке нет системы склонения слов, характерной для русского языка, отсутствует категория рода. Синтаксические отношения в предложениях и словосочетаниях передаются при помощи лексем и предлогов. Поэтому в данной работе при толковании каждой фразеологической единицы приводится дословный перевод (далее — досл.), а затем дается коррелят на русском языке.

Результаты исследования и их обсуждение

В этой части рассмотрим значения фразеологизмов семантического поля «органы тела человека» в персидском языке, сопоставляя их значения с русскими коррелятами, и определим способы их передачи на русский язык.

Фразеологические единицы, сочетающиеся с лексемой «sar» «سر» (голова):

- 1) bi sar-o-pā — «بی سر و پا» (досл. без головы и ног): невежливый человек, хулиган, например (рис. 1):

«Čerā mixāy bā in bi sar-o-pā ezdevāj koni?»
«چرا می خواهی با این بی سر پا ازدواج کنی؟»
«Зачем тебе выходить за этого хулигана?»

Рис. 1

Метод перевода: описательный перевод. Смысл персидского фразеологизма передаётся свободным

словосочетанием «невежливый человек» или методом межъязыковой синонимии — словом «хулиган» в русском языке;

- 2) *bi sar-o-zabun* — «بی سر و زبون»: (досл. без головы и языка): застенчивый, стеснительный человек (рис. 2):

«*In ġadr bi sar-o-zabun nabāš! Ĵavāb-eš-o bedeh!*»
«اینقدر بی سر و زبون نباش! جوابشو بده!»
«Почему ты стыдишься? Ответь ему!»

Рис. 2

Метод перевода: описательный перевод. Смысл фразеологизма в персидском языке передаётся свободным словосочетанием «застенчивый, стеснительный человек». Методом перевода можно считать описательный перевод;

- 3) *sar az pā našnāxtan* — «سر از پانشناختن»: (досл. быть не знающим с головы до ног): быть крайне счастливым, радостным; быть на седьмом небе от счастья (рис. 3):

«*Vaġti fahmid xanum-eš bārdār-e, sar az pā našnāxt*»
«وقتی فهمید خانومش بارداره، سر»
«Когда узнал, что у него жена беременна,
был на седьмом небе от счастья».

Рис. 3

Метод перевода: перевод аналогом. Одно и то же значение «быть крайне счастливым и радостным» передаётся разными образными сочетаниями.

Фразеологические единицы, сочетающиеся с лексемой «*cheshm*» — «چشم» (глаз):

- 1) *češm-hāye kas-i ālbālu-gilās čidan* — «چشم های کسی آلبالو گیلاس چیدن» (досл. чьи-либо глаза вишню-черешню собирают): быть чрезмерно невнимательным и рассеянным (рис. 4):

«*Češm-āt ālbālu-gilās načineh,
havās-e-to jam' kon bebin či nevešteh*»
«چشمات آلبالو گیلاس نجینه.»
«*Ĥavāst ru ĵamec ĵn bebin ĵi nošteh*»
«Не будь рассеянным,
сосредоточивай своё внимание на том,
что написано»

Рис. 4

«*Ālbālu*» — вишня, и «*gilās*» — черешня, похожие друг на друга фрукты; обычно в саду вишневые и черешневые деревья располагаются очень близко друг к другу, поэтому человек, собирающий фрукты, должен быть осторожным, чтобы их не перепутать и положить их в отдельные корбки. Этот фразеологизм в персидском языке

употребляют по отношению к тому, кто не может правильно диагностировать проблему, или тому, кто говорит невнятно, невнимателен, не может различить две похожие вещи. Метод перевода — описательный;

- 2) *češm češm rā/ro nadidan* — «چشم چشم را ندیدن»: (глаза глаз не видят): не видеть из-за сильной темноты; это значение можно передать ФЕ «хоть глаз выколи» в русском языке: совершенно ничего не видно, о полной темноте, мраке, например (рис. 5):

«*Az bas tārik bud ke češm češm ro nemidid*»
«از بس تاریک بود چشم چشم رو نمی دید»
«Было так темно, что хоть глаз выколи»

Рис. 5

Метод перевода — перевод аналогом;

- 3) *az češm oftādan* — «از چشم افتادن»: (досл. из глаз выпадать): обесцениваться, утрачивать авторитет; упасть в глазах (рис. 6):

«*Badĵur az češm-am oftādeh*»
«بدجور از چشم افتاده»
«Он сильно упал в моих глазах»

Рис. 6

Значение непереводаемо по образности (хотя и есть эквивалент «упасть в глазах»), перевод передаётся методом частичного эквивалента;

- 4) *bālā-ye češm-e kasī abru budan* — «بالای چشم کسی ابرو بودن»: (досл. над глазами у кого-либо брови есть): критиковать кого-нибудь за его недостатки и ошибки (рис. 7):

«*Vāllā unġadr zud nārāhat mišeh ke diġeh ne mišeh beheš
goft bālā-ye češm-et abru-e*»
«والا، اونقدر زود ناراحت می شه که دیگه نمی شه بهش گفت بالای چشم ابروئه»
«Честно говоря, она быстро обижается,
её невозможно критиковать за недостатки и ошибки»

Рис. 7

Метод перевода — описательный;

- 5) *bi-češm-o-ru* — «بی چشم و رو»: (досл. без глаз и лица): бесстыдный человек, не признающий достоинств других людей (рис. 8):

«*Āĵab bi-češm-o ru-yi bud in yāru dast
az dari-vari goftan bar nemidāšt!*»
«عجب بی چشم و روی بود این یارو دست!
«از دری وری گفتن بر نمی داشت!»
«Как ему было не стыдно, этому типу?!
Не перестаёт говорить ерунду!»

Рис. 8

Методы перевода — описательный перевод в конструкции риторического вопроса;

- 6) *pā-ye češm-e kas-i bādemjān kāštan* — «پای چشم» «кسی بادمجان گذاشتن» (досл. посадить баклажан под глазом кому-либо): поставить синяк под глазом (рис. 9):

«Dobāreh ki bādemjūn kāšteh pā cheshmet?»
«دوباره، کی بادمجون کاشته پا چشمت؟»
«Кто опять тебе синяк под глазом поставил?»

Рис. 9

Метод перевода — описательный;

- 7) *pošt-e češm nāzok kardan* — «پشت چشم نازک کردن» (досл. перед глазами делаться тоньше): вести себя гордо, считать себя лучше других и показывать это своими поступками и поведением, «выпендриваться» (рис. 10):

«Yek pošt-e češm-i barā man nāzok mikoneh!
Nemiduneh ke man aslan ādam hesāb-eš nemikonam»
«یک پشت چشمی برا من نازک می کنه.»
«نمی دونه که من اصلا آدم حسابش نمی کنم»
«Она так выпендривается передо мной.
Не знает, что я её вообще за человека не считаю!»

Рис. 10

Метод перевода — перевод аналогом.

Фразеологические единицы, сочетающиеся с лексемой «*xun*» — «*خون*» (кровь):

- 1) *xun-e hod ro (rā) kasif kardan* — «خون خود رو» (را) «کثیف کردن»: злиться, сильно сердиться; портить себе кровь; нервничать, раздражаться (рис. 11):

«Vixodi xun-e hod-et-o be xāter-eš kasif nakon!
Arzeš-eš-o nadāreh»
«بی خودی خون خودت رو به خاطرش کثیف نکن،»
«ارزششو نداره»
«Не надо портить себе кровь, он этого не стоит»

Рис. 11

Метод перевода — перевод эквивалентом. Значение и образность ФЕ в обоих языках совпадает;

- 2) *be xun-e kasi tešneh budan* — «به خون کسی تشنه» (دردن): (досл. хочется пить чью-либо кровь): питать сильную злобу и вражду к кому-либо, злиться на кого-либо (рис. 12):

«Āncenān be xun-eš tešn-am ke
agar bebinam-eš mikošameš!»
«آنچنان به خونت تشنه»
«م که اگر ببینمش میکشمش»
«Так сильно я злюсь на него/жажду его смерти.
Если его увижу, сразу убью!»

Рис. 12

Методы перевода: если перевести фразеологизм как «злиться на кого-либо» — описательный, а если как «жаждать чьей-либо смерти» — частичный эквивалент.

Фразеологические единицы, сочетающиеся с лексемой «*dašt*» — «دست» (рука):

- 1) *dast be siyāh-o-sefid nazadan* — «دایس هب ت س د» «ن دزن دی فس و» (рукой чёрного и белого не трогать): палец о палец не ударить, совершенно ничего не делать (обычно для достижения какой-либо цели) (рис. 13) [19. С. 89]:

«Dast be siyāh-o-sefid nemizad,
fağat mixord-o mixābid!»
«دست به سیاه و سفید نمی زده،»
«فقط، می خورد و می خوابید»
«Палец о палец не ударил, только ел и спал!»

Рис. 13

Использован перевод аналогом;

- 2) *dašt ru-ye dašt gozāštan* — «دست روی دست گذاشتن» (досл. руку на руку положить): сидеть, сложа руки (рис. 14):

«Bā dast ru-ye dast gozāštan ke moškel-i hal nemišeh,
bāyad be fekr-e čāreh bud»
«با دست روی دست گذاشتن که مشکلی حل نمی شه،»
«باید به فکر چاره بود!»
«Нельзя сидеть, сложа руки.
Надо что-то придумать, чтобы решить проблему»

Рис. 14

Метод перевода — частичный эквивалент;

- 3) *dašt-e kasi bašteh budan* — «دست کسی بسته» (بودن): (досл. рука у кого-либо закрыта): говорится, когда у кого-нибудь нет возможностей, льгот, хорошего финансового положения, чтобы помогать другим; когда у кого-нибудь нет денег (рис. 15):

«Be kodā dast-am basta-st.
Nič komak-i nemitunam bekonam»
«به خدا دستم بسته است.»
«هیچ کمکی نمی تونم بکنم»
«Честное слово у меня нет денег,
ничем не могу помочь!»

Рис. 15

Использован описательный метод.

- 4) *dašt-e kasi jelo-ye digarān derāz budan* — «دست کسی جلوی دیگران دراز بودن» (рука у кого-либо перед окружающими длинная) протягивать руку перед другими; ходить с протянутой рукой; быть нуждающимся; просить, умолять о помощи у кого-нибудь (рис. 16):

«Ye-kam sarfe-juyi konim tā majbur našim pas-fardā dastemun
ro jelu-ye in-o-un derāz konim»
یه کم صرفه جویی کنیم تا
مجبور نشیم پس فردا دستمون
«رو جلوی این و اون دراز کنیم»
«Давайте будем расчётливыми,
чтобы в дальнейшем не ходить с протянутой рукой»

Рис. 16

Метод перевода — частичный эквивалент;

5) *dašt-e kasi kaĵ budan* — «دست کسی کج بودن»:
(досл. рука у кого-либо кривая): быть вором;
ср. нечист на руку (рис. 17):

«Hālā ke bāhāš raft-o-āmad dāri,
morāġebeš bāš, šenidam dasteš kaĵe»
حالا که باهش رفت و آمد داری،
«مراقبتش باش، شنیدم دستش کج»
«Будь осторожен в общении с ним.
Я слышал, что он нечист на руку».

Рис. 17

Метод перевода — частичный эквивалент.

Фразеологические единицы, сочетающиеся
с лексемой «*damāq*» — «دماغ» (нос):

1) *az damāq-e fil oftād-an* — «از دماغ فیل افتادن»:
(досл. из носа слона упасть): важничать, заноситься,
быть о себе высокого мнения, иметь надменный
вид, быть надутым (рис. 18):

«Čeġadr efādeh dāreh, engār az damāq-e fil oftādeh»
«چقدر افاده داره، انگار از دماغ فیل افتاده»
«Он так важничает! О себе такого высокого мнения!»

Рис. 18

Метод перевода — перевод аналогом.

Фразеологические единицы, сочетающиеся
с лексемой «*del*» — «دل» (сердце):

1) *del-e por dāštan* — «دل پُر داشتن»:
(досл. сердце полное иметь): сердиться на кого-что-нибудь,
гневаться, обижаться, иметь зуб против кого-
нибудь [17. С. 649]. ФЕ также можно перевести
как «держат камень за пазухой», например
(рис. 19):

«Delam azaš poreh, nemitunam bebaxšameš»
«دلم ازش پره، نمی تونم ببخشمش»
«У меня зуб против него, не могу его простить» /
«Я держу камень за пазухой против него, не могу простить».

Рис. 19

Метод перевода — перевод аналогами.

2) *del-e kasi riġtan* — «دل کسی ریختن»:
(досл. сердце у кого-нибудь оборвалось): сердце
падает, обрывается, у кого-либо; сердце упа-

ло, оторвалось, оборвалось, у *кого-либо*: кто-
либо испытывает страх, тревогу, приходит
в отчаяние; о внезапном ощущении трево-
ги, испуга и т. п. [8. С. 421]. Другими эквива-
лентами могут быть фразеологизмы «серд-
це оборвалось», «сердце в пятки ушло у ко-
го-либо»: «У меня... от неожиданности, как
говорится, сердце оторвалось» (С. Аксаков);
«*Sedā-ye tormoz ke umad dalam rixt; goftam
nakoneh to tasādoḡ kardeh bāši*» — «که او مد
دلم ریخت؛ گفتم نکنه تو تصادف کرده باشی»:
«Когда раздался визг тормозов, у меня серд-
це в пятки ушло, не попал ли ты в аварию?»
в персидском языке сочетание «دل کسی ریختن»
состоит из изафетного словосочетания «دل
کسی» (чьё-либо сердце, сердце у кого-либо)
и глагола «ریختن» (обрываться), значение со-
хранилось в русском языке, тогда как выра-
жение частично поменялось в виде формулы
«существительное в именительном падеже
(сердце) + глагол (обрывается, оборвалось;
уходило, ушло) + у кого-либо». Синтаксе-
ма «у + р. п.» от личных имён или личных
местоимений выражает притяжательные
отношения субъекта и объекта принадлеж-
ности, целого и части в рамках именного
сочетания [7. С. 114]. Следовательно, метод
перевода — частичный эквивалент. У иран-
цев страх и волнения в сердце обозначается
лексемами «هَری پایین ریختن», компонентами
которых являются лексема «هَری» — наречие
со значением «внезапно», которое использу-
ется в разговорной речи и выражает состоя-
ние страха и волнения [16. С. 8338]. Есть так-
же глагольное словосочетание «پایین ریختن»
(досл. внизу литься), которое у русских экви-
валентно сочетанию «душа ушла в пятки» —
часть тела, находящуюся в самой нижней ча-
сти человеческого тела. Следует добавить
и другой эквивалентный фразеологизм в рус-
ском языке — «сердце ёкнуло в груди», кото-
рое соответствует значению слова «هَری» —
«ёкать: издавать неопределённые отрывистые
звуки, напоминающие звуки икоты, которые
могут быть результатом сильного страха или
волнения». В данном случае фразеологизмы
«دل کسی هَری پایین ریختن» и «у кого-то сердце
ёкнуло в груди» могут быть интерпретирова-
ны как аналоги в обоих языках.

Фразеологические единицы, сочетающиеся
с лексемой «*rudeh*» — «روده» (кишка):

1) *rudeh-bor šodan* — «روده بُر شدن» (досл. киш-
ка порвалась): смеяться неудержимо,

до изнеможения; умирать (помирать) со смеху / от смеха, умереть (помереть, лопнуть) со смеху / от смеха (прост.); надорвать живот (со смеху) (рис. 20):

«Xeyli xoš gozašt.
Az bas jok goft az xandeh rudeh-bor šodim»
خیلی خوش گذشت. از بس جوک گفت
«از خنده روده بُر شدیم»
«Очень было весело,
он рассказывал анекдоты,
так что мы чуть не лопнули со смеху».

Рис. 20

Метод перевода — частичный эквивалент.

Фразеологические единицы, сочетающиеся с лексемой «ostexān/ossexun» — «استخوان» (кость):

1) ostexān (разг. ossexun, ostexun) lā-ye zaxm gozāštan — «استخوان (أستخون، أستخون) لای زخم» «گذاشتن»: (досл. вложить кость в рану) — намеренно ухудшать, обострять чьё-либо положение своими словами или поступками; заставлять переживать собеседника своими словами, поступками. Данный ФЕ напоминает фразеологизм «نمک روی زخم کسی», коррелирующий с русским фразеологизмом «сыпать кому-либо соль на рану» (рис. 21).

«Dard-e xod-am basseh,
to digeh ostexun lā-ye zaxm-am nazār!»
درد خودم بسه، تو دیگه
«استخون لای زخم نزار!»
«Мне и без того достаточно боли.
Не сыпь мне соль на рану».

Рис. 21

Метод перевода — частичный эквивалент.

Фразеологические единицы, сочетающиеся с лексемой «guš» — «گوش» (ухо):

1) āvize-ye guš kardan — «آویزه گوش کردن»: (досл. повесить серьгу на ухо) — запоминать; слушать внимательно, принимать советы (рис. 22):

«In ro āvize-ye guš-et kon va behar kasi etminān nakon»
این رو آویزه ی گوشت کن
«و به هر کسی اطمینان نکن»
«Послушай внимательно: не верь каждому»

Рис. 22

Значение данного фразеологизма можно сопоставить с ФЕ «мотать себе на ус», которая связана с символикой усов в значении мужской зрелости

и опыта. В древности завязыванием узелков «на память» напоминали о случившемся: чем длиннее ус, тем больше «намотано» жизненного опыта¹. Можно видеть, что здесь имеется некоторое гендерное несоответствие, тем не менее, перевод этого ФЕ осуществляется аналогом.

Заключение

Принимая во внимания все вышеизложенное, подытожим нижеследующими выводами:

1. Единственный пример метода синонимического перевода в сочетании с деидиоматизацией в нашей работе представляет собой фразеологизм «bi sar-o-pā — «بی سر و پا» (досл. без головы и ног), который в русский язык передаётся словом «хулиган». Замена непередаваемого элемента исходного языка при переводе осуществляется тем же средством в русском языке на лексическом уровне.
2. Если перевод ФЕ совпадает с оригиналом и в плане содержания, и в плане выражения, его принято называть эквивалентом: Фразеологизм «xun-e xod ro (rā) kasif kardan» (перс. خون خود رو (را) کثیف کردن): «портить себе кровь» — это пример полного эквивалента.
3. Примерами частичных эквивалентов являются нижеследующие ФЕ:
 - az češm oftādan — «از چشم افتادن» (досл. из глаз выпадать): «упасть в глазах»;
 - dašt ru-ye dašt gozāštan — «دست روی دست» (досл. руку на руку поставить) — «сидеть, сложа руки»;
 - dašt-e kasi kaš budan — «دست کسی کج بودن» (досл. рука у кого-либо кривая) — «нечист на руку»;
 - dašt-e kasi jelo-ye digarān derāz budan — «دست کسی جلوی دیگران دراز بودن» — «протягивать руку перед другими; ходить с протянутой рукой»;
 - del-e kasi rixtan — «دل کسی هُری پایین ریختن» — «у кого-либо сердце ёкнуло в груди»;
 - «ostexān (разг. ossexun, ostexun) lā-ye zaxm gozāštan» «استخوان (أستخون، أستخون) لای زخم» «گذاشتن» аналогичен фразеологизму «نمک روی کسی پاشیدن», частично коррелирует с русским «сыпать кому-либо соль на рану»;
 - rudeh-bor šodan — «روده بُر شدن» — «лопнуть/надорвать живот со смеху»;
 - «be xun-e kasi tešneh budan» — «به خون کسی تشنه بودن» — «жаждать чьей-либо крови».

¹ URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (accessed: 07.12.2022).

4. Если персидская ФЕ по переводу соответствует значению русской ФЕ, но отличается образностью полностью или частично, её следует считать переводом-аналогом.
- sar az rā pašnāxtan — «سر از پا نشناختن» — «досл. быть не знающим с головы до ног, быть на седьмом небе от счастья»;
 - češm češm rā nadidan — «چشم چشم را ندیدن» — «хоть глаз выколи»;
 - «dašt be siyāh-o-sefid nazadan» — «دست به سیاه» — «палец о палец не ударить»;
 - del-e por dāštan — «دل پر داشتن» — «держат камень за пазухой»;
 - āvize-ye guš kardan — «آویزه گوش کردن» — «мотать себе на ус»;
 - pošt-e češm nāzok kardan — «پشت چشم نازک کردن» (досл. перед глазами делаться тоньше) — вести себя гордо, считать себя лучше других и показывать это своими поступками и поведением, «выпендриваться»;
 - az damāğ-e fil oftād-an — «از دماغ فیل افتادن» (досл. из носа слона упасть) — важничать, заноситься, быть о себе высокого мнения, иметь надменный вид, быть надутым.
5. Описательный перевод используется, когда смысл передаётся свободным словосочетанием и точного эквивалентного перевода мы не нашли:
- bi sar-o-zabun — «بی سر و زبان» (досл. без головы и языка) — застенчивый, стеснительный человек;
 - češm-hāye kas-i ālbālu-gilās čidan — «چشم های کسی آلبالو گیلاس چیدن» (досл. чьи-либо глаза вишню-черешню собирают) — быть чрезмерно невнимательным и рассеянным;
 - bālā-ye češm-e kas-i abru budan — «بالای چشم کسی ابرو بودن» (досл. над глазами у кого-либо брови есть) — критиковать кого-нибудь за его недостатки и ошибки;
 - bi-češm-o-ru — «بی چشم و رو» (досл. без глаз и лица) — бесстыдный человек, не признающий достоинств других людей;
 - rā-ye češm-e kas-i bādemjān kāštan — «پای چشم کسی بادمجان گذاشتن» (досл. посадить баклажан под глазом кому-либо) — поставить синяк под глазом кому-либо;
 - если перевести фразеологизм «be xun-e kas-i tešneh budan» — «به خون کسی تشنه بودن» (досл. хотеть пить чью-либо кровь) как «злиться на кого-либо», «питать сильную злобу и вражду к кому-либо», метод перевода можно считать описательным;
 - dašt-e kas-i bašte budan — «دست کسی بسته بودن» (досл. рука у кого-либо закрыта) — когда у кого-нибудь нет возможностей, льгот, денег.

Список источников

1. Арсентьев Д. З. Типы системных отношений внутри тематических групп // Системные связи и отношения фразеологизмов : сб. науч. тр. Свердловск: СГПИ, 1989. С. 36–45.
2. Арсентьева Е. Ф., Коноплева Н. В. Вопросы перевода фразеологических единиц и типология межъязыковых соответствий ФЕ, семантически ориентированных на лиц мужского пола, в английском и русском языках // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 3. С. 168–178.
3. Ахмади М., Алиари Шурехдели М., Хаэри М. Русские фразеологические единицы с соматическим компонентом «Голова» в сопоставлении с персидским языком // Преподаватель XXI. 2020. № 3. С. 428–435.
4. Баба-заде Д. Г. Русская фразеология в иранской аудитории : учеб. пособие. Тегеран : САМТ. 2009. 209 с.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / под ред. Вл. Россельса. М. : Междунар. отн., 1980. 352 с.
6. Гришаева М. М., Орлова С. Л., Скоморохова С. В. Семантическая топология фразеологических единиц субполя «качественные признаки человека» // Вестник ОГУ. № 5 (154). 2013. С. 36–40.
7. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 2-е, изд., испр. М. : Эдиториал УРСС. 2001. 440 с.
8. Молоткова А. И. Фразеологический словарь русского языка. М. : Советская энциклопедия, 1968. 543 с.
9. Насири М. Семантические особенности русских и персидских фразеологизмов с компонентом-соматизмом «рука» // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 1. С. 90–98.

10. Пенькова А. В., Моралес Р. М. Обзор переводческих трансформаций в современной теории перевода // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований. Курск, 2021. С. 219–226.
11. Подкорытова С. В. Способы перевода фразеологизмов // Научные труды КубГТУ. 2016. № 4. С. 1–11.
12. Фаттахова Я. Р. Особенности перевода фразеологических единиц // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2014. № 3. С. 130–136.
13. Хадеми Могаддам М., Резаи М. Сопоставительный анализ персидских фразеологизмов с компонентом чёрного и белого цветов и их русских эквивалентов // Филологические науки в МГИМО. Т. 4, № 16. 2018. С. 114–119.
14. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая Школа: 1985. С. 160.
15. Шахмирзян Э. Сравнительный анализ фразеологизмов, выражающих восхищение, радость, счастье в русском и персидском языках: дис. на соискание учёной степени магистра по специальности “обучение русскому языку”. Тегеран: Тегеранский государственный университет, январь 2009. 151 с.
16. انواری حسن/ فرهنگ بزرگ سخن: به سرپرستی حسن انواری؛ تهران: سخن، ۱۳۸۱؛ ج ۸، ج. هشتم: ن — و — ه — ی: مصور؛ صص. ۷۸۵۷-۷۹۵۸.
17. روبینچیک، یوری آرنوویچ / فرهنگ فارسی به روسی: به تصحیح و اهتمام یوری روبینچیک؛ [تدوین کنندگان م. عثمانوف ... و دیگران]؛ بیش از ۰۰۰۰۶ کلمه، به ضمیمه شرح مختصر دستور زبان فارسی. — مشهد: جاودان خرد، ۱۳۸۱؛ ج ۲. (ج ۱): از آ تا ژ، ۲۸۷ ص.
18. صفوی، کوروش. هفت گفتار درباره ی ترجمه. تهران: کتاب ماد (وابسته به نشر مرکز)، چاپ سوم: ۷۷۳۱، ۹۷ ص.
19. هاشمی، منیر السادات. پایان نامه کارشناسی ارشد ادبیات فارسی. جمع آوری و بررسی واژه ها و اصطلاحات عامیانه تهران. تهران: دانشگاه علامه طباطبائی. استاد راهنما: دکتر محمدرضا حاجی بابایی. آذر ۱۳۹۱.

References

1. Arsent'ev DZ. Types of systemic relations within thematic groups. In: Sistemnyye svyazi i otnosheniya frazeologizmov = Systemic connections and relations of phraseological units. Sverdlovsk; 1989. 98 p. (In Russ.).
2. Arsent'eva EF, Konopleva NV. Issues of phraseological units translation and interlanguage correspondence typology in English and Russian. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University*. 2009;151(3):168-178. (In Russ.).
3. Akhmedi M, Aliyari Shurekhdeli M, Khaeri M. Russian phraseological units with the somatic component “head” in comparison with the Persian language. *Prepodavatel' XXI = Teacher XXI*. 2020;(3):428-435. (In Russ.).
4. Baba-zade DG. Russkaya frazeologiya v iranskoj auditoria = Russian phraseology in the Iranian audience. Tehran: SAMT; 2009. 209 p. (In Russ.).
5. Vlakhov S, Florin S. Neperevodimoe v perevode = Untranslatable in translation. Ed. by Rossels VI. Moscow: Mezhdunar. Otn.; 1980. 352 p. (In Russ.).
6. Grishaeva MM, Orlova SL, Skomorokhova SV. Semanticheskaya topologiya frazeologicheskikh edinit subpolya «kachestvennye priznaki cheloveka = Semantic typology of phraseological units of a subfield “qualitative characteristics of a man”. *Vestnik OGU = Bulletin of Orenburg State University*. 2013;(5(154):36-40. (In Russ.).
7. Zolotova GA. Sintaksicheskii slovar': Repertuar elementarnykh edinit russkogo sintaksisa. Izd. 2-e, ispravlennoe = Syntactic dictionary. Repertoire of elementary units of Russian syntax. Moscow: Editorial URSS; 2001. 440 p. (In Russ.).
8. Molotkova AI. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka = Phraseological dictionary of Russian language. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1968. 543 p. (In Russ.).
9. Nasiri M. Semantic features of Russian and Persian phraseological units with a somatic component hand. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya Yazyka. Semiotika. Semantika = Bulletin of RUDN. Series: Language theory, Semiotics. Semantics*. 2014;(1):90-98. (In Russ.).
10. Penkova AV, Morales RM. A review of translation transformations in modern translation theory. In: *Язык, кул'тура, ментал'ност': problemy i perspektivy filologicheskikh issledovanij = Language, culture, mentality: problems and prospects of philological research*. Kursk; 2021. Pp. 219-226. (In Russ.).

11. Podkorytova SV. Ways of phraseological units translation. *Nauchnye trudy KubGTU = Scientific Works of Kuban State Technological University*. 2016;(4):1-11. (In Russ.).
12. Fattakhova YaR. Stylistic means of expression in artistic text. *Aktual'nye prpblemy germanistiki, romanistiki i rusistiki = Topical problems of German, Roman and Russian studies*. 2014;(3):130-136. (In Russ.).
13. Khademi Mogaddam M, Rezai M. Comparative analysis of Persian phraseological units with components black and white and their Russian equivalents. *Filologicheskie nauki v MGIMO = Linguistics and polyglot studies*. 2018;4(16):114-119. (In Russ.).
14. Shanskii NM. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka = Phraseology of the modern Russian language*. Moscow: Hieher school; 1985. 160 p. (In Russ.).
15. Shakhmirzayan E. Sravnitel'nyi analiz frazeologizmov, vyrazhayushchikh voskhishchenie, radost', schast'e v russkom i persidskom yazykakh: dis. na soiskanie uchenoi stepeni magistra po spetsial'nosti "obuchenie russkomu yazyku" = Comparative analysis of phraseological units expressing admiration, joy, happiness in Russian and Persian languages. Thesis. Tehran, Tehran University; 2009. 151 p. (In Russ.).
16. Anvari H. Farhange bozorge sokhan = Bol'shoj slovar' sohan v 8-i tomah. V. VIII from ۸ to ۹ = The big Sokhan Dictionary. Tehran: Sokhan; 2002. Pp. 7587-8592. (In Pers.).
17. Rubinchik YuA. *Persidsko-russkii slovar' v 2-kh tomakh. Svyshe 60000 slov. S prilozheniem grammaticheskogo ocherka persidskogo yazyka*. V. I. from ۱ to ۲, = Russian-Persian dictionary. Moscow: Sov. Entsiklopediya; 1970. 649 p. (In Pers.).
18. Safavi K. Haft goftar darbaree tarjome = Sem' vystuplenii o perevode. 3rd ed. Tehran: Ketab-e Mad (pri izd. Nashre Markaz); 1998. 79 p. (In Pers.).
19. Hashemi M. Collecting and checking Tehran slang words and expressions. Supervisor: M.-R. Haji-Babai, *prostorechnye slova i frazeologizmy persidskogo yazyka = Colloquial words and phraseological units of the Persian language*. Tehran: University of Allameh Tabataba'i; 2015 (In Pers.).

Сведения об авторе

М. Мореди — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы.

Information about the author

M. Moradi — Cand. of Sci. (Philology), Associate professor of Russian language and literature department.

Статья поступила в редакцию 08.05.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 22.12.2023.

The article was submitted 08.05.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 22.12.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'37

doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-22-35

КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕКСЕМ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Елена Владимировна Шелестюк

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, shelestiuk@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4254-4439

Аннотация. В статье вводится понятие характерологизма — лексемы, обозначающей черту характера, в совокупности с выражаемой ею понятием (концептом). Выделены три группы классификаций характерологизмов — онтологическая, лингвокультурологическая и лингвистическая. Онтологическая группа отражает сущность характерологических понятий/концептов и предметные значения соответствующих лексем. Она включает ряд классификаций, а именно обыденные и научные классификации, а также классификацию константных и ситуативных характерологизмов. Лингвокультурологическая группа отражает лингвокультурные аспекты характерологизмов, первая классификация включает кросс-культурные универсалии и культурно обусловленные понятия, вторая — характерологизмы простые и сложные по семантике. Лингвистическая группа соответствует различным языковым аспектам характерологической лексики. Она включает следующие классификации характерологизмов: синонимические/антонимические ряды в сочетании с этимологической характеристикой, семантическую, стилистическую, идиоматическую, синтаксическую, морфологическую и словообразовательную классификации.

Ключевые слова: характерологическая лексика, характерологизм, семантическое поле, тематическое поле, интернационализмы, лексические корреляты, лексические псевдокорреляты, характерологические универсалии, лингвокультурно специфические характерологизмы

Для цитирования: Шелестюк Е. В. Классификации лексем, обозначающих черты характера (на материале русского и английского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 22–35. doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-22-35

Original article

CLASSIFICATIONS OF PERSONALITY TRAIT LEXEMES (EXEMPLIFIED BY THE LEXIS OF RUSSIAN AND ENGLISH)

Elena V. Shelestyuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, shelestiuk@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4254-4439

Abstract. The article introduces the concept of characterologism — a lexeme denoting a character trait in conjunction with the concept it expresses. Three groups of classifications of characterologisms are identified: ontological, linguoculturological and linguistic. The ontological group reflects the essence of characterological concepts/concepts and the meanings of corresponding lexemes. It includes a number of classifications, namely everyday and scientific classifications, as well as a classification of constant and situational characterological units. The linguoculturological group reflects the linguocultural aspects of characterologisms, the first classification includes cross-cultural universals and culturally determined characterological concepts, the second — characterologisms simple and complex in semantics. The linguistic group corresponds to various linguistic aspects of characterological vocabulary. It includes the following classifications of characterological units: synonymous/antonymic series in combination with etymological characteristics, semantic, stylistic, idiomatic, syntactic, morphological and word-building (morphemic) classifications.

Keywords: characterological vocabulary, characterologism, semantic field, thematic field, internationalisms, lexical correlates, lexical pseudocorrelates, characterological universals, linguoculturally specific characterologisms

For citation: Shelestyuk EV. Classifications of personality trait lexemes (exemplified by the lexis of Russian and English). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(1(483):22-35. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-22-35

Введение

Данная статья посвящена типологизации классификаций лексем, означающих черты характера (личностные черты), и соответствующих им понятий. Исследование проведено на материале русского и английского языков. Характерологическая лексика понимается широко, она представляет собой пласт лексем, означающих качества и поведенческие характеристики человека и отражающих семантизацию и языковые номинации психологически, социально и культурно обусловленных проявлений индивида. Способы семантизации и языковой номинации личностных черт обусловлены наличием в обществе определенных ментальных особенностей и стереотипов. Отражая психологические антропологические понятия, характерологическая лексика составляет важнейшие семантические и тематические поля в лексиконе языка, исследование которых может многое прояснить о психологии человека вообще и о психологии конкретного народа.

Попытки рассмотреть, классифицировать и обобщить черты характера как свойства и признаки человека, а также как явления его психической и социальной жизни предпринимались в различных науках, прежде всего психологии, философии, культурологии, однако в лингвистике до сих пор исследований слов-характерологизмов и полей характерологической лексики немного, и носят они специализированный либо частный характер. Это связано, вероятно, с масштабностью самого объекта — лексем-десигнатов черт характера, а также разнообразием и несовпадением их в разных лингвокультурах. Упомянутым фактом обуславливаются актуальность и новизна данной статьи.

История изучения вопроса, материалы и методы

Зачатки логико-семантического анализа характерологических понятий можно найти еще в древних учениях. Гиппократ, который, по словам И. П. Павлова, «уловил в массе бесчисленных вариантов человеческого поведения капитальные черты» (цит. по [5]), классифицировал и дал описание основным типам темперамента. Его понятия о темпераментах общепризнаны и используются человечеством до сих пор. Черты характера в связи со знаками Зодиака изучали астрологи. Большое внимание исследованию качеств человека уделялось в этических теориях философских и религиозных течений, при этом вплоть до эпохи Просвещения ценностно-оценочными категория-

ми для них выступали понятия добродетели и порока. С помощью последних люди категоризировали черты характера, что в дальнейшем способствовало их классификации. В этике Аристотеля утверждался принцип метрипатии — необходимости умеренности в страстях. Мыслитель рассматривал добродетель как нечто среднее между двумя крайностями — страстью и ее отсутствием, он располагал щедрость между расточительностью и скупостью, дружелюбие — между угодничеством и вредностью, мужество — между безрассудной отвагой и трусостью [1. С. 74]. Римская культура выделяла ряды личных (милосердие, достоинство, упорство, бережливость, ответственность, респектабельность, трудолюбие, исполнительность и прочее) и общественных (достаток, честность, удачливость, гармония, терпение, справедливость и прочее) добродетелей [16]. С появлением утилитаризма и кантианства трактовка качеств человека в категориях добродетели и порока отошла на второй план, философы в большей степени сосредоточились на правильности или неправильности поступков в конкретных ситуациях [15]. Зарождение научной психологии, философия прагматизма и бихевиоризм сместили внимание с категорий добродетели и порока на черты характера как таковые, которые стали трактоваться преимущественно как склонности, диспозиции — тенденции иметь определенные реакции (эмоции, восприятия, действия) в определенных ситуациях. Черты характера стали связываться с более или менее устойчивыми моделями реагирования, которые характеризуют человека, когда он находится в тех или иных ситуациях.

В лингвистике попытки системного исследования черт характера немногочисленны. Упомянем исследования лексических и фразеологических средств характеристики человека в русском языке [2], лексических единиц, обозначающих нравственные черты характера в русском языке [6], лексических средств положительной оценки человеческих качеств [9], характерологические лексико-семантические группы слов в структуре семантического поля «Человек» в сознании носителей русского языка [8]. Также отметим, что в настоящее время мало репрезентативных тезаурусов характерологизмов, в достаточной мере описывающих характерологическое лексико-семантическое поле, среди имеющихся выделим обсуждаемую в следующем разделе классификацию А. Г. Шмелева («Атлас личностных черт») [12]. Впрочем, этот недостаток восполним

в свете появления новых все более полных языковых корпусов и словарей и их автоматизации.

Целью настоящей статьи является представление основных типов классификаций характерологизмов как лингвоконцептуальных единств. Используемые нами методы включают систематизацию, описательный метод, метод компонентного анализа, сопоставительный метод. Материалы исследования составляют списки из 2000 русских и 2000 английских характерологизмов, полученных методом сплошной выборки из учебных, тематико-лексикографических, редакторских и психологических онлайн-ресурсов, а также словарей.

Результаты и обсуждение

Мы вводим понятие характерологизма как лингвоконцептуального единства, включающего понятие о той или иной черте характера человека, и лексему (имя), значение которой соответствует этому понятию. Лексемы черт характера (характерологические лексемы, или лексемы-характерологизмы) группируются в обширные семантические и тематические поля в разных языках, которые в настоящее время еще не имеют системного описания в лингвистике.

В настоящее время также не составлена типология классификаций характерологизмов. Восполнить этот пробел призвана данная статья, вслед за чем можно осознанно осуществлять исследование нашего объекта в том или ином направлении, в т. ч. изучая характерологические тематические и семантические поля.

Классификации характерологизмов являются многомерными. Нами выделены три группы классификаций — онтологическая, лингвокультурологическая и лингвистическая. Онтологическая группа отражает сущность характерологических понятий/концептов и предметные значения соответствующих лексем. Она включает ряд классификаций, а именно обыденные и научные классификации характерологических понятий. Внутри этих классификаций характерологизмы объединяются в соответствии с тем или иным сущностным аспектом (темой). В онтологическую группу включаем также классификацию константных и ситуативных характерологизмов. Лингвокультурологическая группа отражает лингвокультурные аспекты характерологизмов, универсальные (кросс-культурные) и культурно обусловленные характерологические концепты. Лингвистическая группа соответствует различным языковым аспектам характерологической лексики. Она включает следующие классифика-

ции характерологизмов: синонимические/антонимические ряды в сочетании с их этимологической (семантико-диахронической) характеристикой; классификацию стилистически разговорных, нейтральных и книжных характерологизмов; классификацию идиоматичных и неидиоматичных фразеологизмов; синтаксическую классификацию (отдельные слова и фразы); морфологическую классификацию: различные части речи; классификацию по видам словообразования. Ниже остановимся на каждом типе классификаций подробнее.

Группы классификаций характерологических понятий/концептов и соответствующих лексем

I. Онтологические классификации

1. «Обыденные» аспектные классификации характерологизмов, которых можно выделить несколько:

1.1. Ассоциативную классификацию понятий черт характера и соответствующих лексем находим у Е. В. Ерофеевой и Е. А. Пепеляевой. Она основана на проведенном ассоциативном эксперименте в рамках описания семантического поля «Человек». Эта классификация описывает «внутренний (ментальный) лексикон», соответствующий изучаемой лексике и фундирующий «механизм речевой деятельности, который обеспечивает говорящим связь когнитивных структур с лексемами языка» [8. С. 8]. В фокусе внимания авторов оказываются не черты характера как таковые, а структура семантического поля «Человек» в целом, куда характерологическая лексика тоже входит. Материальной базой исследования послужили результаты опроса носителей русского языка, а именно — студентов пермских вузов, которые должны были написать все слова, которые ассоциируются у них с концептом «Человек». Черты характера как понятийная категория была представлена в ответах студентов наиболее широко, что свидетельствует о значимой роли этой лексики в концептуализации человека в сознании студентов. При этом среди многообразной характерологической лексики упоминались слова, обладающие наибольшей важностью в опрошенной группе и, с большой вероятностью, в русскоязычном сегменте в принципе.

Упомянутое исследование затрагивало не только прилагательные, очевидным образом наиболее часто обозначающие черты характера, но и другие части речи, довольно часто — существительные. Грамматические и стилистические особенности слов-ассоциатов, полученных от респондентов, участвовавших в эксперименте, не учитывались, брались все указанные студентами слова (в которые, например, могут входить разговорные), но при этом из слов со сходной семантикой, но разной грамматической или стилистической формой выбиралось одно общее, наиболее частотное и нейтральное.

Таким образом, классификация отражает наивную и бытийно-философскую научно-популярную картину мира, в которую входят бытовые представления, фиксируемые в лексике и служащие инструментом адаптации человека в мире. Эти представления выражает стилистически усредненный нейтральный лексикон. Классификация строится на основе двух главных признаков структуры семантического поля: семантической группировки слов и количественных параметров. Всего в ходе исследования было выделено девять лексико-семантических групп, а именно:

- субъективные оценочные характеристики человека (пять подгрупп; 1842 реакции; 37,75 % от общего количества реакций; объем словника — 715 слов);
- социальные характеристики человека (десять подгрупп; 1662 реакции; 34,06 % от общего количества реакций; 601 слово);
- объективные физические характеристики человека (четыре подгруппы; 1091 реакция; 22,36 % от общего количества реакций; 280 слов);
- сфера, вид деятельности (семь подгрупп; 113 реакций; 2,32 % от общего количества реакций; 86 слов);
- атрибуты (3 подгруппы; 92 реакции; 1,88 % от общего количества реакций; 74 слова);
- жизненное пространство (3 подгруппы; 31 реакция; 0,64 % от общего количества реакций; 28 слов);
- общие понятия (25 реакций; 0,51 % от общего количества реакций; 25 слов).
- человек (2 подгруппы; 15 реакций; 0,31 % от общего количества реакций; 12 слов).
- жизнь/смерть (2 подгруппы; 9 реакций; 0,18 % от общего количества реакций; 6 слов).

Для нас интерес представляют в основном первые две группы, остальные связаны не с внутренним миром человека (а черты характера произрастают оттуда), но с какими-либо внешними характеристиками (физические данные, сопутствующие материальные атрибуты). Рассмотрим подробнее две интересующие нас группы. Самая обширная первая подгруппа содержит слова, выражающие эмоциональную оценку человека с точки зрения его отношения к различным сферам жизни и указанным подкатегориям. Лексика этой подгруппы применима и для оценки социального поведения.

Субъективные оценочные характеристики человека, включающие несколько подгрупп:

а) эмоциональная оценка по отношению к окружающим: *бесчестный, внимательный, верный, грубый, дружелюбный, манипулирующий, заботливый*; работе: *исполнительный, трудолюбивый*; деньгам: *бережливый, жадный, скупой, щедрый*; социуму: *эгоцентричный, замкнутый, общительный*; жизни в целом: *жизнелюбивый, депрессивный*; жизненной позиции: *активный, пассивный, инициативный, консервативный, целеустремленный*; качествам характера напрямую: *вредный, бесхарактерный, закомплексованный, практичный, нравственный, практичный, наивный*; уровню развития: *начитанный, малознающий, эрудированный, ограниченный*; постоянным характеристикам индивида: *кровожадный, капризный, мстительный, терпеливый*; соблюдению этикетных норм: *воспитанный, невоспитанный, вежливый, невежливый, галантный, учтивый, хамоватый*; б) способности и достижения: *остроумный, артистичный, ловкий, умный, глупый, бестолковый, бездарный, заторможенный; знаменитый, известный, успешный, полиглот*; в) эмоции и чувства: *задумчивый, грустный, скучающий, сонный, мрачный*; г) профессиональная характеристика: *квалифицированный, компетентный, перспективный*; д) привычки и склонности: *гурман, сладкоежка, «сова», «жаворонок»* и др.

Социальные характеристики человека частично пересекаются с категорией черт характера, из этой группы релевантными для исследования характерологической лексики являются: а) межличностные отношения: *незнакомец, товарищ, приятель, друг, верный*

друг, подруга, лучшая подруга, любимый; б) социальная роль: *ведомый, ведущий, наставник, адепт*; в) религия: *верующий, богобоязненный, религиозный*; г) убеждения: *анархист, диссидент, пацифист*.

1.2. Обыденные классификации характерологизмов на образовательных, языковых или редакторских сайтах¹. Часто прилагательные, относящиеся к характерологической лексике, классифицируются по разным категориям с целью систематизации для более удобного изучения и запоминания слов (прежде всего, лексики иностранного языка) или работы с текстами. В результате получаются, как правило, краткие и достаточно логичные распределения лексем.

Примером классификаций на образовательных ресурсах может послужить классификация на сайте «Английский язык онлайн»². Группа слов называется «Прилагательные, характеризующие человека», главным ее назначением является помощь в составлении хорошего резюме на английском. Организация этой классификации достаточно четкая, она следует обыденно-философской логике: 1) character (характер): *creative, curious, determined, easygoing, flexible, hardworking, patient, supportive* etc.; 2) innate qualities (врожденные качества): *sleepyhead, quick, composed, neat, serious, sensitive, touchy, rational, trustworthy* etc.; 3) powers of mind (умственные способности): *broad-minded, sluggish, sharp, wise, witty, blunt, mediocre, ordinary, genius, sophisticated* etc.; 4) volitional powers (волевые качества): *bold, feeble, brave, cautious, firm, hesitant, steady, doubtful, stubborn, lacking self-reliance* etc.; 5) man and other people (человек в отношении к другим людям): *amiable, fair, honest, outspoken, jealous, snobbish, tough, strict, kind, wicked, noble* etc.; 6) man and property (человек и собственность): *generous, greedy, open-hearted, stingy, economical, frugal, thrifty, spendthrift, wasteful, intemperate*; 7) man and his work (человек и работа): *responsible,*

careless, lazy, disciplined, punctual, committed, dedicated, concerned etc.; 8) emotional states (эмоциональные состояния): *calm, sad, glad, sorrowful, gloomy, miserable, disappointed, inspired, pleased, hopeful* etc.

1.3. Соединяя и дополняя обыденные классификации, предлагаем следующую классификацию лексем — черт характера (открытую для дополнения и уточнения):

- психические и психологические качества личности, врожденные и приобретенные: *уверенный, тихий, наивный, тревожный, conceited, mature, calm, cheerful*;
- отношение к людям и восприятие людьми — оценочно-поведенческие характеристики человека, затрагивающие социальное поведение и взаимоотношения с окружающими: *добрый, авторитарный, дружелюбный, любезный; amiable, candid, demanding, forbearing*; отношение к себе: *себялюбивый, альтруистичный; self-effacing, unassuming*;
- отношение к социуму: *либеральный, общительный; charitable, critical, charismatic*;
- мораль и нравственность, о человеке и его поступках: *благородный, злорадный, предательский, милостивый; vindictive, jealous, prudent, gracious*;
- соблюдение этикетных норм и манера поведения: *вежливый, галантный, почтительный; discourteous, urbane, uncouth*;
- отношение к работе (деятельности), профессиональные достижения: *ответственный, деловой, пунктуальный, целеустремленный, преданный делу; adventurous, entrepreneurial, unambitious, with an axe to grind*;
- отношение к собственности и деньгам: *щедрый, жадный, тороватый, скупой, расточительный; stingy, economical, frugal, thrifty*;
- интеллект, уровень развития, связанные с этим способности и достижения: *блестящий, талантливый, разносторонний; intelligent, reasonable, blunt*;
- волевые качества: *послушный, норовистый, упорный; strong-willed, feeble, steadfast*;
- эмоции и чувства: *разочарованный, несчастный, веселый, сердитый; equanimous, joyous, melancholy, agitated*;
- привычки и склонности: *аккуратный, норовистый, гурман, бонвиван, артистичный; recalcitrant, suicidal, morbid, ingenious*.

2. Научные (психологические) аспектные классификации черт характера (виды и черты характера, темперамента, соционические

¹ URL: <https://www.vocabulary.cl/english/personality-adjectives-character-traits.htm> (дата обращения: 23.05.2020); Emotional Competency group. URL: <https://emotionalcompetency.com/adjectives.htm> (дата обращения: 15.09.2023); Grammar Monster. Free Grammar Lessons and Exercises. URL: <https://www.grammar-monster.com/lists/adjectives-to-describe-people.htm> (дата обращения: 15.09.2023)

² URL: <https://www.activeenglish.ru/> (дата обращения: 23.05.2020)

типы, типы акцентуаций и проч.). Здесь особого внимания заслуживает детально разработанная психологом А. Г. Шмелевым классификация личностных черт на русском языке в рамках теории т. н. «большой пятерки» личностных черт (The Big Five Personality Traits, автор теории Л. Голдберг, предшественники и последователи Ф. Боркенау, Х. Монтаг, М. Биренбаум, Й. Панксепп, Р. Маккри, П. Коста, Д. Маренго и др.). В модели «большой пятерки» выделяются следующие факторы (англоязычный вариант / вариант Шмелева): 1) Extraversion (Surgency) / Активность (экстраверсия); 2) Agreeableness / Дружелюбие (альтруизм); 3) Conscientiousness / Самоконтроль (сознательность); 4) Neuroticism (Emotional Stability) / Эмоциональная устойчивость (уверенность в себе); 5) Openness to experience (Intellect) / Интеллект (интеллигентность).

В 2002 г. А. Г. Шмелев на основе пятифакторной модели личности разработал «Атлас личностных черт», тезаурус, составленный на материале русского языка с помощью прилагательных (с некоторым включением существительных). Общий

список личностных черт включает 2090 лексем и является на сей день одним из самых обширных, к тому же четко упорядоченным по пяти секторам модели и 240 поведенческим кластерам — семантически связанным группам [12]. Классификация скрупулезно продумана, основывается на многолетних исследованиях, имеет сложную, стройную структуру и основательную психологическую базу. «Атлас личностных черт» в основе своей направлен на нужды психологии и наибольшую ценность имеет именно в исследованиях этой области¹. Шмелев пишет о том, что одна из главнейших задач — выделение максимально универсальных контекстно-независимых характеристик личности, максимально возможной универсальной системы. Но несмотря на стремление к универсализации и факторизации личностных черт, слова, включенные в «Атлас», демонстрируют значительное разнообразие в плане частотности, стилистической окраски, объема/содержания понятий и проч. Большая часть из них также имеет значительную лингвокультурную составляющую, «произрастает из национальной почвы», в чем мы видим не недостаток, а достоинство этого списка.

Таблица 1

**Фрагмент из «Атласа личностных черт» А. Г. Шмелева.
Личностные черты разнесены по кластерам и секторам
Большой Пятерки личностных факторов**

no= 178	647 12 ИСТОЩЕННЫЙ 0	501 14 ЗАГНАННЫЙ 0
43(54) 45(22)	1892 12 УТОМЛЯЕМЫЙ 0	546 16 ЗАТРАВЛЕННЫЙ 0
350 11 ГРУСТНЫЙ 10	599 5 ИЗМОЖДЕННЫЙ 0	1405 11 ПРИШИБЛЕННЫЙ 0
1253 14 ПЕЧАЛЬНЫЙ 3	1305 3 ПОМЯТЫЙ 0	no=183
1144 2 ОГОРЧЕННЫЙ 0	164 4 БОЛЕЗНЫЙ 0	-13(46) 45(34)
857 9 НАДЛОМЛЕННЫЙ 0	526 1 ЗАМОТАННЫЙ 0	1870 4 УНИЖЕННЫЙ 0
329 10 ГОРЕМЫКА 0	860 1 НАДОРВАВШИЙСЯ 0	1167 4 ОПОЗОРЕННЫЙ 0
569 4 ЗЛОСЧАСТНЫЙ 0	1066 1 НЕТРУДОСПОСОБНЫЙ 0	1186 1 ОСКОРБЛЕННЫЙ 0
379 7 ДЕПРЕССИВНЫЙ 0	1009 1 НЕПРИКАЯННЫЙ 0	1166 3 ОПЛЕВАНЫЙ 0
1273 12 ПОДАВЛЕННЫЙ 0	no=180	1901 4 УЩЕМЛЕННЫЙ 0
1843 14 УГНЕТЕННЫЙ 0	-13(48) 45(31) -12(18) -14(17)	no=184
1060 8 НЕСЧАСТНЫЙ 3	891 3 НЕВЕЗУЧИЙ 3	-13(52) -15(20)
45 2 БЕДНЯГА 0	1070 2 НЕУДАЧЛИВЫЙ 0	1639 8 СКОВАННЫЙ 47
48 3 БЕДОЛАГА 0	1059 4 НЕСЧАСТЛИВЫЙ 0	540 6 ЗАСТЕНЧИВЫЙ 9
330 4 ГОРЕМЫЧНЫЙ 0	1071 1 НЕУДАЧНИК 4	1681 9 СМУЩАЮЩИЙСЯ 0
1643 9 СКОРБНЫЙ 0	no=181	1549 12 РОБКИЙ 42
1736 4 СТРАДАЛЕЦ 0	43(49) -15(24)	694 7 КОНФУЗЛИВЫЙ 0
1795 1 ТРАГИЧНЫЙ 0	68 5 БЕЗЗАЩИТНЫЙ 3	1730 7 СТЕСНИТЕЛЬНЫЙ 3
1130 4 ОБРЕЧЕННЫЙ 0	492 2 ЗАБРОШЕННЫЙ 0	1746 8 СТЫДЛИВЫЙ 0
819 2 МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ 0	536 4 ЗАПУЩЕННЫЙ 0	521 2 ЗАКРЕПОШЕННЫЙ 0
no=179	1628 8 СИРОТЛИВЫЙ 0	1041 5 НЕСВОБОДНЫЙ 0
43(53) -15(26)	1185 1 ОСИРОТЕЛЫЙ 0	no= 185
1251 7 ПЕРЕУТОМЛЕННЫЙ 0	1116 1 ОБЕЗДОЛЕННЫЙ 0	43(52) -15(21)
600 4 ИЗМОЧАЛЕННЫЙ 0	no=182	1199 3 ОТВЕРЖЕННЫЙ 0
603 7 ИЗНУРЕННЫЙ 0	43(51) -15(32)	595 2 ИЗГОЙ 0
1884 7 УСТАЛЫЙ 0	535 15 ЗАПУГАННЫЙ 0	1008 3 НЕПРИЗНАННЫЙ 0
601 15 ИЗМОЧЕННЫЙ 0	504 6 ЗАДАВЛЕННЫЙ 0	1149 4 ОДИНОКИЙ 0
1891 13 УТОМЛЕННЫЙ 0	488 15 ЗАБИТЫЙ 0	

¹ См. современный ресурс, основанный на «Атласе личностных черт»: ТЕЗАЛ: словарь-навигатор в пространстве черт личности. URL: <http://tezal.tilda.ws/> (дата обращения: 15.09.2023).

Кратко остановимся на концепции, лежащей в основе классификации А. Г. Шмелева. Существенной здесь является идея «нечетких множеств» в духе Лотфи Заде [17] и гибкой психо-семантической трактовки значения слова, согласно которой в поле значения с разными весами (меняющимися от экстралингвистического контекста) входят разные компоненты — денотативные, сигнификативные, коннотативные и прочие. При этом одна и та же лексема — черта характера может иметь, кроме доминирующего компонента, вторичные (фоновые) компоненты значения, которые относятся к другим понятийным классам черт характера. Кроме разнообразия компонентов (денотативный, сигнификативный, коннотативный, в комплексе всех семантических признаков вплоть до противоположных, энантиосемичных), значению свойственны нечетко очерченные границы. Все эти особенности означают постоянную динамику и трансформацию лексико-семантической парадигмы слова.

Но на определенном культурно-историческом этапе есть более или менее устойчивое, целостное и распространенное в той или иной культуре сопряжение семантических связей и ассоциаций, т. е. более или менее стабильное значение. И оно, при всех вариациях семантики, закреплено за той или иной формой. Л. С. Выготский в свое время высказывался о значении в аналогичном русле с точки зрения психологии: значение есть неотъемлемое свойство знака, оно же есть единица психической жизни; значение слова — всегда обобщение, прорастая в сознание, оно изменяет ассоциативно-когнитивные отношения и процессы, однако само значение слова развивается в зависимости от изменения сознания [4].

П. Боркенау [13] выдвинул концепцию «общего семантического пространства» (*common semantic space*), в котором одновременно отображаются действия (поступки, *acts*) и личностные черты индивида. Факторы семантического пространства черт характера являются отражением оценки индивида с точки зрения социальных целей. Это обуславливает прототипичность поступков представителей какого-либо социума, такая прототипичность основана на первичном эмпирическом знании. Прототипичные поступки (выполняющие роль образца для определенных черт) размещаются в пространстве как лежащие в непосредственной близости от точек, изображающих соответствующие им черты. Личностные черты — это этап обобщения эмпирического знания. Строясь на базе прототипов, они содержат

более высокую степень абстрактности прототипических действий и ситуаций.

Заслуживают внимания определения личностных черт, данные А. Г. Шмелевым. В объективном смысле личностная черта — это устойчивая диспозиция индивидуума к определенному поведению в обозначенном классе ситуаций, которая сложилась в ходе формирования личного опыта на основе психофизиологической конституции, социального подкрепления ролевого поведения, конструирования идеальных образцов и целенаправленных стратегий. В субъективном смысле личностная черта — это категориальная единица опыта, обобщающая для субъекта признаки определенного класса ситуаций и предписаний поведения в этих ситуациях; это личностный конструкт, позволяющий ускоренно решать задачу выбора стратегии поведения в текущей ситуации и одновременно — задачу поддержания целостности «Я» [12]. В связи с обширностью и четкой научной категоризацией лексики в атласе личностных черт А. Г. Шмелева в дальнейших исследованиях в изучении русского семантического поля черт характера можно и целесообразно опираться на этот тезаурус.

3. Классификации характерологических черт по устойчивости-изменчивости, временности личностные черты и значения соответствующей лексики подразделяются на:
 - константы, в большей или меньшей степени постоянные личностные черты, которые, в свою очередь, подразделяются на: а) имманентные, врожденные, изначально заданные (*обаятельный, флегматичный; brave, crafty*) и б) перманентные, постоянно присутствующие или наблюдаемые (*ответственный, культурный; cantakerous, presumptuous*);
 - переменные, временно проявляющиеся поведенческие личностные черты, которые включают ситуативные, характерные для той или иной ситуации (*восхищенный, снисходительный, дерзкий; excited, enraged, yearning, uptight*);
 - смешанные, которые могут быть постоянными и ситуативными (*дружелюбный, настойчивый; stubborn, charming*).

II. Лингвокультурологическая классификация характерологизмов

Можно предложить несколько лингвокультурологических классификаций характерологизмов, например, на основе культурной окраски выражаемых ими концептов, на основе их оценок в той или иной культуре, на основе своеобразие

характерологических фреймов разных культур, на основе сопоставления языковой актуализации отдельных концептов в разных культурах и др. Здесь мы предложим две классификации:

1. На основе универсальности — уникальности:

а) *характерологические универсалии*, понятия/концепты (и соответствующие лексемы, «основные имена понятий» по М. В. Никитину), общие для большинства культур и языков мира, ср. рус. и предположит. универс. *добрый — злой, смелый — трусливый, веселый — грустный, честный — лживый, справедливый — несправедливый* и др.; также психологические интернационализмы: *харизматичный, эгоистичный, интроверт/экстраверт, холерический/сангвинический/флегматичный/меланхолический, эмпатичный* и т. п.

Как универсалии могут рассматриваться и сами способы образования характерологических слов. Так, универсальным является способ образования характерологизмов от качественных прилагательных со значением свойства предмета с помощью синестезии. Также универсальными следует признать метафорический и метонимический перенос, эвфемизацию и дисфемизацию [11]. Однако универсальные способы образования не гарантируют совпадения значений характерологизмов в разных языках, ср. синестезические переносы *тяжелый — легкий (с легким характером), твердый — мягкий, холодный — горячий (?), возвышенный — низкий/низменный; heauy (важная птица, серьезный человек, заправила, резонер) — light (?), hard (жестокый) — soft, cold — hot, high (под хмельком, под наркотиком, высокомерный) — low (депрессивный, низменный)*;

б) *культурно обусловленные характерологизмы* — понятия/концепты и соответствующие лексемы, не имеющие точных по содержанию и объему единиц в культурах и языках сопоставления, отличающиеся частотностью, стилистической окраской, внутренней формой, референцией и т. д.: ср. рус. *категоричный, жизнелюбивый, неприхотливый, развязный, здравомыслящий, духовный (священный с внутренним, нравственным миром человека), душевный, интеллигентный, колоритный, отходчивый, целеустремленный, цельный (цельная натура), бластной, бескорыстный(?), влюбчивый; англ. efficient, fun, generous (благородный и щедрый), inte-*

gral, presumptuous, proficient, prudent, discreet, insouciant, moody, resourceful, violent, spontaneous, steady, self-conscious, matter-of-fact и проч.

2. По содержанию концептов/понятий:

а) *семантически простые* лексемы, состоящие из небольшого количества сем, интуитивно понятные, чаще лишенные коннотаций; в основном совпадают в разных языках, являются универсалиями: *умный, злой, жестокий, доверчивый, трудолюбивый, верный, спокойный; clever, angry, cruel, trusting, hardworking, true, calm* и т. п.;

б) *семантически сложные* лексемы, состоящие из значительного количества сем, нередко со специфической или размытой, контекстуально обусловленной семантикой, а также с различными экспрессивными, оценочными и стилистическими коннотациями. Образуя синонимические и антонимические ряды как на внутриязыковом, так и на межъязыковом уровне, они представляют собой лексемы, семантически пересекающиеся, но не совпадающие, т. е. выступают как частичные лексические корреляты или псевдокорреляты: *совестливый — scrupulous, conscionable vs conscientious — добросовестный, сознательный; genteel — благовоспитанный, любезный, элегантный, жеманный, галантный, приличный vs любезный — lovely, accommodating, obliging, complaisant, debonair; небрежный — careless, negligent, lax, casual, heedless, neglectful, slipshod, inadvertent, perfunctory vs nonchalant — беззаботный, безразличный, бесстрастный, непринужденный, индифферентный, невозмутимый; скромный — decent, lowly, mean, simple, small, low-profile, demure, diffident, shamefaced, maidenlike, pudent, pudibund, self-effacing, unassuming, unpretentious, unassertive, unobtrusive, unpresuming vs modest — сдержанный, благопристойный, умеренный, скромный, пристойный, благонравный, небогатый, непритязательный, невзыскательный, неприхотливый, непрезентабельный, нетребовательный.*

Мы видим, что на межъязыковом уровне лексемы, пересекающиеся, но не совпадающие по содержанию понятий (а также коннотациям, моделям и частотности употребления и т. д.), включаются в различающиеся синонимические ряды. Это может свидетельствовать о несовпадении соответствующих концептов в разных

культурах. Например, синонимические ряды лексем «скромный» и «modest» демонстрируют несовпадение культурного восприятия и оценки соответствующего понятия. В русскоязычной культуре скромность связывается преимущественно с умеренностью, благонравием, благопристойностью, в англоязычной культуре она также ассоциируется с бедностью, приниженностью, ханжеством¹.

III. Лингвистические классификации характерологизмов

1. Парадигматическая классификация: синонимические/антонимические группы, которые можно рассматривать в сочетании с этимологией и внутренней формой лексем. Эта лингвистическая классификация во многом пересекается с предыдущей лингвокультурологической (связанной с содержанием понятий), но она акцентирует собственно семантические нюансы, а не лингвокультурные и лингвоконцептуальные отличия синонимических лексем.

В английском в результате почти 300-летнего нормандского доминирования проявляется сильное влияние французского языка и латыни (через французский). В нем очень развита синонимия, имеется множество пересекающихся рядов и групп идеографических и стилистических синонимов. Вместе с антонимами и гипонимами они образуют семантические поля, а в совокупности с иными частями речи одной тематики — обширные тематические поля. Это особенно касается характерологизмов, которые обладают повышенной семантической аттракцией. При этом автоматизированные тезаурусы, словари синонимов и антонимов английского языка предоставляют достаточно полную картину англоязычного характерологического концептуально-семантического поля и подполей. Ср. продолжающиеся синонимические ряды со значениями «беспокойный, озабоченный, беспокоящийся, стремящийся»: *anxious (Lat.), afraid (Norman Fr.), apprehensive (Lat.), careful (Old Engl.), concerned (Lat.), distressed (Fr.), enthusiastic (Gr.), fearful (Proto-Germ.), fidgety (North. Germ.)*,

¹ В поведенческом аспекте это проявляется, в частности, в том, что в англоязычных культурах в большей степени ценится умение подать себя, поощряется яркая самопрезентация. Ср. реплику журналиста Тима Кирби, «русского американца», в беседе с политиком и радиоведущим «Вестей FM» Сергеем Михеевым: «Русская скромность везде в англоязычном мире считается слабостью».

impatient (Lat.), jittery (Amer. Engl.), aghast (Old Engl.), agog (Old Fr.), antsy (Amer. Engl.), ardent (Fr.) etc.; антонимический ряд с соответствующими значениями: *bold (Proto-Germ.), brave (Fr., Lat.), calm (Old Fr.), collected (Lat.), composed (Fr., Lat.), confident (Lat.), cool (Proto-Germ.), courageous (Old Fr.), happy (Old Engl.), inattentive (Fr., Lat.), quiet (Old Fr.), unafraid (Norman Fr.), unconcerned (Lat.), unfearful (Proto-Germ.), unworried (Proto-Germ.), assured (Old Fr.), content (Fr., Lat.), indifferent (Fr., Lat.), peaceful (Fr.), tranquil (Lat.) etc.*²

Также весьма богата характерологическая лексика русского языка. Приведем часть синонимического ряда слова «беспокойный» (синонимической доминанты в этом ряду), пересекающегося с английским “anxious”: *обеспокоенный (общеслав.), озабоченный (древнерус.), озадаченный (ст.-слав.), мятежный (ст.-слав.), беспокойный (общеслав.), неугомонный (герм.), неумный (общеслав.), опечаленный (общеслав.), подвижный (общеслав.), расстроенный (общеслав.), сам не свой (идиом. общеслав.), смутный (ст.-слав.), сомневающийся (ст.-слав.), сосредоточенный (ст.-слав.), суетный (ст.-слав.), тревожный (общеслав.), чуткий (общеслав.)*; антонимический ряд с соответствующими значениями: *спокойный (общеслав.), беззаботный (древнерус.), безмятежный (ст.-слав.), безразличный (герм.), беспечный (общеслав.), греч. калька), легковесный (искон.), равнодушный (ст.-слав.), успокоенный (общеслав.)*³.

Ряд современных свободно пополняемых переводчиками словарей, например, *multitran*⁴, показывает, что по количеству синонимов и антонимов русский язык вполне сопоставим с английским. Вместе с тем изданные до настоящего времени словари русского языка этого не отражают. Словари синонимов и антонимов до недавнего

² The Oxford English Dictionary. Clarendon Press, 1989; Онлайн-словари URL: <https://www.thesaurus.com>, <https://www.synonyms-thesaurus.com>, <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 15.09.2023).

³ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом Славянской кн., 2008. 959 с.; Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое изд.-е. СПб.: Норинт, 1998; ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Прагославянский лексический фонд. М.: 1974- настоящее время; Онлайн-словарь синонимов русского языка. URL: <https://sinonim.org> (дата обращения: 15.09.2023).

⁴ Онлайн-словарь: URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 15.09.2023).

времени не давали всего разнообразия лексем¹, идеографические словари (тезаурусы) русского языка также не имеют полноты, да и непротиворечивой теоретико-методологической базы². Также имеются сложности в уточнении происхождения слов, поскольку в настоящее время нет словаря русского языка на исторических принципах, как и полного этимологического словаря русского языка (альтернативой которому, впрочем, является превосходный многотомник «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О. Н. Трубачёва). Разработка для русского языка полных и современных автоматизированных словарей синонимов и антонимов, словарей-тезаурусов, включая характерологический, словарей на исторических принципах очень актуальна. При этом такие словари не должны быть простыми переводами аналогичных ресурсов с языка международного общения (английского), но должны быть основаны на русскоязычном и русскокультурном материале (хотя лексика может быть сопоставлена с англоязычной и др. по факторам, нюансам значений, идиоматичности, коннотациям и проч.).

Изучение синонимических и антонимических рядов характерологизмов, сопровождающееся выявлением внутриязыковых и межъязыковых сходств и различий их семантики (включая денотативные, сигнификативные, коннотативные компоненты), анализом коллокаций и коллигаций, прагматики употребления, частотности, встречаемости у разных авторов и в разных дискурсах, внутренней формы, образности и т. д. вплоть до фоносемантики, представляется важной задачей. Оно позволит полно описать лексико-семантическое поле черт характера, будет способствовать расширению словарного запаса носителей и изучающих язык, более осмысленному чтению и сочинительству с пониманием всех тонкостей значений слов.

2. Семантические классификации. Одна из нескольких возможных семантических классификаций включает однозначные и полисемичные/эурисемичные характерологизмы. Эта классификация также перекликается

¹ Впрочем, последние словари синонимов и антонимов, основанные в т. ч. на корпусе русского языка, довольно репрезентативны, например, онлайн-словарь «Словарь синонимов русского языка»: URL: <https://sinonim.org> (дата обращения: 15.09.2023).

² Ср. Леонтьева Т. В. Идеографический словарь русской социальной лексики: общество и человек. Екатеринбург: Ажур, 2018; Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. Москва, 2002. 1200 с.

с приведенными выше лингвокультурологическими классификациями. Характерологические лексемы живых языков, как правило, обладают тонкой, нюансированной семантикой. При этом большинство из них являются многозначными, имеющими несколько лексико-семантических вариантов, или эурисемичными, широкозначными, контекстуально обусловленными. Ср. *aggressive* — *агрессивный, задиристый, вызывающий, угрожающий, активный, энергичный, действенный, стремительный, наступательный, настойчивый, напористый, пробивной, имеющий хватку, идущий напролом*; *concerned* — *заинтересованный, озабоченный, обеспокоенный, взволнованный, увлеченный, интересующийся, причастный, сознательный, полный энтузиазма*; *цельный* — *not hollow, righteous, integral, self, finished, of a piece, all of a piece, unsophisticated, sound, steady, balanced, self-consistent*; *духовный* — *spiritual, mental, religious, moral, immaterial, inward, noetic, otherworldly, psychic, unworldly, nonmaterial, cultural, ethical, intellectual, intellectual, intelligential, internal, pneumatic*.

Другая классификация касается выраженности в семантике характерологизмов тех или иных эмоционально-оценочных либо экспрессивных коннотаций. Например, моральные характерологизмы обычно более экспрессивны в русском языке, чем в английском: *подлый* — *back-stabbing, mean, low, blackguard, villainous, shabby, dastardly, hangdog, ignoble, reprobate, scabby, base-minded, scoundrelly, dishonourable*; *mean* — *недоброжелательный, скверный, злой, стервозный, подлый, нечестный, гадкий, неприглядный, гнусный, дрянной*; *друг* — *friend, pal, mate, buddy, comrade; friend* — *друг, подруга, сторонник, доброжелатель, дружище, товарищ, приятель, приятельница, партнер, знакомый, знакомая*.

В определенном смысле широкозначные и многозначные характерологизмы, а также характерологизмы с маркированными коннотациями могут считаться культурно обусловленными, поскольку не имеют точных соответствий в других языках (см. также лингвокультурологические классификации выше).

3. Стилистическая классификация: разговорные (включая жаргонные), нейтральные и литературные характерологизмы. Лексемы черт характера в значительной степени варьируются по стилистическим коннотациям, в общем подпадая под один из трех

основных стилистических регистров (низкий, средний и высокий). Большинство из них способны образовывать стилистические или идеографо-стилистические синонимические ряды, частично пересекающиеся с иноязычными, ср. сниж. *тупой* — нейтр. *глупый* — повыш. *бездарный*, *blunt* — *stupid* — *mediocre*; *высоколобий/ботаник/заучка* — *умный* — *гений/корифей/недант*; *geek/nerd/bookworm* — *clever, intellectual* — *man of education/cultivated, cultured person/a man of culture*; *пронырливый/пробивной/делец* — *предприимчивый/энергичный* — *инициативный/действующий на упреждение, pushing* — *enterprising* — *initiative/proactive*; *лощёный/нижон* — *холеный/ухоженный* — *изысканный/элегантный*, *glossy/sleek* — *polished/polite* — *suave/svelte/soigne*.

4. Классификация на основе переносного смысла: идиоматические vs неидиоматические характерологизмы. «Идиоматический» подразумевает устойчивые выражения-фразы и отдельные лексемы, стереотипно употребляющиеся в фигуральном, переносном (метафорическом, метонимическом, ироническом). В языках имеется множество характерологических фраз разной степени идиоматичности (фразеологические сочетания, фразеологические единства и фразеологические сращения по В. В. Виноградову): *говорить как по писаному, мухи не обидеть, витать в облаках, стреляный воробей, третий калач, без царя в голове, крепкий орешек, дьявол во плоти, тараканы в голове, перекати-поле, гол как сокол, трезв как стеклышко, нечистый на руку; fall on a lucky streak, have a stroke of luck, rolling stone, wet blanket, leading light, good egg, dressed to the nines, full of oneself, down and out, all smiles, have a short fuse, make a mountain out of a molehill*. Как указывалось выше, идиоматическими бывают не только фразы, но и лексемы, в числе идиоматических лексем упомянем слова в метафорическом (метонимическом, ироническом) значении, антономазии, аллюзии, прецедентные имена, а также бахуврихи — сложные слова, обозначающие референты путем указания на определенные характеристики или качества, которыми они (референты) обладают. Например, *лиса, толстокожий, ершистый, скорпион, медоточивый, кровопийца, мироед, тихоня, шляпа, сладкоежка, всезнайка, цербер,*

эльф, донкихот, горлопан, держиморда, слюнтяй; maudlin, namby-pamby, nondescript, oof-bird, dictee, heavy sugar, plute, razor-neck, highbrow, lowlife, tenderfoot, slowcouch, ball of fire, matter-of-fact и др. Идиоматические характерологизмы могут иметь точный эквивалент в другом языке, но чаще не имеют его, поскольку разные образы, лежащие в основе идиом, разные коннотации (экспрессивные, эмоционально-оценочные, стилистические), разные частотность и прецедентность не дают оснований говорить об эквивалентности, но лишь о той или иной степени близости. Эта оппозиция, являясь семантической, пересекается со следующими, грамматическими оппозициями.

5. Синтаксическая классификация: слова (простые и сложные) vs фразы. Ср. характерологизмы-слова: *гостеприимный, гуманный, дальновидный, дипломатичный, жертвенный, здравомыслящий, карьерист, колоритный; merry, narrow-minded, moody, perverse, persevering, presumptuous, racy, self-conscious, slovenly, trustworthy, unfriendly, violent*. Характерологизмы-фразы: *не робкого десятка, сам черт ему не брат; море по колено, в огонь и в воду, ветер в голове, ума палата, язык без костей, ангельская душа, пуп земли, профессор кислых щей, мастер на все руки, казанская сирота, божий одуванчик; yellow belly, green finders (thumb), green about the gills, dark horse*. В английском языке нередко идиоматические характерологические фразы, в составе которых есть аллюзивное или прецедентное имя собственное с обобщенным смыслом: *smart Alec, Aunt Edna, Calamity Jane, moaning Minnie, Doubting Thomas, Silly Billy, every Tom, Dick, and Harry, John Doe / Jane Doe, peeping Tom, plain Jane*. В русском языке такого рода фразы встречаются несколько реже, ср. *Фома неверующий, филькина грамота, куда Макарыч не гонял, Тришкин кафтан, валять Ваньку, как Сидорову козу, Демьянова уха, не по Сеньке шапка, как при царе Горохе, Шемякин суд*. Способ образования характерологизмов с помощью антропонимов и катойконимов менее продуктивен в русском языке (ср. *Иванов, Петров, Сидоров*), а многие идиомы воспринимаются как устаревшие. В английском же языке он вполне продуктивен, ср. современные обозначения представителей «низшего класса» от прецедентных

имен *Sharon and Tracey, Kevins, Essex Man, Mondeo Man* [14].

6. Морфологическая (частеречная) классификация. Говоря о чертах характера, имеют в виду прежде всего признаки (качества) человека. Поэтому прилагательные и наречия в этой лексической группе преобладают. Особый случай представляют весьма распространенные фразы-характерологизмы с союзом как (as... as): *как заведенный, как в воду опущенный, как на иголках, как об стенку горох, как с гуся вода, как от козла молока, (вертится) как белка в колесе; as mad as a hatter, as innocent as a lamb, as sly as a fox, as happy as a clam, busy as a bee, cool as a cucumber, stiff as a poker* и т. п. Существительные среди характерологизмов также очень часты: *ловкач, крохобор, огонь, решала, тихоня, неженка, белоручка, кулема; softy, busybody, do-gooder, go-getter, arm-chair critic, cheapskate, big cheese, wet blanket* (также см. примеры в пункте 4). Нередко встречаются и характерологические глаголы и глагольные фразы (в т. ч. идиомы), например, *(не) подводить, тушеваться, дурачиться, хандрить, «динамить», «индульгировать», владеть собой, держать себя в руках, и бровью не повести, и глазом не моргнуть, идти в огонь и в воду, звезд с неба не хватать, смотреть в лицо (в глаза) опасности, брать на себя смелость, витать в облаках, родиться в сорочке, коня на скаку остановит, сидеть на шее; toady, snub, wear ones heart upon their sleeve, see red, get a life, be hen-pecked, bottle out, fly into a temper, put on airs, look down one's nose, roll in it, have a screw loose, have one's head in the clouds*. Глагольные характерологизмы пока недостаточно описаны в лингвистическом и лингвокультурологическом планах, хотя определенные наработки в этом направлении есть [7].
7. Словообразовательная классификация: простые vs сложные характерологизмы. Примеры из обеих групп можно найти выше. Здесь стоит отметить, что сложные характероло-

гические лексемы были весьма распространены в древнерусском и церковнославянском языках (ср. примеры *благоумильный, гордовысоковыиствовати, челопреклонцы, великодумцы, щедро-хищники* [3]), отголоски чего находим в современном русском языке, например, *благодарный, благоразумный, велеречивый, легкомысленный, тщеславный, прекраснодушный, жестоковыйный, одухотворенный*. Этот способ образования характерологизмов весьма продуктивен и в английском языке: *well-mannered, happy-go-lucky, carefree, hardworking, open-minded, tealy-mouthed, penny-wise, pot-valiant* и проч. Есть также способы образования характерологизмов, свойственные конкретному языку, и не встречающиеся в другом (других), ср. англ. суффикс -er, например, *performer* — *выполнитель, исполнитель, актер, артист, top performer* — *лучший ученик, работник, «стахановец», underperformer* — *отстающий, выступающий ниже своих возможностей, не умеющий себя подать* и т. п.

Заключение

Характерологизмы представляют весьма обширную и перспективную область для лингвистических исследований. Они могут изучаться в таких областях как лексическая семантика, теория семантических/тематических полей, лингвокультурология, лингвоконцептология, психолингвистика (особенно в областях языкового сознания и ментального лексикона), стилистика и дискурсология. С развитием автоматической обработки массивов языковых данных и наращиванием языковых корпусов значительно упрощается классифицирование и изучение характерологизмов с разными целями, сравнение и сопоставление характерологических лексических и лингвокультурных коррелятов и псевдокоррелятов в разных языках, а также выбор лексики характерологических семантических и тематических полей для создания, перевода и редактирования текстов. Данная статья делает один из первых шагов в этом направлении, представив типологию классификаций характерологизмов.

Список источников

1. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. 830 с.
2. Бахвалова Т. В. Лексические и фразеологические средства характеристики человека в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 1995. 35 с.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. : учебник. 3-е изд. М. : Высшая школа, 1982. 528 с.

4. Выготский Л. С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М. : Лабиринт, 1999. 352 с.
5. Гиппократ // Большая медицинская энциклопедия. Т. VI (Гипотиреоз — Дегенерация) ; гл. ред. Б. В. Петровский. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1977. С. 37–38.
6. Горбунова Ю. С. Лексические единицы, обозначающие нравственные черты характера в русском языке // *Russian Linguistic Bulletin*. 2022. № 8 (36). DOI: 10.18454/RULB.2022.36.21
7. Гюнеш Б. Фразеологизмы с глагольным компонентом со значением «человек, его качества и поведение» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 22 с.
8. Ерофеева Е. В., Пепеляева Е. А. Структура семантического поля «Человек» в сознании носителей русского языка // *Вестник Пермского университета*. 2011. Вып. 1 (13). С. 7–19.
9. Ильюшина Е. С. Лексические средства положительной оценки человека (психолингвистический анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2001. 23 с.
10. Олейник Р. В. Уникалии как семантические исключения в славянской, германской и тюркской фразеологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2014. 26 с.
11. Ульманн С. Семантические универсалии. Языковые универсалии // *Новое в лингвистике*. 1970. № 5. С. 250–299.
12. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. Санкт-Петербург : Речь, 2002. 480 с.
13. Borkenau P. Implicit personality theory and the five-factor model // *Journal of Personality*. 1992. № 60. P. 295–329.
14. Fox K. *Watching the English. The hidden rules of English behaviour*. London: Hodder & Stoughton, 2004. 424 p.
15. MacIntyre A. *After virtue: a study in moral theory*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2007. 312 p.
16. Roman virtues // *Nova Roma*. URL: http://www.novaroma.org/nr/Roman_virtues (дата обращения: 30.11.2023).
17. Zadeh Lofti. Toward a theory of fuzzy information granulation and its centrality in human reasoning and fuzzy logic // *Fuzzy Sets and Systems*. 1997. № 90 (2). P. 111–127. doi:10.1016/S0165-0114(97)00077-8.

References

1. Aristotle. *Works* : in 4 vol. Vol. 4. Moscow: Mysl; 1983. 830 p. (In Russ.).
2. Bakhvalova TV. *Leksicheskiye i frazeologicheskiye sredstva kharakteristiki cheloveka v russkom yazyke* = Lexical and phraseological means of characterizing a person in Russian: Abstract of thesis. Orel, 1995. 35 p. (In Russ.).
3. Vinogradov VV. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* = Essays on the history of the Russian literary language of the 17th–19th centuries. Textbook. 3rd ed. Moscow: Vysshaya shkola; 1982. 528 p. (In Russ.).
4. Vygotsky LS. *Myshleniye i rech'* = Thinking and speech. 5th ed., rev. Moscow: Labyrinth, 1999. 352 p. (In Russ.).
5. Hippocrates. In: *Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya* = Great Medical Encyclopedia / Ed. by Petrovskiy BV. 3rd. ed. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1977. Vol. VI. P. 37-38. (In Russ.).
6. Gorbunova YuS. Lexical units denoting moral character traits in the Russian language. *Russian Linguistic Bulletin*. 2022;(8(36)). DOI: 10.18454/RULB.2022.36.21. (In Russ.).
7. Gunesh B. *Frazeologizmy s glagol'nym komponentom so znacheniyem «chelovek, yego kachestva i povedeniye»* = Phraseologisms with a verbal component meaning “a person, his qualities and behavior”. Abstract of thesis. Moscow; 2008. 22 p. (In Russ.).
8. Erofeeva EV, Pepelyaeva EA. The structure of the semantic field “Man” in the search for native speakers of the Russian language. *Vestnik Permskogo universiteta* = *Bulletin of Perm University*. 2011;1(13):7-19. (In Russ.).
9. Ilyushina ES. *Leksicheskiye sredstva polozhitel'noy otsenki cheloveka (psikholingvisticheskiy analiz)* = Lexical means of positive assessment of a person (psycholinguistic analysis): Abstract of thesis. Nalchik, 2001. 23 p. (In Russ.).
10. Oleinik RV. *Unikalii kak semanticheskiye isklyucheniya v slavyanskoy, germanskoy i tyurkskoy frazeologii* = Uniques as semantic exceptions in Slavic, Germanic and Turkic phraseology: Abstract of thesis. Ufa; 2014. 26 p. (In Russ.).

11. Ullmann S. Semantic universals. Language universals. *Novoye v lingvistike* = News of linguistics. 1970;(5)250-299. (In Russ.).
12. Shmelev AG. Psikhodiagnostika lichnostnykh chert = Psychodiagnostics of personality traits. St. Petersburg: Rech'; 2002. 480 p. (In Russ.).
13. Borkenau P. Implicit theory of personality and the five-factor model. *Journal of Personality*. 1992;(60):295-329.
14. Fox K. Watching the British. Hidden rules of behavior for the British. London: Hodder and Stoughton; 2004. 424 pp.
15. MacIntyre A. After Virtue: a Study in Moral Theory. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press; 2007. 312 pp.
16. Roman virtues. *Nova Roma*. URL: http://www.novaroma.org/nr/Roman_virtues (access date: 11/30/2023)
17. Zadeh Lofti. On the theory of fuzzy granulation of information and its central role in human reasoning and fuzzy logic. *Fuzzy sets and systems*. 1997;(90(2):111–127. doi:10.1016/S0165-0114(97)00077-8.

Информация об авторе

Е. В. Шелестюк — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

Elena V. Shelestyuk — Doctor of Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023; одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 22.12.2023.

The article was submitted 14.08.2023; approved after reviewing 03.11.2023; accepted for publication 22.12.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ГРАММАТИКА, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

GRAMMAR, LINGUISTIC TYPOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 36–43.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(1(483):36-43. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-36-43

УНИВЕРБАЦИЯ — ПРОБЛЕМНЫЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Равиль Гибатович Гатауллин

Уфимский университет науки и технологий (УУНиТ), Уфа, Россия, gataullinrg@list.ru

Аннотация. В статье проводится анализ деривационной универбации как одной из форм функционирования компрессии в словообразовании. Универбация представляет собой слияние, стягивание в одно словесное целое свободного или устойчивого словосочетания, предложения или фрагмента предложения. Новая словообразовательная конструкция по своей форме соотносится с одним словом, а по семантике — со всем словосочетанием. Нередко новое слово «впитывает» в себя значение контекста. Активность универбации тесно связана с потребностями в «экономных» номинациях новых понятий, а также с необходимостью стилистического варьирования наименования. Данный способ образования слов позволяет создавать без особых речевых усилий компактные, экономные, сжатые и ёмкие формы выражения мысли. Проблемность данной деривационной модели состоит в том, что происходит расширенное толкование сущности словообразовательных способов.

Ключевые слова: универбация, инкорпорация, аббревиация, субстантивация, контаминация, сращение, экономная номинация, деривационная компрессия

Для цитирования: Гатауллин Р. Г. Универбация — проблемный способ словообразования в немецком языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 36–43. doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-36-43

Original article

UNIVERBATION IS A PROBLEMATIC WAY OF WORD FORMATION IN GERMAN LANGUAGE

Ravil G. Gataullin

Ufa University of Science and Technology (UUNiT), Ufa, Russia

Abstract. The article analyzes derivational univerbation as one of the forms of compression functioning in word formation. Univerbation is a merging, pulling together of a free or stable word combination, a sentence or a sentence fragment into one verbal whole. The new word-forming construction in its form corresponds with one word, and in its semantics with the whole word combination. It is not uncommon for a new word to “absorb” the meaning of the context. The activity of universalization is closely connected with the need for “economical” nominations of new concepts, as well as with the need for stylistic variation of the name. This way of word formation allows creating compact, economical, concise and succinct forms of expressing thoughts without special speech efforts. The problematic character of this derivational model is that there is an extended interpretation of the essence of word formation methods.

Keywords: universalization, incorporation, abbreviation, substantivation, contamination, fusion, economical nomination, derivational compression

For citation: Gataullin RG. Univerbation is a problematic way of word formation in German language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(1(483):36-43. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-36-43

© Гатауллин Р. Г., 2024

Введение

Все деривационные типы (словосложение, аффиксация, аббревиация и т. д.) по способу создания слов можно объединить в *аналогичное* и/или *компрессивное* словообразование. В словообразовании по *анalogии* новые словообразовательные конструкции по своей формальной и смысловой структуре «воссоздают» узуальное слово, содержащееся в тексте, повторяют его «построение», происходит своеобразный «перенос контекстуальных словообразовательных образцов» [12. С. 79]. Механизм словопроизводства по этому способу сводится, таким образом, к замене одного из компонентов узуального или окказионального производного или (часто) сложного слова другим словом или деривационной морфемой. Аналогичное словообразование — это образование «целого словообразовательного гнезда или словообразовательной парадигмы, аналогичные узуальным, но состоящие частично или даже целиком из окказиональных слов» [1. С. 170]. При таком подходе можно рассматривать абсолютное большинство сложных, производных, а также большую часть сложнопроизводных слов и сращений как конструкции, образованные по аналогии.

В *компрессивном* словообразовании создание новых слов подчинено действиям тенденции языковой экономии. Словообразовательная компрессия или конденсация является сворачиванием любой синтаксической структуры, деривационным актом «синтаксического» направления: сложение, аббревиация, субстантивация, контаминация, сращение (*Zusammensetzung, Zusammenbildung, Kontamination, Kurzwortbildung*), а также случаи семантического сужения. Словообразовательная компрессия нивелирует различия между разными деривационными видами.

Данная статья посвящена анализу *деривационной универбации* как одной из форм функционирования компрессии в словообразовании немецкого языка. Словообразовательная активность универбации тесно связана со стремлением коммуникантов к речевой экономии, с потребностями в «экономных» номинациях новых понятий, а также с необходимостью стилистического варьирования наименования, поскольку, как считает известный исследователь немецкого словообразования Айхингер, что с универбацией связано «приращение» коннотации (*mit der Univerbierung ist auch ein konnotativer Mehrwert verbunden*) [16. С. 127]. Изучение словообразовательного процесса универбации имеет актуальное значение для уточнения терминологии в деривационной системе языков, так как

в научной литературе отдельные типы универбации до сих пор не определены, а границы между словообразовательными типами не всегда четко очерчены (если такой процесс вообще возможен).

В деривационной теории немецкого языка её называют «проблемным способом словообразования» (*Univerbierung — eine problematische Wortbildungsart* [19]; а Айхингер универбативные словообразовательные конструкции рассматривает как «*неприятность* для грамотного грамматиста» («für einen ordentlichen Grammatiker überhaupt ein *Ärgernis*») [16. С. 135], а Эльке Доналис их называет «лингвистическими единицами, доставляющими проблемы» («*linguistischer Problemmacher*») или неприятной, досадной универбацией «*die ärgerliche Univerbierung*» [13. С. 37]. Такие слова, как *Zeitlang, kurzerhand*, по мнению Доналис, не могут быть отнесены к категории сложных слов, так как они структурно противоречат правилам образования композит в немецком языке. Им больше, но не всегда, подходит свой собственный тип словообразования — универбация, т. е. стягивание словосочетания в одно слово (*Zusammenziehung einer Wortgruppe zu einem Wort*). Однако и в этой категории словообразовательные конструкции «раздражают любого настоящего грамматиста» (*Allerdings ärgern sie auch in dieser Schublade jeden ordentlichen Grammatiker*) [13. С. 37]. *Проблемность* данной деривационной модели в немецкоязычных исследованиях, на наш взгляд, состоит в том, что происходит *расширенное толкование* сущности словообразовательных способов. Подходы исследователей к универбации зависят не только устоявшейся деривационной теории в данной области, но и, по нашему мнению, от того факта, какое лингвистическое направление становится «модным», ср., например, исследовательские подходы в немецком языке к понятию «конфикс» [3. С. 910–917]. Несомненно, деривационная компрессия в целом, а универбация в частности представляют собой когнитивный процесс, базирующийся на кодовой компетенции коммуникантов. Универбация создает новую дискурсивную единицу, содержание которой превышает семантику исходных единиц. Заметим, что имеется большое количество исследований, где этот же деривационный процесс исследуется под названием «фразовое словообразование» (*phrasale Wortbildung*).

Основная часть

Разные подходы к универбации, а также её подвиды в немецкоязычной теории словообразования имеют свои обозначения, употребляющиеся

как полные или частичные синонимы; назовем некоторые из них: Univerbierung, Inkorporation, Raffwort, Satzname, Satznominalisierung, Satzwort, Verschmelzung aus syntaktischen Fügungen, Zusammenbildung, Zusammenrückung, Worteinung, Wortunierung и т. д. Иногда даже у одного автора можно обнаружить разные толкования одного и того же понятия и его обозначений. Так, по мнению Айхингера, общепринятые сложнопроизводные слова как Bedenkenträger, Gepäckträger обладают признаками универбации, ср.: alle anderen Möglichkeiten dieser Umsetzung im Bereich der deverbalen Derivationen haben ein zusätzliches Merkmal, das ihre Univerbierung fördert und rechtfertigt [16. С. 18]; на других страницах его книги по словообразованию этот же способ образования слов автор называет Inkorporation — постепенной универбацией (als allmähliche Univerbierung in der syntagmatischen Abfolge) [16. С. 31], die semant syntaktische Nachbarschaft zur allmählichen Univerbierung führt (семантико-синтаксический сосед ведет к постепенной универбации) [16. С. 61]; далее автор пишет об инкорпорирующей универбации глагола с частицами hinauf, herauf, herauf, herunter, а сами глаголы называет универбациями (Partikelverben — Univerbierungen) [16. С. 160].

Заметим, что в последние годы в немецкоязычных изданиях появилось довольно большое количество работ по универбации, посвященные анализу компрессии (сжатия) формальной и содержательной структуры целых предложений, фрагментов предложений, синтаксических сочетаний и сложных слов wie (Adjektiv-Nomen-Verbindungen oder Kopulativverbindungen), исследованию морфосинтаксических и семантических процессов, образующих сущность универбации [11; 17. С. 57-71]. Кроме того, универбация стала темой исследования крупного проекта Института немецкого языка в Мангейме [IDS Mannheim Projekt Univerbierung, Januar 2015 bis Ende 2018]. Объектом анализа стали сложные и сложнопроизводные слова, сокращения и аббревиации с одинаковыми синтаксическими эквивалентами, которые в силу своих специфических особенностей не могут быть легко отнесены к устоявшимся словообразовательным типам — композиции, деривации и конверсии. Исходным пунктом исследований является то, что при универбации синтаксическая структура остается четко выраженной; в большинстве случаев синтаксические структуры продолжают существовать параллельно, а семантика производного слова при этом соответствует семантике синтаксических структур

(ср. freiheraus, frei heraus). Лишь некоторые модели сращений обладают совершенно новыми значениями (*Einmaleins* — таблица умножения, *Stelldichein* — свидание, *Vergissmeinnicht* — незабудка) [ср. 14. С. 243]. Исследования базируются на богатом эмпирическом материале из немецкоязычных корпусов (немецкий референтный корпус — DeReKo; исследовательско-аналитическая программа Cosmas II — das Recherche- und Analyseprogramm Cosmas II) и другие. Список анализируемого материала включает все явления и феномены в немецком языке, которые можно «заподозрить в принадлежности к универбации» (alle unverbierungsverdächtigen Phänomene des Deutschen). Результаты проекта подробно отражены в многочисленных статьях, в монографическом издании института [27], а также в книгах Элке Доналис [14; 15]. В монографии, имеющей характер справочника [14], автор размышляет о «раздражителях» немецкой деривационной системы, обращает внимание на явления, находящиеся между словообразованием и синтаксисом (Wetterbeobachter, Zeitlang, wahrsagen, umfahren, zartfühlend, kurzerhand, dergestalt). По ее мнению, в исследованиях по словообразованию производные под названием универбаты (универбы) довольно поверхностно упоминаются, а их относят к различным типам словообразования. В её справочнике слова такого характера распределены в 55 структурных группах универбации и описаны лингвистически, статистически, структурно и семантически [14]. Продолжением анализа спорных вопросов универбации стала последующая книга Эльке Доналис «Wortbildung — Prinzipien und Problematik» [15].

В диахронии универбация рассматривается как ступень образования, как своеобразный начальный этап порождения сложных слов. Так, в проекте Гейдельбергского университета на базе дигитального (электронного) корпуса „Digitale Grimmelshausens-Edition“ показывается, что анализируемые словосочетания в XVII веке находятся в процессе универбации, а сам процесс образования композит еще не завершен. Об этом свидетельствует, по мнению исследователей, синтаксическое окружение этих групп слов, тесная семантическая связь между отдельными элементами; часто встречается написание композит через дефис (gott-ergeben) [23]. В книге «Univerbierung» Андреаса Опферманна большое количество примеров подтверждает, что универбация является *пассивным типом расширения* лексикона, который, в отличие от аффиксации и композиции,

не подчиняется каким-либо единым правилам словообразования и происходит не синхронно, а диахронно и постепенно [21].

По причинам универсальности во многих языках исследователи к универбации относят процесс образования слов путем сокращения и аббревиации. Так, на основе анализа деривационной системы русского языка М. А. Ярмашевич утверждает, что аббревиация является разновидностью универбации, которая используется не только как средство официальной номинации, но и как средство выражения экспрессии; аббревиатура обладает дополнительной коннотацией (ирония, шутка, сарказм и т. д.) [10. С. 8]. По мнению Яна-Хеннинга Кромминга (Kromminga, Jan-Henning), формы аббревиатур часто представляют собой сложные номинативные словосочетания с большим количеством лексического материала, который в значительной степени либо исчезает при универбации, либо сводится к нескольким знакам: Es „können ganz verschiedene sprachliche Einheiten auf wenige Elemente reduziert und univerbiert werden, vgl. «*Al-Qaida im Maghreb (AQIM) gelang derweil in Marrakesch ein überraschend zielgenaues Attentat; AQIM, AQMI und AQM mit Referenz auf eine maghrebiniische Untereinheit von Al-Qaida*» [20. С. 43; 45–46].

Компрессионный словообразовательный способ, названный Айхингером *инкорпорацией*, куда автор относит некоторые периферийные способы, как сращение, сложнопроизводная деривация (*Zusammenbildung, Zusammenrückung*) [16. С. 31], понимается как образование новых слов путем последовательного слияния нескольких слов или морфем. Напомним, инкорпорация (инкорпорирование) является наряду с термином «универбация» наиболее активно и интенсивно используемым понятием компрессионного словообразования немецкого языка. *Инкорпорация* (лат. *incorporatio* — включение в свой состав), «объединение в одно морфологическое целое двух и более семантем, представляющих собой подвижные компоненты с обособленными лексическими значениями» [7]; количество и порядок этих компонентов каждый раз обусловлены содержанием высказывания, а отношения между ними соответствуют отношениям синтаксическим. Инкорпорация — это «способ синтаксической связи компонентов словосочетания или всех членов предложения, при котором компоненты соединяются в единое целое без формальных показателей у каждого из них» [4; также: 5. С. 124–128].

Термин «инкорпорация», как и «универбация», активно использовался в теории словообразования немецкого языка на русском языке. Это связано не только с признанием синтаксической роли немецкого словосложения, но и с типологическим сходством инкорпорации и композиции [6. С. 127]. По образному выражению Л. В. Щербы, сложные слова немецкого языка являются словами лишь по форме, а по существу соответствуют синтагмам [9. С. 43], а по мнению А. П. Володина, «с точки зрения грамматического (морфологического) механизма композиция и инкорпорация — один и тот же процесс» [2].

При таком подходе основной формой функционирования инкорпорации являются модели сложнопроизводных слов, первые две морфемы из которых являются базовыми (*Grundmorphem*), а третья — деривационной (*Derivationsmorphem*). Чаще всего встречаются сочетания: прил. + сущ. + суффикс, сущ. + глагол + суффикс, напр.: *Eis brechen* + *-er* — *Eisbrecher*, *j-n im Stich lassen* + *-er* — *Imstichlasser*, также: *blauäugig, Frühaufsteher* [ср. также: 25. С. 42–51]. При этом предикатно-аргументная структура деривационной конструкции остается выраженной и позволяет создавать лаконичные слова, используемые в различных сферах жизни и демонстрирующие творческие способности говорящих. Структурными процессами инкорпорации являются включение, вклинивание, вкрапление, инвенция, поглощение и т. д. Стопыра (Stopyra) в своих исследованиях указывает на характерные аспекты инкорпорации в понимании Айхингера [16] и Барц/Флейшера [18. С. 378], такие как их морфологическая структура, инкорпорированный актанта или различие в принадлежности к определенной части речи (глагол, существительное, прилагательное), а инкорпорацию в целом рассматривает как особый вид или композиции или аффиксации [26. С. 258–262; также: 24].

Fleischer/Barz относят инкорпорацию к средствам семантико-синтаксической модификации глагола, средствам изменения его валентности: *Sahne über den Auflauf gießen* — *den Auflauf mit Sahne begießen/ übergießen* [18. С. 378]. Инкорпорация соответствует переструктурированию валентных рамок, при котором меняется распределение семантических ролей участников, а именно в сторону фокусировки объекта, как в случае транзитивности [18. С. 378; 17. С. 160]. Инкорпорация меняет корневые глаголы морфологически и синтаксически [18. С. 387]. Глаголы, относящиеся к разным деривационным способам,

снабжаются «инкорпорированными актантами, как объект, субъект, дескриптив, инструмент и т. д.», ср.: *arzten* — «лечить», *strolchen* — «бродяжничать» (конверция), *bemuttern* — «относиться по-матерински», *betagen* «сиять, как день», *versklaven* — «поработить», *beflaggen* — «украшать флагами» (циркумфиксация), *sächseln* — «говорить на саксонском диалекте, (суффиксация) [8. С. 69–76].

Заключение

Многочисленные монографии и статьи по универбации, результаты корпусных исследований подтверждают наше предположение о продуктивности и активности данной деривационной модели в качестве основного вида словообразования наряду со словосложением и эксплицитной деривации в немецком языке [27].

Универбы, продукты универбации, функционирующие в тексте в качестве анафорических и реже катафорических параллельных конструкций синтаксических словосочетаний, не только аккумулируют содержание контекста, но и часто обладают обусловленным контекстом приращением смысла. Это означает, что текст принимает участие в определении содержательного объема универба, своего рода «кумулятивного слова». Словообразовательные конструкции, в свою очередь, могут частично изменить в тексте свою морфологическую оформленность, не меняя при этом семантику, ср.: «*Es kam ein Strafschein über einen Taler. Der Straftaler brachte die schmale Haushaltskasse der Büdners in Unordnung*» [Strittmatter, Erwin: *Wundertäter* 1, S. 9].

Универбация, как один из продуктивных способов создания контекстуальных неологизмов (окказионализмов), активно употребляется в текстах художественной литературы, публицистики и СМИ. Одна из продуктивных моделей универбации — когда составляющие универба занимают разные позиции в тексте, ср.: «*An Halloween gehen die Kinder von Tür zu Tür und verlangen Süßes oder Saures. Aber das „von-Tür-zu-Tür-Gehen“ gefällt nicht allen* [пример из 22]. Многие универ-

бы образуются спонтанно и имеют мало шансов на узализацию, ср.: *ein Ich-will-zu-meiner-Mami-Heuler*».

Дискуссионным является тот факт, насколько эти единицы относятся к морфологии (словообразованию) и к синтаксису: словообразовательная конструкция построена в соответствии с синтаксическими правилами, но вписывается в схему словообразования.

Окказиональные словообразовательные конструкции со схожими или одинаковыми структурными элементами могут появляться в разных частях текста. Поэтому Фёгединг (*Vögeding*) считает, что любая окказиональная словообразовательная конструкция означает трансформационный перевод синтаксической конструкции в сложное слово [28. С. 57]. В текстах художественной и публицистической литературы наблюдается превращение аналитических конструкций в синтетические (часто в пределах окказионального словообразования), ср.: *Wenn sie nachts den Gästen zurief Vielen-Dank-für-euren-Besuch-kommt-gut-heim-und-kommt-bald-wieder, dachte er*» [Walser, M.: *Halbzeit*, S. 87].

Универбация в немецком языке как лексико-синтаксический механизм образования новых наименований приобретает в последнее время всё большую значимость, являясь продуктивной и активной моделью словообразования. В различных сферах коммуникации универбация порождает лаконичные слова, заключающие в себе широкое значение в краткой форме.

Универбация представляет собой полезную рабочую базу для дальнейших интенсивных изучений словообразовательных процессов, имеющих те или иные отклонения от основных деривационных моделей. Данный способ образования слов позволяет создавать без особых речевых усилий компактные, экономные, сжатые и ёмкие формы выражения мысли.

Проблемность данной деривационной модели состоит в том, что происходит расширенное толкование сущности словообразовательных способов.

Список источников

1. Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. М. : Наука, 1984. 183 с.
2. Володин А. П. Эссе об инкорпорации // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2007. Т. III, № 1. С. 50–66.
3. Гатауллин Р. Г. К вопросу нового значения конфикса // *Вестник Башкирского университета*. 2019. № 4. С. 910–917.
4. Ефремова Т. Ф. Онлайн-словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000.

5. Лукьянченко Е. А. Инкорпорирование в германских языках как фактор формирования картины мира (на примере английского языка). // Мир-Язык-Человек: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2012. С. 124–128.
6. Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л. : Наука, 1985. 298 с.
7. Скорик П. Я. Инкорпорация // Большая советская энциклопедия. В 30 т. 3-е изд. М. : Совет. энцикл., 1969–1986.
8. Шустова С. В., Третьякова Д. С. Инкорпорация как средство реализации ролевой категории (на материале глаголов немецкого языка). Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 4. С. 69–76.
9. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. 428 с.
10. Ярмашевич М. А. Универбация как разновидность аббревиации // Вестник ОГУ, 2003. № 5. С. 4–8.
11. Bache N. Der Weg von syntaktischer Fügung zum Wort. Eine Analyse deutscher substantivischer Univerbierungen unter synchroner, diachroner und sprachvergleichender Perspektive. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften 2012. 210 S.
12. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, 1990. 904 S.
13. Donalies E. Eine Zeitlang — über die ärgerliche Univerbierung // IDS Sprachreport. 2016. Heft 2. S. 34–39.
14. Donalies E. Wetterbeobachter, Zeitlang, wahrsagen, zartfühlend, kurzerhand, dergestalt. Handbuch zur Univerbierung. Universitätsverlag Winter GmbH Heidelberg, 2018. 352 S.
15. Donalies E. Wortbildung — Prinzipien und Problematik. Ein Handbuch. Winter Verlag, 2021. 313 S.
16. Eichinger L. M. Deutsche Wortbildung. Eine Einführung. Narr Studienbücher. Gunter Narr Verlag, 2000. 269 S.
17. Elsen H. Komplexe Komposita und Verwandtes // Germanistische Mitteilungen 2009. № 69. S. 57–71
18. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Walter de Gruyter Berlin ; Boston ; Tübingen 2012. 484 S.
19. Kalmaz S. Univerbierung. Eine problematische Wortbildungsart. Universität Mannheim, GRIN Verlag, 2018.
20. Kromminga J.-H. Über Akronyme zur Benennung terroristischer Organisationen // Hentschel Elke (Hrsg.): Wortbildung im Deutschen Aktuelle Perspektiven. Narr Francke Attempto Verlag GmbH, Tübingen, 2016. S. 40–59.
21. Motsch W. Ein Plädoyer für die Beschreibung von Wortbildungen auf der Grundlage des Lexikons. In: Breckle H.E., Kastovsky D. Perspektiven der Wortbildungsforschung. Beiträge zum Wuppertaler Wortbildungskolloquium, Bonn, 1977. S. 180–202.
22. Opfermann A. Univerbierung. Der passive Wortbildungsmechanismus. Studien zur historisch-vergleichenden Sprachwissenschaft (SHVS 8) Baar-Verlag, 2016. 387 S.
23. Rosenberger S. Wortgruppe und Univerbierung. Lexikalischer Wandel seit dem 17. Jahrhundert am Beispiel Grimmelshausens. Heidelberg Uni Siegen. URL: https://www.uni-siegen.de/phil/ggsg/programm/abstract_rosenberger_2012-03-01.pdf.
24. Stopyra J. Inkorporation in der deutschen Wortbildung. 1. Auflage. Philologia — Sprachwissenschaftliche Forschungsergebnisse, Band 224. Verlag Dr. Kovač, Hamburg, 2018. 170 S.
25. Stopyra J. Inkorporation: Definition und Typologie // Sprache & Sprachen. 2017. № 47. S. 42–51.
26. Stopyra J. Zum terminologischen Status der Inkorporation in der deutschen und der dänischen Wortbildungsbeschreibung. Folia Scandinavica Posnaniensia. 2016. Vol. 20. № 1. S. 258–262.
27. Univerbierung — grammis — IDS Mannheim // Grammis. URL: <https://grammis.ids-mannheim.de/terminologie/304>.
28. Vögeding J. Das Halbsuffix “-frei”. Zur Theorie der Wortbildung. Gunter Narr Verlag, Tübingen, 1981. 169 S.
29. Strittmatter E. Der Wundertäter. 3 Bände. Berlin, 1980. 654 S.
30. Walser M. Halbzeit. München ; Zürich, 1964. 628 S.

References

1. Vinogradova VN. Stilisticheskiy aspekt russkogo slovoobrazovaniya = Stylistic aspect of Russian word formation. Moscow: 1984. 183 p. (In Russ.).

2. Volodin AP. An essay on incorporation. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvističeskikh issledovanij = Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research*. 2007;III(1):50-66. (In Russ.).
3. Gataullin RG. Toward the question of the new meaning of confix. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir State University*. 2019;(4):910-917. (In Russ.).
4. Efremova TF. Onlain-slovar russkogo jazika. Tolkovo-slovoobrazovatel'nij = Online dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formative. Moscow: Russian language; 2000. (In Russ.).
5. Lukyanchenko EA. Incorporation in Germanic languages as a factor in the formation of a picture of the world (using the example of the English language). In: *Mir-Yazyk-Chelovek = World-Language-Man*. Vladimir: Vladimir State University Publ. House; 2012. Pp. 124-128. (In Russ.).
6. Pavlov VM. Ponjatije leksemi i problema odnoschenijsintaksisa i slovoobrazovanija = the concept of a lexeme and the problem of relations between syntax and word formation. Leningrad: Nauka; 1985. 298 p. (In Russ.).
7. Skorik PYa. Incorporation. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*. V 30 t. = Great Soviet Encyclopedia in 30 vol. 3rd ed. Moscow: Sovetskaya encycl., 1969-1986. (In Russ.).
8. Shustova SV, Tretyakova DS. Incorporation as a means of realizing a role category (based on German verbs). *Yevraziyskiy gumanitarnyy zhurnal = Eurasian Humanitarian Journal*. 2022;(4):69-76. (In Russ.).
9. Shcherba LV. Jazikovaja sistema i recevaja dejatel'nost = Language system and speech activity. Leningrad: Nauka; 1974. 428 p. (In Russ.).
10. Yarmashevich MA. Univerbazija kak raznovidnost' abbrevazii = Univerbation as a type of abbreviation. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orenburg State University*. 2003;(5):4-8. (In Russ.).
11. Bache N. The path from syntactic combination to the word. An analysis of German substantive unverbations from a synchronic, diachronic and language-comparative perspective. Peter Lang GmbH: International Publishing House of Sciences; 2012. 210 p. (In Germ.).
12. Bußmann H. *Lexicon of Linguistics*. Stuttgart; 1990. 904 p. (In Germ.).
13. Donalies E. For a while — about the annoying unverbation. *IDS language report*. 2016;(2):34-39. (In Germ.).
14. Donalies E. Weather watcher, long-term, divination, delicate, unceremonious, such. *University Handbook*. Universitätsverlag Winter GmbH: Heidelberg; 2018. 352 p. (In Germ.).
15. Donalies E. *Word formation — principles and problems. A manual*. Winter Verlag; 2021. 313 p. (In Germ.).
16. Eichinger LM. *German word formation. An introduction*. Fool study books. Gunter Narr Verlag; 2000. 269 p. (In Germ.).
17. Elsen H. Complex compounds and related matters. *Germanistic communications*. 2009;(69):57-71. (In Germ.).
18. Fleischer W, Barz I. *Word formation in contemporary German language*. 4th, compl. rev. ed. Walter de Gruyter Berlin; Boston; Tübingen; 2012. 484 p. (In Germ.).
19. Kalmaz S. *Univerbation. A problematic way of forming words*. University of Mannheim, GRIN Verlag; 2018. (In Germ.).
20. Kromminga J.-H. About acronyms for naming terrorist organizations. In: Hentschel Elke (ed.) *Word formation in German Current perspectives*. Narr Francke Attempto Verlag GmbH: Tübingen; 2016. Pp. 40-59. (In Germ.).
21. Motsch W. A plea for the description of word formations based on the lexicon. In: Breckle HE, Kastovsky D. *Perspectives on word formation research. Contributions to the Wuppertal Word Formation Colloquium, Bonn; 1977*. Pp. 180-202. (In Germ.).
22. Opfermann A. *Univerbation. The passive word formation mechanism*. Studies in historical-comparative linguistics (SHVS 8) Baar-Verlag; 2016. 387 p. (In Germ.).
23. Rosenberger S. *Word groups and universification. Lexical change since the 17th century using the example of Grimmelshausen*. Heidelberg University Siegen. Available from: https://www.uni-siegen.de/phil/ggsg/programm/abstract_rosenberger_2012-03-01.pdf. (In Germ.).
24. Stopyra J. *Incorporation in German word formation*. 1st edition. Philologia — Linguistic Research Results, Volume 224. Publisher Dr. Kovač, Hamburg; 2018. 170 p. (In Germ.).
25. Stopyra J. *Incorporation: Definition and Typology*. *Language & Languages*. 2017;(47):42-51. (In Germ.).

26. Stopyra J. On the terminological status of incorporation in the German and Danish description of word formation. *Folia Scandinavica Posnaniensia*. 2016;20(1):258-262. (In Germ.).

27. Univerbierung — grammis — IDS Mannheim. *Grammis*. Available from: <https://grammis.ids-mannheim.de/terminologie/304>. (In Germ.).

28. Vögeding J. The semi-suffix “-frei”. On the theory of word formation. Gunter Narr Verlag, Tübingen; 1981. 169 p. (In Germ.).

29. Strittmatter E. The miracle worker. Vol. 3. Berlin; 1980. 654 p. (In Germ.).

30. Walser M. Half time. Munich; Zurich; 1964. 628 p. (In Germ.).

Информация об авторе

Р. Г. Гагауллин — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой и французской филологии.

Information about the author

Ravil G. Gataullin — Doctor of Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of German and French Philology.

*Статья поступила в редакцию 25.08.2023;
одобрена после рецензирования 25.09.2023; при-
нята к публикации 22.12.2023.*

*The article was submitted 25.08.2023; approved
after reviewing 25.09.2023; accepted for publication
22.12.2023.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81/44

doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-44-52

АВТОНОМНОСТЬ СЛОВА КАК КОМПОНЕНТА СОСТАВНОГО СКАЗУЕМОГО В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Сагит Гайлиевич Шафиков

Уфимский Университет Науки и Технологий (УУНиТ), Уфа, Россия, sagit.shafikov@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0257-9434

Аннотация. Статья посвящена типологии составного сказуемого в ряде европейских языков (польском, русском, английском, немецком, французском, итальянском, турецком, башкирском), что имеет важное значение для построения теории языка, в частности, теории предложения. Методика анализа заключается в сравнении выбранных индуктивным способом эквивалентных глагольных структур естественных языков с языком-эталоном. Цель состоит в установлении факторов, определяющих автономность слова в ее позиционном и синтаксическом вариантах. Позиционная автономность связана со способностью слова перемещаться в предложении в соответствии с определенной свободой словопорядка, в то время как синтаксическая автономность предполагает способность слова функционировать в качестве отдельного однословного предложения. В качестве языка-эталона используется идеальная модель, которая характеризуется абсолютной позиционной и синтаксической автономностью. Принимается следующее допущение: языки с максимально свободным словопорядком характеризуются выраженной автономностью слова, в отличие от языков с фиксированным порядком слов, чему соответствует ограниченный характер лексической автономности. Гипотеза проверяется на материале произвольной выборки разных типов сказуемого в трех временных формах глагола, представляющих категорию лица. В исследовании устанавливается зависимость автономности слова от согласования грамматических форм и значений. Коэффициент согласования, определяемый как соотношение маркированных означающих и означаемых в парадигме глагольного спряжения, позволяет выявить степень автономности для каждого языка сравнения. По степени убывания автономности языки сравнения можно расположить в следующей последовательности: (польский, турецкий, башкирский) → (русский) → (итальянский) → (немецкий) → (французский) → (английский).

Ключевые слова: автономное слово, синтаксическая типология, сказуемое, составное сказуемое, типология, язык, язык сравнения, язык-талон

Для цитирования: Шафиков С. Г. Автономность слова как компонента составного сказуемого в европейских языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 44–52. doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-44-52

Original article

THE AUTONOMOUS WORD AS A COMPONENT OF A COMPOUND PREDICATE IN EUROPEAN LANGUAGES

Sagit G. Shafikov

Ufa University of Science and Technology (UUST), Ufa, Russia, sagit.shafikov@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0257-9434

Abstract. The article is devoted to a typology of the compound predicate in a number of European languages (English, German, French, Spanish, Russian, Polish, Turkish and Bashkir), which goes a long way to building a theory of language in general and a theory of the sentence in particular. The method of our analysis is based on contrasting inductively selected verbal structures of some natural languages with a language etalon. The aim is to establish factors determining the positional and syntactic autonomy of the word. Positional autonomy is related to the word's ability to change position in a sentence according to a certain degree of word order freedom, while syntactic autonomy suggests the ability of a word to function as an isolated one-word sentence. An ideal model characterized by absolute positional and syntactic word autonomy stands for the mentioned language etalon. It is assumed hypothetically that languages with a maximum possible free word order enjoy a marked word autonomy, unlike languages

with a fixed word order being suggestive of reduced word autonomy. The hypothesis is verified on the basis of optional sampling of various types of the predicate in three temporal forms of the verb representing the category of person. The research ascertains dependence of word autonomy on agreement of grammatical form and meaning. The index of agreement determined as a ratio between the signifier and the signified in the paradigm of the verb conjugation enables to reveal the autonomy degree for each language of contrast. According to the decrement of autonomy the contrasted languages can be disposed in the following order: (Polish, Turkish, Bashkir) → (Russian) → (Italian) → (German) → (French) → (English).

Keywords: autonomous word, compound predicate, contrasted language, language, language etalon, predicate, syntactic typology, typology

For citation: Shafikov SG. The autonomous word as a component of a compound predicate in European languages. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(1(483):44-52. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-44-52

Введение

Типологическое (сравнительное) исследование языков не ограничивается «системным изучением межъязыкового варьирования» [15. С. 10], но стремится к решению более масштабных задач, устанавливая как различия, так и сходства исследуемых объектов, таких как естественные языки.

Синтаксическая типология как раздел общей типологии языков имеет давнюю традицию, связанную в отечественном языкознании с исследованиями прежде всего Ф. Ф. Фортунатова [12] и И. И. Мещанинова [11], а также с работами таких зарубежных лингвистов, как В. Гумбольдт [5], Э. Сепир [13], Дж. Гринберг [3], В. Скаличка [14]. Представляется очевидным, что типология синтаксических структур занимает приоритетное место в науке о сравнении языков благодаря изучению важнейшей для любого языка специфики отношений между субъектом, действием и объектом [2. С. 194].

Основные направления синтаксической типологии обычно связываются с изучением синтаксического строя языков и порядка слов в предложении.

Синтаксический строй позволяет различать номинативный, эргативный и активный типы языков. В языках номинативного строя всегда имеет место противопоставление субъекта действия в именительном падеже и объекта в винительном падеже, что, возможно, отражает изменение типа мышления при переходе матриархата в патриархат [7. С. 400]. В языках эргативного строя форма субъекта зависит от транзитивного значения глагола, что связано с различием семантических ролей источника действия и его носителя в предложении [6. С. 215]. В языках активного строя форма глагола модифицируется по признаку активности/инактивности действия.

Порядок слов в предложении включает основные типы, которые, вслед за Дж. Гринбергом [4], обозначаются литерами S (subject «субъект/подле-

жащее»), O (object «объект/дополнение»), V (verb «глагол/сказуемое»): SOV, SVO, VSO, VOS, OVS, OSV. При этом отмечается имплицативная связь между основным словопорядком и синтаксической позицией слова; например, в языках с доминирующим порядком VSO зависимое прилагательное стоит обычно после существительного.

Вместе с тем представляется очевидным, что нельзя строить типологию исходя из одного даже наиболее важного признака, такого как синтаксический строй или базовый словопорядок. Необходимо также учитывать соотношение морфологических и синтаксических средств выражения значения, связь между словопорядком и грамматическими показателями главных членов, отношения между означающим и означаемым, степень автономности слова и т. д.

Материалы и методы исследования

Объектами сравнения в данном исследовании служат польский язык (ПЯ), русский язык (РЯ), английский язык (АЯ), немецкий язык (НЯ), французский язык (ФЯ), итальянский язык (ИЯ), турецкий язык (ТЯ), башкирский язык (БЯ) (всего восемь языков). Выбранные языки представляют наиболее известные группы индоевропейской семьи, а именно славянскую, германскую, романскую, каждая из которых представлена в свою очередь парой отдельных языков, а также тюркскую семью языков, которая также представлена парно. Типология естественных языков осуществляется с помощью языка-эталона, который представляет собой искусственный конструкт как общее мерило для сравнения выбранных языков.

В. Г. Адмони описывает наиболее архаичный строй предложения, сложившийся при относительно ограниченном объеме высказывания. Этот строй характеризуется «спокойной» паратактической цельностью, поддерживаемой ясной выразительностью словоформ, что придает слову статус *автономной* единицы [1. С. 21].

Автономность предполагает свободное перемещение и возможность изолированного употребления слова (словоформы), что радикально отличает «свободу» слова от «свободы» морфем. Как указывает И. А. Мельчук, «словоформы обладают свободой линейного размещения, далеко превосходящей свободу размещения, свойственную частям словоформы» [9. С. 170].

Автономность слова, то есть его *самостоятельность* может быть позиционной или синтаксической.

Позиционная самостоятельность означает способность слова передвигаться в речевой цепи благодаря отсутствию жесткой линейной связи между словами. Языки не совпадают по степени проявления этого признака; достаточно сравнить жесткий порядок слов в английском языке, в котором подлежащее обычно находится в препозиции по отношению к сказуемому, и относительно свободный порядок слов в русском языке.

Синтаксическая самостоятельность означает способность слова функционировать в качестве отдельного однословного предложения [8. С. 87]. При этом эквивалентные слова разных языков могут различаться по степени синтаксической самостоятельности. И. А. Мельчук демонстрирует такое различие на нескольких примерах; так, во французском языке нельзя ответить на вопрос типа *qu'est-ce que vous faites?* «что вы делаете?» словоформой **lisons* (буквально «читаем»); единственно возможный вариант — указание на агенса, то есть лицо, производящее действие: *nous lisons* (буквально «мы читаем»). Зато в русском языке полное высказывание в виде личной формы глагола вполне возможно (*читаем*), так же как в татарском языке (*укыйбыз*), или в испанском языке (*leitamos*), или в итальянском языке (*leggiamo*); ср. диалог: — *Что вы делаете?* — *Читаем* [9. С. 159-160].

В отличие от глагола, именные формы слова являются «сильно автономными» (термин указанного автора); ср. эквиваленты в разных языках: РЯ — *Кем работает твой отец?* — *Professor* = АЯ — *What is your father?* — *Professor* = ФЯ — *Quel est le métier de ton père?* — *Professeur* = НЯ — *Wer ist dein Vater von Beruf?* — *Professor* = ИЯ *Chi è tuo padre di professione?* — *Professore*.

Развитие структуры предложения может идти по двум направлениям.

Одно направление сохраняет прежний строй предложения, характеризуемый автономностью слова, развивая его за счет увеличения второстепенных членов, примыкающих к другим вто-

ростепенным членам. Такое увеличение вносит в прежнюю «спокойную» структуру элементы «напряженности» вследствие появления новых синтаксических отношений, как в конструкциях с неличными глагольными формами.

Другое направление меняет прежний строй предложения, делая его «напряженным» за счет появления у глагола вспомогательных форм и размежевания групп существительного и сказуемого. Радикальное изменение прежнего строя приводит к резкому ограничению автономности слова, особенно в языках с редукцией грамматических флексий.

Важно отметить, что чистых синтаксических структур не существует, и речь идет только о доминировании того или иного типа, который как бы качественно «окрашивает» весь строй предложения определенного языка [1. С. 22–25].

«Напряженная структура» предложения усиливается фиксированным порядком слов, который берет на себя задачу выражения синтаксической функции слова, что указывает на аналитическую тенденцию в языке, в отличие от свободного порядка слов как яркой черты синтетического строя [10. С. 88-89].

«Напряжение» синтаксических структур внешне может проявляться в виде омонимичных форм в морфологической парадигме. Исчисление омонимии глагольных форм может служить объективным показателем синтаксической «напряженности», показывающим направление развития структуры предложения.

Результаты исследования и их обсуждение

Для конкретного типологического исследования в качестве языка-эталона можно использовать «язык» с идеальной «спокойной» структурой, который характеризуется абсолютной позиционной и синтаксической автономностью слова.

В качестве гипотезы принимается следующее допущение: языки с максимально возможной свободой словопорядка характеризуются выраженной автономностью слова — в отличие от языков с фиксированным порядком слов, которым соответствует «напряженная структура» и, соответственно, ограниченный характер автономности слова.

В ходе исследования интуитивное (в определенной мере) представление о словопорядке в рассматриваемых языках либо подтверждается (полностью или частично) исчислением омонимии грамматических форм в глагольной парадигме, либо опровергается.

Наблюдение над языковым материалом позволяет разделить языки сравнения на три группы по убыванию степени фиксированности от английского языка — через немецкий и французский языки — до языков с наименее фиксированным словопорядком (польский, русский, итальянский, турецкий и башкирский).

Для измерения синтаксической автономности слова, образующего компонент составного сказуемого, целесообразно обратиться к количественной методике, что обеспечивает надежность выводов, основанных на объективном сравнении данных разных языков, поднимая типологию до уровня точных наук.

Чем более последовательно язык использует согласование грамматических форм и значений, тем ближе он находится к идеальному соотношению (эталону), соответственно, тем выше степень автономности слова в данном языке. Например, парадигма русского глагола *работать* в настоящем времени изъявительного наклонения содержит 6 форм лица: *работаю, работаешь, работаем, работаете, работают*. Это позволяет вывести **коэффициент согласования (КС)**, определяемый как соотношение маркированных означающих и означаемых в парадигме глагольного лица. Исходя из соотношения форм и значений глагольной парадигмы лица единственного и множественного числа, $КС = 6/6 \rightarrow 1$. В прошедшем времени русский язык использует только 4 формы: *работал, работала, работали*. Для упрощения языка-эталона можно редуцировать сему «гендер», которая не используется для различения личных форм настоящего времени; в этом случае 2 оставшиеся маркированные формы следует рассматривать как варианты одной формы: *работал(а/о)* и *работали*; таким образом, $КС = 2/6 \rightarrow 1/3 \approx 0,3$.

Словоформа не всегда является полностью автономной, блокируя часть информации о субъекте. Для полной идентификации требуется контекст, то есть введение именного или местоименного подлежащего; ср.: *Кто вчера работал в саду? — Мы работали*. При ответе можно было бы даже опустить личную форму глагола, так как местоимение полностью информативно и максимально автономно. Так омонимия грамматических форм ведет к ослаблению синтаксической автономности слова.

Для выражения категории лица с помощью составного сказуемого в языках сравнения удобно использовать **минимальный язык-эталон** с редуцией семы «гендер», которая используется мень-

шинством языков сравнения [16. С. 148]. Ниже приводится типология этой категории по структурным типам составного сказуемого с исчислением коэффициента автономности (здесь и далее в статье учитываются только формы правильных глаголов).

Составное сказуемое имеет два типа в языках сравнения: *составное именное сказуемое* и *составное глагольное сказуемое*.

Составное именное сказуемое [V-link + N/A] представлено двумя моделями: 1) [V-link + N] и 2) [V-link + A].

В *первой модели* именная часть выражается существительным в форме общего (именительного) [N-nom] или инструментального (творительного) падежа [N-ins], в частности в польском и русском языках. Ближе всего к эталону находится польский язык, первый в следующей ниже метаязыковой записи (опускаемый местоименный субъект приводится в круглых скобках); ср.: ПЯ (*он / она*) *będzie ofiarą* = РЯ *он/она будет жертвой* = АЯ *he/she'll be a victim* = НЯ *er/sie wird ein Opfer sein* = ФЯ *il/elle sera une victime* = ИЯ (*lui/lei*) *sarà una vittima* = ТЯ (*о*) *kurban olacak* = БЯ (*ул*) *корбан буласак*; ПЯ *będzie wykonawcą* = РЯ *он/она будет исполнителем* = АЯ *he/she'll be a performer* = НЯ *er/sie wird ein Darsteller sein* = ФЯ *il/elle sera un exécuter* = ИЯ (*lui/lei*) *sarà l'esecutore* = ТЯ (*о*) *icracı olacak* = БЯ (*ул*) *баикарьусы буласак*; ПЯ (*ты*) *jesteśmy strażakami* = РЯ *мы пожарные* = АЯ *we are firemen* = НЯ *wir sind Feuerwehrleute* = ФЯ *nous sommes pompiers* = ИЯ (*noi*) *siamo vigili del fuoco* = ТЯ (*биз*) *itfaiyeciyiz* = БЯ (*без*) *янгын һүндереүселәр*; ПЯ (*ты*) *byliśmy budowniczymi* = РЯ *мы были строителями* = А.Я. *we were builders* = НЯ *wir waren Baumeister* = ФЯ *nous étions constructeurs* = ИЯ (*noi*) *eravamo costruttori* = ТЯ (*биз*) *inşaatçıydık* = БЯ *без төзөүселәр инек*; ПЯ (*ты*) *będziemy strażakami* = РЯ (*мы*) *будем пожарными* = АЯ *we'll be firemen* = НЯ *wir werden Feuerwehrleute sein* = ФЯ *nous serons pompiers* = ИЯ (*noi*) *saremo vigili del fuoco* = ТЯ (*биз*) *itfaiyeci olacağız* = БЯ (*без*) *янгын һүндереүселәр буласакбыз*; ПЯ (*вы*) *będziecie orężownikami* = РЯ (*вы*) *будете защитниками* = АЯ *you'll be defenders* = НЯ *ihr werdet Fürsprecher sein* = ФЯ *vous serez défenseurs* = ИЯ (*voi*) *sarete i difensori* = ТЯ (*сиз*) *koruyucu olacaksınız* = БЯ (*һез*) *яклаусы булырһығыз*; ПЯ (*они*) *będą robotnikami* = РЯ (*они*) *будут рабочими* = АЯ *they'll be workers* = НЯ *sie werden Arbeiter sein* = ФЯ *ils seront travailleurs* = ИЯ (*loro*) *saranno lavoratori* = ТЯ (*онлар*) *işçi olacaklar* = БЯ (*улар*) *эшселәр буласак*.

Для типологии составного именного сказуемого важно учитывать не линейную последовательность компонентов, а их состав, поскольку основной порядок слов может существенно различаться в языках разных семей. Так, большинство языков сравнения, которые являются индоевропейскими, характеризуются моделью, в которой глагол предшествует предикативу; в тюркских языках, наоборот, глагол стоит на втором месте; ср. выделенный жирным шрифтом глагол в следующих примерах: РЯ (*ты*) **будешь** женой = ПЯ (*ty*) **będziesz** żoną = АЯ *you'll be a wife* = НЯ *du wirst eine Frau sein* = ФЯ *tu sera une femme* = ИЯ (*tu*) **sarai** una moglie = ТЯ (*sen*) **eş olacaksın** = БЯ (*hün*) **катын булурһың**. Здесь усматривается определенное сходство структуры сказуемого в тюркских языках с немецким языком благодаря рамочной конструкции с локализацией дополнения перед инфинитивом.

Как следует из метаязыковой записи, опущение личного местоимения в функции субъекта зависит не только от типа языка с опускаемым субъектным местоимением, но и от контекста, который без местоимения не позволяет идентифицировать лицо. Например, в русском языке составное сказуемое *были строителями* может относиться либо к 1 л., либо к 3 л. мн. ч., поэтому в цепочке межъязыковых эквивалентов местоимение сохраняется; ср.: ПЯ (*ja*) **będę** artystą = РЯ *буду артистом* = АЯ *I'll be an actor* = НЯ *ich werde Schauspieler sein* = ФЯ *je serai acteur* = ИЯ (*io*) **sarò un attore** = ТЯ (*ben*) **aktör olacağım** = БЯ (*min*) **артист буласакмын**.

Из примеров также видно, что полное соответствие эталону демонстрирует только польский язык, поскольку глагол-связка «быть» в настоящем времени опускается в русском и тюркских языках. В остальных языках сравнения формальное согласование между связочным глаголом и предикативом ослаблено. Степень автономно-

сти слова определяется согласованием формы первого (связочного) компонента со значением лица; форма второго компонента является в значительной степени избыточной, кроме случаев выражения гендера (в английском языке обычно не выражается); ср. РЯ, *я певица* = НЯ *ich bin Sängerin* = АЯ *I am a singer*.

Во второй модели именная часть выражается прилагательным [А] в форме общего (именительного) [А-ном] или инструментального (творительного) падежа [А-инс], в частности в русском или польском языках. Ср. следующие цепочки эквивалентных сочетаний, представляющих составной глагол в языках сравнения: ПЯ (*my*) **będziemy** mądrymi = РЯ (*мы*) **будем умными** = АЯ *we'll be clever* = НЯ *wir werden klug sein* = ФЯ *nous serons intelligent(e)s* = ИЯ (*noi*) **saremo intelligenti** = ТЯ (*biz*) **akıllı olacağız** = БЯ (без) **акыллы буласакбыз**; ПЯ (*wy*) **będziecie** mądrymi = РЯ (*вы*) **будете умными** = АЯ *you'll be clever* = НЯ *ihr werdet klug sein* = ФЯ *vous serez intelligent(e)s* = ИЯ (*voi*) **sarete intelligenti** = ТЯ (*siz*) **akıllı olacaksınız** = БЯ (*heç*) **акыллы булурһығыз**; ПЯ (*oni*) **będą** mądrymi = РЯ (*они*) **будут умными** = НЯ *sie werden klug sein* = ФЯ *ils seront intelligent(e)s* = ИЯ (*loro*) **saranno intelligenti** = ТЯ (*onlar*) **akıllı olacaklar** = БЯ (*улар*) **акыллы булур**. В остальных языках сравнения формальное согласование между связочным глаголом и предикативом ослаблено.

В грамматическом отношении эта модель практически ничем не отличается от первой модели, поскольку для согласования с субъектом роль играет компонент, представленный глаголом-связкой. Как и в первой модели, полное соответствие эталону демонстрирует только польский язык, поскольку глагол-связка «быть» в настоящем времени опускается в русском и тюркских языках; в прочих языках формальное согласование между связочным глаголом и предикативом ослаблено (см. табл. 1).

Таблица 1

Согласование глагольной связки с субъектом действия

Время	КОЭФФИЦИЕНТ СОГЛАСОВАНИЯ								
	Эталон	ПЯ	РЯ	АЯ	НЯ	ФЯ	ИЯ	ТЯ	БЯ
НВ	1	1	–	0,5	0,8	0,8	0,8	1*	–
ПВ	1	1	0,3	0,3	0,8	0,5	1	1*	1
БВ	1	1	1	–	0,8	0,7	1	1*	1
средний индекс*		1	0,6	0,4	0,8	0,7	0,9	1*	1

Примечание: НВ — настоящее время, ПВ — прошедшее время, БВ — будущее время; знак — означает отсутствие глагольной связки; 1* указывает на особое согласование субъекта с формой предикатива, к которому прибавляется суффикс сказуемости, заменяющий в турецком языке глагольную связку; *средний индекс исчисляется как среднее арифметическое значений КС в настоящем, прошедшем и будущем времени.

Таким образом, гипотеза о корреляции между автономностью слова, с *одной стороны*, и субъектно-предикатном согласовании по числу маркированных форм глагола, с *другой стороны*, подтверждается *полностью* в отношении польского, турецкого, башкирского и (несколько в меньшей степени) итальянского языков, которые, имея самые высокие показатели КС, одновременно характеризуются высшей степенью синтаксической самостоятельности; *полностью* в отношении английского языка, чей относительно жесткий порядок слов коррелирует с самым низким показателем КС; *полностью* в отношении немецкого и французского языков, которые характеризуются менее жестким порядком слов и средне-высоким показателем КС; *частично* в отношении русского языка, имеющего средне-низкий показатель КС вследствие масштабной омонимии форм прошедшего времени.

Составное глагольное сказуемое [V-fin/V-mod + V-inf/ger] представлено двумя моделями — с личной формой и модальной формой глагола: 1) [V-fin + V-inf/V-ger], 2) [V-mod + V-inf].

Как уже указывалось выше, типология составного (в том числе глагольного) сказуемого учитывает состав, а не последовательность компонентов вследствие различия основного порядка слов в сравниваемых языках. Модель с личной формой глагола перед инфинитивом, обычная

для большинства языков сравнения, отсутствует в тюркских языках; здесь порядок обратный: РЯ (я) *хочу поговорить* = ПЯ (ja) *chcę porozmawiać* = АЯ *I want to talk* = НЯ *ich möchte reden* = ФЯ *je veux parler* = ИЯ (io) *voglio parlare*; ср. эквиваленты в турецком и башкирском языках, в которых личная форма глагола [V-fin] занимает второе место: ТЯ (ben) *konuşmak istiyorum* = БЯ *һөйләшергә теләйм.*

Первая модель имеет два варианта второго компонента составного глагольного сказуемого: 1) вариант с инфинитивом и 2) вариант с герундием.

Вариант с инфинитивом [V-fin + V-inf] можно наблюдать в следующих эквивалентных сочетаниях личной формы глагола с инфинитивом в настоящем времени: РЯ *я стараюсь молчать* = ПЯ *ja staram się milczeć* = АЯ *I try to be silent* = НЯ *ich versuche zu schweigen* = ФЯ *j'essaie de garder le silence* = ИЯ (jo) *cerco di tacere* = ТЯ (ben) *sessiz kalmaya çalışıyorum* = БЯ (мин) *ярзам итергә тырышам.*

Согласование с субъектом обеспечивается первым компонентом, представленным личной формой глагола в настоящем, прошедшем и будущем времени. Как и в составном именном сказуемом, полное соответствие эталону демонстрирует только польский язык; в прочих языках формальное согласование между связочным глаголом и предикативом ослаблено (см. табл. 2).

Таблица 2

Согласование личной формы глагола с субъектом действия

Время	КОЭФИЦИЕНТ СОГЛАСОВАНИЯ								
	Эталон	ПЯ	РЯ	АЯ	НЯ	ФЯ	ИЯ	ТЯ	БЯ
НВ	1	–	1	0,3	0,6	0,5	1	1	1
ПВ	1	1	0,3	0	0,6	0,5	1	1	1
БВ	1	1	1	0	0,8	0,6	1	1	1
средний индекс*		1	0,8	0,1	0,7	0,5	1	1	1

Примечание: НВ — настоящее время, ПВ — прошедшее время, БВ — будущее время; *средний индекс исчисляется как среднее арифметическое значений КС в настоящем, прошедшем и будущем времени.

Таким образом, гипотеза о соотношении между автономностью слова, с *одной стороны*, и субъектно-предикатном согласовании в зависимости от числа маркированных форм глагола, с *другой стороны*, подтверждается *полностью* в отношении польского, итальянского, турецкого и башкирского языков благодаря высшим показателям КС и соответствующей степени синтаксической самостоятельности; *полностью* в отношении английского языка, чей относительно жесткий порядок слов коррелирует с самым низким показателем КС; *полностью* в отношении немецкого языка с ме-

нее жестким порядком слов и средне-высоким модулем КС; *частично* в отношении французского языка, который также характеризуется менее жестким порядком слов и средне-низким модулем КС; *частично* в отношении русского языка с относительно свободным словопорядком при средне-высоком показателе КС.

Вариант с герундием [V-fin + V-ger] используется только в английском языке; в языках сравнения семантическое соответствие английскому герундию выражается в иных формах, в частности в виде инфинитива или отглагольного

существительного (см. в круглых скобках): АЯ *I like swimming* = (РЯ *я люблю плавание*) = (ПЯ *ja lubię pływać*) = (ТЯ *ben yüzmeyi severim*) = (БЯ *миңә йөзөү окшай*) = (НЯ *ich liebe schwimmen*) = (ФЯ *j'aime nager*) = (ИЯ *mi piace nuotare*). Для согласования субъекта со сказуемым значение имеет личная форма глагола, поэтому типология сказуемого в данном варианте ничем не отличается от варианта с инфинитивом; соответствующие коэффициенты совпадают.

Вторая модель выражается сочетанием модального глагола и примыкающего к нему инфинитива:

ср. эквивалентные структуры составного глагольного сказуемого с модальным глаголом «мочь» в настоящем времени: РЯ *(ты) можешь помочь* = ПЯ *(ty) możesz pomóc* = АЯ *you can*

help = НЯ *du kannst helfen* = ФЯ *tu peux aider* = ИЯ *(tu) puoi aiutare* = ТЯ *(sen) yardım edebilirsin* = БЯ *(hün) ярзам итә алаһың*;

ср. также эквивалентные структуры составного глагольного сказуемого с модальным глаголом «долженствовать» в прошедшем и будущем временах: РЯ *он должен был / она должна была идти* = ПЯ *(on/na) musiał(a) iść* = АЯ *he/she had to go* = НЯ *er/sie musste gehen* = ФЯ *il/elle devait y aller* = И.Я *(lui/lei) doveva andare* = ТЯ *gitmesi gerekiyordu* = БЯ *(ул) барырға тейеш*; РЯ *он должен будет / она должна будет идти* = ПЯ *(on/ona) będzie musiał(a) iść* = АЯ *he/she'll have to go* = Н.Я. *er/sie du wird gehen müssen* = ФЯ *il/elle devra y aller* = ИЯ *(lui/lei) dovrà andare* = ТЯ *gitmesi gerekcek* = БЯ *(ул) барырға тейеш* (см. табл. 3).

Таблица 3

Согласование модального глагола с субъектом действия

Время	КОЭФИЦИЕНТ СОГЛАСОВАНИЯ								
	Эталон	ПЯ	РЯ	АЯ	НЯ	ФЯ	ИЯ	ТЯ	БЯ
НВ	1	1	1	0	0,7	0,7	1	1	1
ПВ	1	1	0,3	0	0,7	0,5	1	1	1
БВ	1	1	1	0	0,8	0,8	1	1	1
средний индекс*		1	0,8	0	0,7	0,7	1	1	1

Примечание: НВ — настоящее время, ПВ — прошедшее время, БВ — будущее время; *средний индекс исчисляется как среднее арифметическое значений КС в настоящем, прошедшем и будущем времени.

Обращает на себя внимание своеобразное варьирование личных форм модального глагола в тюркских языках, которые сплошь и рядом заменяются более простыми формами 3 л. ед. ч.: ср. ТЯ *gitmemiz gerekiyör* = БЯ *без кутерга тейеш* «мы должны уехать». Как в турецком, так и в башкирском глагол долженствования не изменяется по числам и лицам; правда, степень синтетизма в турецком значительно выше, чем в башкирском, что видно из оппозиции суффиксов сказуемого основного глагола: *gitmem*

gerekiyör «я должен уйти» — *gitmen gerekiyör* «ты должен уйти» — *gitmesi gerekiyör* «он должен уйти» — *gitmemiz gerekiyör* «мы должны уйти» — *gitmeniz gerekiyör* «вы должны уйти» — *gitmeleri gerekiyör* «они должны уйти»; ср. неизменяемый инфинитив в башкирском языке на месте личных форм основного глагола в турецком.

В целом межъязыковое сходство доминирует над различием; об этом можно судить по использованию всеми языками сравнения всех выделенных форм составного сказуемого (см. табл. 4).

Таблица 4

Типология составного сказуемого в языках сравнения

ТИП	МОДЕЛИ	ПЯ	РЯ	АЯ	НЯ	ФЯ	ИЯ	ТЯ	БЯ
[V-link+N/A]	[V-link+N]	+	+	+	+	+	+	+	+
	[V-link+A]	+	+	+	+	+	+	+	+
[V-fin/-mod+V-inf/ger]	[V-fin+V-inf]	+	+	+	+	+	+	+	+
	[V-fin+V-ger]	–	–	+	–	–	–	–	–
	[V-mod+V-inf]	+	+	+	+	+	+	+	+

Выводы

Резюмируя, можно заключить следующее.

1. Межъязыковое варьирование в языках сравнения выражается прежде всего в степе-

ни автономности слова, во-первых, вследствие синтаксической самостоятельности глагольного компонента составного сказуемого, во-вторых, вследствие согласования

- глагольных форм и значений лица. Чем более свободным словопорядком характеризуется язык, тем более согласованной выглядит связь означающего (маркированной глагольной формы) и означаемого (значения лица — субъекта действия) и тем «сильнее» выражается автономность слова. По степени убывания автономности языки сравнения можно расположить в следующей последовательности: (польский, турецкий, башкирский) → (русский) → (итальянский) → (немецкий) → (французский) → (английский).
2. Существенное различие касается использования неличных форм глагола в функции компонента составного глагольного сказуемого: английский язык использует как инфинитив, так и герундий, в отличие от немецкого, романских и славянских языков, в которых герундий в этой функции не употребляется. В тюркских языках используется в основном инфинитив; при этом в башкирском языке отмечается использование других неличных форм, таких как деепричастие (в частности в инхоативной конструкции); в турецком языке форма «чистого» инфинитива используется редко вследствие тотального доминирования агглютинации; чаще всего в этом языке инфинитивная основа комбинируется с суффиксом сказуемости.
 3. Вследствие различия в основном словопорядке наблюдается существенное отличие индоевропейских языков от тюркских: место первого компонента составного сказуемого в индоевропейских языках принадлежит либо глаголу-связке (в комбинации с существительным или прилагательным), либо личной форме глагола, включая модальный глагол; наоборот, в тюркских языках именной или глагольной предикатив используется в качестве первого компонента сказуемого.
 4. Тем не менее в целом межъязыковое сходство доминирует над различием; об этом можно судить по использованию всеми языками сравнения всех выделенных форм составного сказуемого, представленного его основными типами (составным именным и составным глагольным сказуемым).

Список источников

1. Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М. : Высшая школа, 1963. 338 с.
2. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М. : Физматлит, 2005. 232 с.
3. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 60–94.
4. Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5. С. 114–162.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 2000. 400 с.
6. Климов Г. А. Принципы континентальной типологии. М. : URSS, 2009. 224 с.
7. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М. : Изд-во Московского университета, 1982. 480 с.
8. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М. : Высшая школа, 1987. 272 с.
9. Мельчук И. Я. Курс общей морфологии. М. ; Вена : Прогресс, 1997. 412 с.
10. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М. : Флинта, 2001. 312 с.
11. Мещанинов И. И. Структура предложения. М. ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1963. 104 с.
12. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. М. : Учпедгиз, 1956. Т. 1. 450 с.
13. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М : Прогресс, 2002. 655 с.
14. Скаличка В. К вопросу о типологии // Вопросы языкознания. 1966. № 4. С. 22–30.
15. Шафиков С. Г. Лингвистическая типология и языковые универсалии. Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. 239 с.
16. Шафиков С. Г. Типология монокомпонентного сказуемого в языках сравнения // Казанская наука. 2023. № 7. С. 147–150.

References

1. Admoni VG. Istoricheskiy sintaksis nemetskogo yazyka = A Historical Syntax of the German Language. Moscow; 1963. 338 p. (In Russ.).

2. ArakinVD. Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov = A Contrastive Typology of English and Russian. Moscow; 2005. 232 p. (In Russ.).
3. Grinberg J. A Quantative Approach to Morphological typology. In: Novoye v lingvistike = News in Linguistics. Moscow; 1963. Vol. 3. Pp. 60-94. (In Russ.).
4. Grinberg J. Some Grammatical Universals Mainly Related to the Order of Significant Elements. In: Novoye v lingvistike = News in Linguistics. Moscow; 1970. Vol. 5. Pp. 114-162. (In Russ.).
5. Gumboldt W. von. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu = Selected Works in Linguistics. Moscow; 2000. 400 p. (In Russ.).
6. Klimov GA. The Principles of Contensive Typology. Moscow; 2009. 224 p. (In Russ.).
7. Losev AF. Sign. Znak. Simvol. Mif. Trudy po yazykoznaniiyu = Symbol. Myth. Works in Linguistics. Moscow; 1982. 480 p. (In Russ.).
8. Maslov YS. Vvedeniye v yazykoznaniiye = Introduction to Linguistics. Moscow; 1987. 272 p. (In Russ.).
9. Melchuk IY. Kurs obshchey morfologii = A Course of General Morphology. Moscow; Vienna; 1997. 412 p. (In Russ.).
10. Mechkovskaya NB. Obshcheye yazykoznaniiye. Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov = General Linguistics. A Structural and Social Typology of Languages. Moscow; 2001. 312 p. (In Russ.).
11. Meshaninov II. Struktura predlozheniya = The Sentence Structure. Moscow Leningrad. 1963. 104 p. (In Russ.).
12. Fortunatov FF. Izbrannyye Trudy = Selected Works. Moscow; 1956. 450 p. (In Russ.).
13. Sepir E. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii = Selected Works in Linguistics and Typology. Moscow; 2002. 656 p. (In Russ.).
14. Skalichka VK. Over the Question of Typology. *Voprosi yazykoznaniiya = Problems of Linguistics*. 1966;(4):22-30. (In Russ.).
15. Shafikov SG. Lingvisticheskaya tipologiya i yazykovyye universalii = Linguistic Typology and Universals of Language. Ufa; 2017. 239 p. (In Russ.).
16. Shafikov SG. A Typology of the Compound Predicate in Contrasted languages. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*. 2023;(7):147–150. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Г. Шафиков — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации.

Information about the author

Sagit G. Shafikov — Doctor of Sci. (Philology), Professor, Professor of the Department of the English Language and Cross-Cultural Communication.

Статья поступила в редакцию 25.08.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 22.12.2023.

The article was submitted 25.08.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 22.12.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

LINGUOCULTUROLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 53–57.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(1(483):53-57. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-53-57

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА FAMILY В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ МУЛЬТСЕРИАЛА «СИМПСОНЫ»)

Татьяна Владимировна Борисенко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, tatiana-tv11@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены способы реализации концепта СЕМЬЯ в американском мультсериале «Симпсоны». В качестве материала исследованы 22 серии 34-го сезона. Выявлена актуализация следующих признаков: «являющиеся родственниками», «работающие в одном хозяйстве», наличие высокого социального статуса как важного элемента благополучия в семье, финансовое благополучие как важная составляющая и другие. Используются дискурсивный и концептуальный методы анализа.

Ключевые слова: концепт, семья, американская лингвокультура, мультсериал, «Симпсоны», «The Simpsons», FAMILY

Для цитирования: Борисенко Т. В. Актуализация концепта FAMILY в американской лингвокультуре (на примере мультсериала «Симпсоны») // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 53–57. doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-53-57

Original article

CONCEPT FAMILY ACTUALISATION IN AMERICAN LINGUOCULTURE (CASE-STUDY OF THE CARTOON «THE SIMPSONS»)

Tatiana V. Borisenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, tatiana-tv11@yandex.ru

Abstract. This article represents ways of the concept FAMILY realization in American cartoon «The Simpsons». Such concept features as *having relatives, working in one household, high social status as an important element, fiscal health as an important element* etc. are actualized in the serial. Discourse and conceptual methods of analysis are used.

Keywords: concept, family, American linguoculture, cartoon, «The Simpsons», FAMILY

For citation: Borisenko TV. Concept FAMILY actualisation in American linguoculture (case-study of the cartoon “The Simpsons”). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(1(483):53-57. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-53-57

Введение

Очевидно, что телевидение влияет на становление личности человека. Исследователи отмечали воздействие мультфильмов на социализацию ребёнка [14], связь агрессии и жестокости с просмотром соответствующих телепередач [15], важную роль телевидения в формировании «системы цен-

ностных ориентаций подростков [9]. О. В. Барсукова показала, что мультфильмы способствуют формированию у детей представлений о добре и зле, закладывают модели поведения, формируют мировоззрение [1. С. 11–16]. Таким образом, установление наличия (или отсутствия) семейных ценностей, передаваемых зрителям посредством современной мультипликации, позволит

определить некоторые особенности современной американской лингвокультуры. В связи с этим целью данной статьи является анализ средств актуализации концепта FAMILY в мультсериале «Симпсоны» и выявление признаков данного концепта. Актуальность работы заключается в необходимости более глубокого изучения американской лингвокультуры, что способствует лучшему пониманию особенностей языкового сознания американцев. Различные аспекты мультсериала уже были исследованы учёными. Так, особенности ситкома «Симпсоны» были рассмотрены Е. В. Масловой [8], стереотипы в мультсериале определял С. В. Осипов [10], образ американской семьи и ценностей анализировали Е. Д. Кирильченко и Е. В. Илова [5]. Материалом нашего исследования послужили 22 серии 34-го сезона мультсериала «Симпсоны», вышедшие в 2022 году. Новизна работы заключается в анализе современной актуализации концепта FAMILY и в определении основных концептуальных признаков. В работе использован дискурсивный и концептуальный методы анализа.

Концепт и его признаки

Концепты — «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые типизируемые фрагменты опыта» [4. С. 59]. Согласно другим определениям, концепт представляет собой ментальную, ненаблюдаемую сущность [12. С. 6], оперативную единицу мысли, единицу «коллективного знания» [3. С. 5–13], «дискретное ментальное образование... несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении» [13. С. 34], «оперативную единицу», идею, находящуюся «у нас в сознании» [7. С. 317]. Е. С. Кубрякова определяет концепт как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [6. С. 90].

Вопрос о количестве концептов в языковом сознании представителей одной культуры решается исследователями по-разному. Мы придерживаемся точки зрения, высказанной З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, согласно которой присутствие языковой единицы указывает на наличие концепта в сознании носителей данной лингво-

культуры [13. С. 91]. Они пишут: «Любой языковой знак представляет концепт в языке, в общении, при этом он представляет концепт не полностью — он своим значением представляет несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения» [13. С. 55].

Объективные и субъективные характеристики единиц действительности отражены в признаках концепта. Сами признаки и связи между ними не формируются по строгим правилам, что ведет к тому, что постепенно концепт становится более объёмным и насыщенным [2. С. 53]. Концептуальные признаки «объективизируются в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц — репрезентантов концептов» [11. С. 129]. Таким образом, анализ языковых единиц, используемых в текстах, позволит выделить признаки рассматриваемого концепта.

Признаки концепта FAMILY в мультсериале «Симпсоны»

Американский анимационный сериал «Симпсоны» непрерывно выходит более 30 лет. В центре мультфильма — семья Симпсонов, которая живёт в вымышленном городке Спрингфилд. «Симпсоны» — комедийный сериал, в котором высмеиваются различные стереотипы, клише, особенности культур, поднимаются политические, религиозные вопросы.

Концепт FAMILY актуализируется в мультфильме посредством лексических единиц, обозначающих наименования членов семьи, взаимоотношения между персонажами, указывающих на ведение хозяйства и другие. Рассмотрим их подробнее.

Семья Симпсонов — полная американская семья, в которой присутствуют родители (Homer и Marge), дети (Bart, Lisa и Maggie) и другие родственники. Чаще всего в сериале участвуют такие родственники, как бабушка, отец Гомера (Abraham Simpson), тётки, сёстры Мардж (Selma и Patricia «Patty» Bouvier). В разных выпусках появлялись единокровные брат и сестра Гомера (Abbey Simpson, Herbert Powell), родители Мардж (Jacqueline и Clancy Bouvier), мачеха Гомера (Mona Penelope Simpson) и др. В сериале присутствуют разные семьи, живущие в вымышленном городе Спрингфилд (Flanders, Nahasapeemepetilon, Carlson и др.). Многие из них обладают большим количеством близких и дальних родственников. Родственные отношения актуализируются посредством таких лексем как *mom, dad, sister, brother, aunt, wife, husband, parents, grampa, twin*

sister, half-brother, great-grandparents. В основном в сюжетах участвуют родственники первой, реже второй линии родства. Большинство семей имеют детей. Часто упоминаются бабушки и дедушки, но они обычно не принимают активного участия в жизни семьи и воспитании детей. При этом родственники первой и второй линии родства являются наиболее значимыми для героев сериала, но и дальние родственники могут в определённых ситуациях оказать своё влияние. Таким образом, здесь очевидна актуализация таких признаков, как: **имеющие близкого родственника, являющиеся родственниками, обладающие общим предком, имеющие потомство**.

Важное место в жизни семьи занимает дом и ведение хозяйства. В анализируемых сериях не было сюжетов, связанных с домашним хозяйством, но персонажи регулярно готовят, занимаются уборкой и ремонтом дома. Такие лексемы, как *cleaning, scrub brush, chili, corn carne, breakfast, dinner, homemade dishes, meatballs, washing machine, washer-dryer, cooking* и другие актуализируют признак **работающие в одном хозяйстве**.

Признак **работающий на благо семьи** реализуется посредством описания трудовой деятельности персонажей. Несколько серий посвящены различным видам заработка, способствующего повышению материального благосостояния: работа Мардж на телеканале, работа Мардж и Лизы в благотворительной организации, ведение влога семьёй Симпсонов, организованный Бартом бизнес. Здесь также актуализируются такие важные для американской лингвокультуры признаки концепта FAMILY как **наличие высокого социального статуса как важного элемента благополучия в семье и финансовое благополучие как важная составляющая** (эпизод 4 «Король Ниццы», эпизод 10 «Игра взломана», эпизод 12 «Моя жизнь как влог», эпизод 19 «Вычеркните этот эпизод»). В сериях регулярно появляются лексические единицы, связанные с деньгами: «We found a video game glitch that *makes money*», *money bank, pay money, expensive, lose money, buy, parent's credit card, will, teastament* и другие.

Интимная сторона семейной жизни персонажей мультфильма актуализирует признак **интимная сфера как важная составляющая**. Вопросы, связанные с личными взаимоотношениями, обычно обсуждаются открыто среди взрослых как часть повседневных разговоров. Встречаются такие фразы как, например, «This marriage may have just got *un-sexless*» (эпизод 16), «A cranky but *lovable, sexless grandpa*» (эпизод 4), «*to share a bed*

with» (эпизод 9), «*people who created Bart*» (эпизод 15) и другие, намекающие на близкие отношения.

Воспитание детей занимает одну из центральных позиций в жизни семьи. Родители обучают детей правильному поведению, наказывают, беспокоятся. В эпизодах 34-го сезона можно обнаружить немало лексических единиц, актуализирующих такие признаки концепта FAMILY, как: **наличие воспитательной функции** [I had to go to my own *parent-teacher conference* (эпизод 10), «*And you're never allowed to read a book again!*» (эпизод 15)], **заботы от наличия детей** [«I don't have a moment when *I'm not worried* about what you'll do next» и «*having kids changes your life*» (эпизод 15), «*I worried* about Lisa» (эпизод 22)]. Переживания родителей по поводу воспитания детей ярко показаны в эпизоде 15. В нём Мардж и Гомер решают вопрос, являются ли они хорошими родителями для Барта.

Наряду с признаком **единство членов группы** в сериале актуализируется признак **наличие непохожего члена, другого**. Первый признак реализуется через лексические единицы, указывающие на совместные действия членов семьи [«We can finally spend some meaningful time *together*» (эпизод 20), «*We are* the Simpsons» (эпизод 12)]. В разных эпизодах любой член семьи может оказаться другим. В 15 эпизоде «непохожим» становится Барт. Родители обвиняют его в плохом поведении и в том, что он всё рушит (*destroyer, ruin everything, pranks*). В конце концов, родителям снится сон, когда их семья живёт без старшего сына. В такой реальности все проблемы Симпсонов решены. Они финансово благополучны, дети счастливы, Мардж и Гомер — образцовые родители. В речи персонажей появляется большое количество положительно окрашенных лексем («*happiest man in Springfield*», «*You guys are so sweet*», «*I love my job*»). Но при этом без Барта семья не целостная. Без него чего-то не хватает, а с его появлением всё становится на свои места [«I've heard her laugh before, but it's always been ironic. Or sarcastic. Or dubiously polite and just a little bit put-upon. But never that» (эпизод 15)]. Таким образом, зритель видит, что каждый член семьи индивидуален и важен.

Сплочённость и единство членов семьи проявляется и в хороших взаимоотношениях между ними. Такие лексические единицы как *love, show her you still care, respect, we want to be supportive* и другие актуализируют признак **имеющие хорошие взаимоотношения**. В то же время члены

семьи могут ссориться, между ними возникает непонимание, что проявляется в таких фразах как: «my dad... sure *hated* me», «What if, deep down we *blame* Bart for throwing our lives out of whack?», «how much they *hurt* you?» и др. Так, в сериале актуализируется такой признак концепта Family как **имеющие плохие взаимоотношения**. В целом преобладают хорошие взаимоотношения, и все конфликты и ссоры в семье Симпсонов заканчиваются мирно.

Выводы

Итак, анализ 34-го сезона мультсериала «Симпсоны» позволил выявить следующие 16 признаков концепта FAMILY: **имеющие близкого родственника; являющиеся родственни-**

ками; обладающие общим предком; имеющие потомство; потомство; работающие в одном хозяйстве; работающий на благо семьи; наличие высокого социального статуса как важного элемента благополучия в семье; финансовое благополучие как важная составляющая; интимная сфера как важная составляющая; наличие воспитательной функции; заботы от наличия детей; единство членов группы; наличие непохожего члена, другого; имеющие хорошие взаимоотношения; имеющие плохие взаимоотношения. Мы видим, что в мультфильме создан положительный образ нуклеарной семьи, авторы сериала подчеркивают такие семейные ценности, как единство, поддержка, забота друг о друге.

Список источников

1. Барсукова О. В. Медиаобразование как фактор развития личности ребенка в условиях трансформации информационного пространства // Вестник ТГТУ. 2011. Т. 17, № 4. С. 1111-1118.
2. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : Изд. дом ЯСК, 2018. 480 с.
3. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый» термин // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 24 ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М. : Макс-пресс, 2003. С. 5–13.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477с.
5. Кирильченко Е. Д., Илова Е. В. Лингвокультурологический анализ образа американской семьи и ценностей в мультсериале «Симпсоны» // Креативная лингвистика : сборник научных статей, Астрахань, 10 января 2022 г. Вып. 5. Астрахань : Астрах. гос. ун-т им. В. Н. Татищева, 2022. С. 65–70.
6. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов М. : МГУ, 1997. 245 с.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
8. Маслова Е. В. Анимационный ситком в современной массовой культуре // Инновации и перспективы современной науки. Исторические, социогуманитарные и философские науки : сб. тр. молодых ученых. Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2018. С. 151–155.
9. Матвеева Н. А. Влияние телевидения на формирование ценностных ориентаций подростков и пути преодоления его негативных последствий : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2009. 27 с.
10. Осипов С. В. Играя со стереотипами: Россия и русские в анимационном сериале «Симпсоны» (1989–2020 гг.) // Культура и искусство. 2021. № 5. С. 76–100. doi 10.7256/2454-0625.2021.5.33404.
11. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2 (54). С. 127–131.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. и др. Язык и национальное сознание: Вопросы теории и методологии : коллективная монография. Воронеж, 2002. 314 с.
13. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. М., 2007. 314 с.
14. Ткач В. П. Влияние мультфильмов на социализацию детей // Социология. 2010. № 2. С. 199–206.
15. Anderson C., Bushman B. The Effects of Media Violence on Society // Science. 2002. Vol. 295. Pp. 2377–2379. doi: 10.1126/science.1070765

References

1. Barsukova OV. Mediaeducation as a factor of a child's personality development under media landscape transformation. *Vestnik TGTU = Transactions TSTU*. 2011;17(4):1111-1118. (In Russ.).
2. Boldyrev NN. Jazyk i sistema znaniy. In: *Kognitivnaja teorija jazyka = Language and the system of knowledge. A cognitive theory of language*. Moscow: LRC Publ. house; 2018. 480 p. (In Russ.).

3. Vorkachev SG. Concept as an “ambrella” term. In: Jazyk. Soznanie. Kommunikacija = Language Consciousness. Communication. Iss. 24. Moscow State University. Moscow: Maks-press; 2003. Pp. 5-13. (In Russ.).
4. Karasik VI. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd; 2002. 477 p. (In Russ.).
5. Kiril'chenko ED, Il'ova EV. Linguocultural analysis of an American family image and values in “The Simpsons” cartoon. In: Kreativnaja lingvistika = Creative linguistics. Astrakhan, January 10. 2022. Issue 5. Astrakhan: Astrakhan State University; 2022. Pp. 65-70. (In Russ.).
6. Kubrjakova ES. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = Concise dictionary of cognitive terms. Moscow: Moscow State University; 1997. 245 p. (In Russ.).
7. Kubrjakova ES. Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira = Language and knowledge: towards acquiring the knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world cognition. The Russian academy of Sciences. Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ. house; 2004. 560 p. (In Russ.).
8. Maslova EV. Animated sitcom in moden mass culture. In: Innovacii i perspektivy sovremennoj nauki. Istoricheskie, sociogumanitarnye i filosofskie nauki = Innovations and perspectives of modern science. Historical, sociocultural and philosophical sciences. Astrakhan: Astrakhan University Publ. house; 2018. Pp. 151-155. (In Russ.).
9. Matveeva NA. Vlijanie televidenija na formirovanie cennostnyh orientacij podrostkov i puti preodolenija ego negativnyh posledstvij = Television influence on the formation of the teenager value-based orientations and the ways to overcome its negative effect. Abstract of thesis. Kursk; 2009. 27 p. (In Russ.).
10. Osipov SV. Playing with stereotypes. Russia and the Russians in animated serial “the Simpsons”. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and art*. 2021;(5):76-100. DOI 10.7256/2454-0625.2021.5.33404. (In Russ.).
11. Pimenova MV. Tipy konceptov i jetapy konceptual'nogo issledovanija = The types of concepts and the stages of conceptual structure analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*. 2013;(2-2(54)):127-131. (In Russ.).
12. Popova ZD, Sternin IA et al. Jazyk i nacional'noe soznanie: Voprosy teorii i metodologii = Language and national consciousness. Issues of theory and methodology. Voronezh; 2002. 314 p. (In Russ.).
13. Popova ZD, Sternin IA. Kognitivnaja lingvistika = Cognitive linguistics. Moscow; 2007. 314 p. (In Russ.).
14. Tkach VP. Influence of cartoons on the socialization of the children. *Sociologija = Sociology*. 2010;(2):199-206. (In Russ.).
15. Anderson C, Bushman B. The Effects of Media Violence on Society. *Science*. 2002;295:2377-2379. DOI: 10.1126/science.1070765

Информация об авторе

Т. В. Борисенко — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

Tatiana V. Borisenko — Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 22.12.2023.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 22.12.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ГРАФЕМИКА, ПУНКТУАЦИЯ GRAPHICS, PUNCTUATION

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 58–71.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(1(483):58-71. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 003.03 + 81'35/'36

doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-58-71

ЭМФАТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ПАРАГРАФЕМИКИ И СИНТАКСИЧЕСКОЕ РАСЧЛЕНЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Елена Анатольевна Губина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, elena_gubina@mail.ru

Аннотация. Эмфатический стиль параграфемии (активное ненормативное использование средств шрифтового варьирования и плоскостной организации текста) и синтаксическое расчленение (разрыв или ослабление синтаксических связей в предложении) являются комплексными свойствами текста, которые повышают его дискретность в плане визуальной организации и синтаксической структуры соответственно. Автономность этих двух интегральных свойств текста обусловлена тем, что их реализация принадлежит к разным аспектам текста. Эмфатический стиль и синтаксическое расчленение при их сочетании в рамках одного текста могут усиливать и подкреплять друг друга, что находит отражение в согласовании синтаксической структуры, графики (пунктуационного оформления) и параграфемии (выделений, отступов). Также они способны формировать два относительно самостоятельных слоя текстовой организации, которые тем не менее в равной степени вносят вклад в фрагментацию текста и повышение его дискретности.

Ключевые слова: параграфемия, метаграфемия, эмфатический стиль параграфемии, синтаксическое расчленение, Э. Э. Каммингс, Андрей Белый

Для цитирования: Губина Е. А. Эмфатический стиль параграфемии и синтаксическое расчленение (на материале художественной литературы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 58–71. doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-58-71

Original article

EMPHATIC STYLE OF PARAGRAPHEMICS AND SYNTACTIC PARTITION (ON THE MATERIAL OF FICTION)

Elena A. Gubina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, elena_gubina@mail.ru

Abstract. The emphatic style of paragraphemics (active non-normative use of font variation and planar text organization) and syntactic partition (breaking or weakening of syntactic links in a sentence) are complex text properties that increase its discreteness in terms of visual organization and syntactic structure, respectively. The autonomy of these two integral properties of the text is due to the fact that their implementation belongs to different aspects of the text. Emphatic style and syntactic partition, when combined within a single text, can strengthen and reinforce each other, which is reflected in the coordination of syntactic structure, graphics (punctuation) and paragraphemics (emphasis, indentation). They are also able to form two relatively independent layers of text organization, which, nevertheless, equally contribute to the fragmentation of the text and increase its discreteness.

Keywords: paragraphemics, metagraphemics, emphatic style of paragraphemics, syntactic division, E. E. Cummings, Andrey Bely

For citation: Gubina EA. Emphatic style of paragraphemics and syntactic partition (on the material of fiction). *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(1(483):58-71. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-58-71*

© Губина Е. А., 2024

Введение

Несмотря на появление большого количества работ, в том числе фундаментальных, в которых осмысливается визуальный облик текста, вряд ли можно полагать, что имеющиеся знания о данном аспекте текста являются исчерпывающими. По мере роста культурной роли письма, который в последние десятилетия благодаря электронным технологиям стал едва ли не феноменальным, потенциальные возможности письменного текста активно осваиваются, а их отдельные формы в рамках различных дискурсивных практик закрепляются либо традицией, либо нормами и стандартами. При этом разнообразие таких практик чрезвычайно высоко, что вынуждает поставить под сомнение возможность ограничиться универсальными аналитическими инструментами при их описании. **Актуальность данного исследования** состоит в том, что благодаря осмыслению на конкретном материале такого комплексного явления, как эмфатический стиль параграфемии, расширяются и дополняются существующие знания о свойствах и структуре текста как визуального явления, а также об их взаимодействии с синтаксическим строем текста.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что предлагаемая и разрабатываемая в данной статье категория эмфатического стиля параграфемии (противопоставляемого строгому, или регулярному, стилю) позволяет комплексно осмыслить разрозненные явления текстовой графики, которые в значительной степени уже описаны, и выявить формы их взаимодействия. Противопоставление эмфатического и строгого (регулярного) стилей параграфемии, будучи достаточно очевидным, в науке до сих пор описано не было. При этом комплексный анализ эмфатического стиля параграфемии и явлений синтаксического расчленения помогает систематизировать формы взаимодействия между лексико-грамматической и визуально-графической структурой текста.

Объектом данного исследования стали русско- и англоязычные литературные тексты, в которых обнаруживается повышенно активное использование средств варьирования в плане супраграфемии и топографемии, то есть тексты, обладающие выраженными признаками эмфатического стиля. В основе исследования лежит **гипотеза**, в соответствии с которой эмфатический стиль параграфемии и синтаксическое расчленение при условии их совместного присутствия в тексте повышают его дискретность.

Цель исследования заключается в выявлении форм взаимодействия между параграфическими и синтаксическими свойствами в контексте художественного произведения.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили художественные произведения Л. Н. Толстого, А. Белого, М. И. Цветаевой, В. В. Маяковского, Э. Э. Каммингса и Дж. Филлипс. Для достижения поставленной цели использовались **общенаучные методы** наблюдения, анализа и синтеза, а также **частные методы** фонетического, графического, синтаксического, лексического и семиотического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Эмфатический стиль параграфемии

Эмфатический стиль параграфемии — это устойчивая совокупность свойств графической организации письменного высказывания. В плане супраграфемии для эмфатического стиля характерны повышенная плотность средств типографского варьирования и акцентирования, которые применяются на самых разных уровнях (текст, синтагма, отдельная графема), в плане топографемии — фрагментация и актуализация нелинейности. Кроме того, в плане интерсемиотического взаимодействия в текстах эмфатического стиля параграфемии наблюдается особо активное и тесное взаимодействие вербальной и пикториальной составляющих (текста и изображения), что вызвано общей активизацией визуального измерения текста. Интегральным признаком эмфатического стиля параграфемии является ненормативность визуальной организации на фоне типичного печатного текста, воплощающего строгий (регулярный) стиль (см. далее), причем отклонение от сложившихся норм и стандартов становится намеренным. Как правило, эмфатический стиль характерен для сообщений небольшого объема, в первую очередь, рассчитанных на целостное восприятие и привлечение внимания (реклама, упаковки товаров, стихотворные произведения, книжные обложки, плакаты, вывески и т. д.), однако он может быть присущ и сложным, развернутым («многостраничным») текстам. В последнем случае плотность применения средств варьирования и особых приемов организации текста обычно оказывается относительно более низкой, хотя общая тенденция к усложнению визуальной организации текста сохраняется.

Специфика эмфатического стиля параграфемки проявляется при его сопоставлении с регулярным (строгим) стилем, в котором типографское варьирование применяется в незначительных объемах и выполняет ограниченное число четко очерченных функций (формально-смысловая организация, акцентирование). В текстах этого стиля параграфемки пикториальные компоненты (изображения, диаграммы, графики) либо отсутствуют, либо четко отделены от текста в формальном отношении. Этот стиль преимущественно реализуется в сложных текстах, которые предполагают единственную «траекторию» чтения, то есть имеют отчетливые начало и конец, что, в свою очередь, является прямым следствием незначительного уровня фрагментации. В жанровом плане регулярный (строгий) стиль параграфемки имеет максимально широкое распространение, охватывая подавляющее большинство печатной продукции, включая художественную, научную, учебную литературу, журналистику и публицистику, правовые и нормативные акты и т. д.

Противопоставление эмфатического и регулярного (строгого) стилей параграфемки позволяет обобщить особенности двух типов высказываний, довольно четко противопоставленных друг другу в плане визуального облика и стоящих за ними стратегий, а также комплексно осмыслить присущие им свойства с учетом прагматики как отдельного высказывания, так и целой дискурсивной традиции. Хотя граница между этими двумя стилями абсолютно четко проявляется не в каждом тексте и могут быть выделены переходные, промежуточные случаи, мы тем не менее можем легко выделить те тексты, в которых система средств, характерных для каждого из стилей параграфемки, реализуется последовательно и полно.

2. Синтаксическое расчленение, эмфатический стиль параграфемки и их роль в усилении дискретности текста

Способность эмфатического стиля повышать дискретность текста делает закономерным вопрос о его сопоставлении с явлением синтаксического расчленения.

В целом синтаксическое расчленение можно осмыслить как разрыв или ослабление синтаксических связей в предложении [1. С. 87]. С этой точки зрения оно реализуется в таких синтаксических явлениях, как парцелляция, сегментация, именная конструкция, цепочки номинативных предложений, вставные конструкции, эллипсис, бессоюзные связи, рубленный синтаксис

(телеграфный стиль), предикация отдельных элементов информации и т. д. Хотя эти конструкции сходны с синтаксическими особенностями устной речи, их функции в обоих случаях различны, что обусловлено главным образом спонтанностью возникновения таких явлений в устной речи и их намеренным, осознанным использованием в речи письменной [1. С. 93]. Н. Д. Арутюнова в работе 1972 г. «О синтаксических типах художественной прозы» обобщила эти явления в понятие «актуализирующая проза», противопоставив это комплексное явление синтагматической прозе, характеризующейся иерархичностью и сложными синтаксическими связями, которые интегрируют отдельные компоненты в целое (перепечатано в [2. С. 481–488]). Данный комплекс синтаксических явлений иногда осмысливается как интеграционные и дезинтеграционные процессы [14; 15; 22], а также известен под другими терминологическими названиями (см. обзор в [20]).

В широком лингвокультурологическом контексте, включающем как факты эстетической деятельности (художественную литературу, живопись, архитектуру), так и общие философско-мировоззренческие установки культуры XX века, эти явления художественной литературы впервые были проанализированы Е. А. Покровской [18]. Синтаксическое расчленение и противостоящее ему синтаксическое слияние в работах Е. А. Покровской интерпретируются как средства реализации ценностных установок и мировоззренческих установок неклассической парадигмы (авангард, модернизм, постмодернизм), которая противопоставляется классической парадигме (реализм, классицизм). Впоследствии эти идеи были развиты и дополнены в ряде работ (см., например, [3; 7; 14; 15] и др.).

Явления, характерные для синтаксического расчленения, повышают дискретность текста. Эмфатический стиль параграфемки также способствует повышению внутренней дискретности текста, которая нередко связана со смысловой иерархией сообщения, то есть выделением в нем более и менее значимых частей, однако достигается это за счет варьирования графического облика текста. Потенциал эмфатического стиля параграфемки в плане создания расчлененности высказывания связан с тем фактом, что значительное количество параграфических средств типично и регулярно используется для акцентирования или выделения структурных компонентов текста, а также создания контраста. Впрочем, как уже указывалось, дискретность может быть

мотивированной не только семантически или структурно (подчеркивание, выделение важного, противопоставление частей), но и прагматически (установка на эксперимент, привлечение внимания, повышение воздействия и даже провокация читателя). В последнем случае эмфатический стиль применяется для реализации эстетических либо чисто декоративных функций.

Опосредующим звеном между синтаксическим расчленением и эмфатическим стилем параграфемии, несомненно, является такой элемент графической системы языка, как пунктуационные знаки. Роль пунктуации в экспрессивном синтаксисе, конечно, отмечалась исследователями неоднократно [5]. Однако, как было показано нами в ряде работ, пунктуация играет определяющую роль в графическом оформлении синтаксического расчленения; более того, пунктуации присуща особая, в полной мере не сводимая к маркировке расчленения роль в формировании облика текста, реализующего установки неклассической парадигмы [10; 12; 13]. Несомненно, идеи расчленения и дезинтеграции могут быть распространены и на другие аспекты визуального состава текста (см., например, работы [6; 14]).

По нашему мнению, эмфатический стиль параграфемии реализуется не посредством пунктуации (синграфемии, в терминологии А. Н. Баранова и П. Б. Паршина [4]), а в плане супраграфемии, то есть шрифтового варьирования, и топографемии, то есть расположения текста на плоскости. С нашей точки зрения синграфемии вообще следует исключить из параграфемии (метаграфемии, в терминологии А. Н. Баранова и П. Б. Паршина). Полагаем, что знаки препинания (как, впрочем, и остальные неалфавитные символы вроде цифр или знаков-идеограмм) следует включать не в параграфемии, а в расширенную понимаемую графическую систему языка (подробнее это решение обосновывается в нашей статье [11]). Основным соображением является то, что эти графемы интегрированы в письменный текст (не только стилистически в рамках отдельной гарнитур, но и в плане дифференциальных системных отношений) и представляют собой неотъемлемую часть письменного текста. В контексте обсуждаемой проблематики существенным представляется то, что пунктуационные знаки — по аналогии с понятийным аппаратом, выработанным фонетикой, — являются сегментными компонентами письменного текста. Подавляющее большинство средств, вовлекаемых и эксплуатируемых эмфатическим стилем

параграфемии (шрифтовое варьирование, расположение частей текста на плоскости), являются супрасегментными, то есть либо накладываются на сегментные единицы (графемы), модифицируя их, либо так или иначе оформляют последовательности или группы сегментных единиц. Случаи чрезвычайно высокой интеграции текста и изображения, вопреки распространенному мнению, к параграфемии также не принадлежат, поскольку являются реализацией интерсемиотического взаимодействия.

3. Формы взаимодействия между синтаксическим расчленением и эмфатическим стилем параграфемии

Несмотря на общее свойство повышения дискретности текста и наличие опосредующего элемента, то есть пунктуации, синтаксическое расчленение и эмфатический стиль параграфемии независимы. С одной стороны, текст без выраженных признаков синтаксической расчлененности в плане параграфемии может быть эмфатическим. Характерным примером является фрагмент из знаменитой сказки «Три медведя», вошедшей в «Новую азбуку» Л. Н. Толстого (рис. 1)¹.

Рис. 1. Графическое выделение прямой речи в «Новой азбуке» Л. Н. Толстого

Выбор размера шрифта и начертания мотивирован иконически: реплики, произносимые более грубыми голосами, набраны более крупным полужирным шрифтом, реплика, произносимая тонким («детским») голосом, — самым мелким шрифтом. Авторский (основной текст) формирует нейтральный фон, на котором выделяются все реплики персонажей.

Стоит подчеркнуть, что в фрагменте сказки выделение осуществляется комплексом средств: помимо изменения размера шрифта и его начертания, используются также выравнивание (реплики выровнены по центру, вследствие чего абзацные отступы не соблюдаются) и отступы (между авторской речью и репликами персонажей имеется

¹ Толстой Л. Н. Новая азбука. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1916. С. 96. URL: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000362511/

пропуск строки). Подобное сочетание нескольких типографских средств для создания контраста является очень характерной чертой эмфатического стиля параграфематики, по которой он может быть опознан; в строгом (регулярном) стиле контраст, как правило, создается посредством вариации одного признака.

Тем не менее в приведенном примере графические приемы не вносят в текст дискретность, которая изначально в нем отсутствовала бы. Переклещивание между фрагментами текста, набранными контрастно, полностью дублирует синтаксическую структуру предложения, а именно противопоставление речи персонажей и авторской речи. Нестандартный способ выделения прямой речи только подчеркивает его синтаксическую структуру, осложняя коннотативный план сообщения указанием на громкость и грубость голоса. Однако для визуального облика текста это все-таки не проходит бесследно: такое решение делает избыточным нормативное оформление прямой речи при помощи тире или кавычек (которое используется Толстым в «Новой азбуке» систематично). Можно сказать, что нормативный способ оформления чужой речи всего лишь заменяется другим, неконвенциональным, но изобразительным. Вместо традиционных знаков препинания, внедренных в линейный ряд графем (то есть, по аналогии с фонетикой, сегментных средств), для выделения используются средства варьирования начертания, по своей природе суперсегментные, то есть накладывающиеся на сегментный ряд. При этом общепринятые способы (тире, кавычки) и выделение прямой речи посредством варьирования начертания в общем случае являются синонимичными и различаются лишь степенью своей конвенциональности/окациональности. Для выделения посредством варьирования начертания изобразительное начало не является обязательным, такое выделение представляет собой коннотацию, возникающую в конкретном контексте.

Таким образом, эмфатический стиль параграфематики не обязательно предполагает высокую расчлененность текста в синтаксическом плане. Верно и обратное: выраженная синтаксическая расчлененность может не сопровождаться признаками эмфатического стиля, примером чего может служить, например, проза М. И. Цветаевой. Рассмотрим в качестве примера следующий абзац из очерка «Наталья Гончарова»¹:

¹ Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. Воспоминания современников. Дневниковая проза. М.: Эллис Лак, 1994. С. 65.

Всякий ветер морской, и всякий город, хотя бы самый континентальный, в часы ветра — приморский. «Пахнет морем», нет, но: дует морем, запах мы прикладываем. И пустынный — морской, и степной — морской. Ибо за каждой степью и за каждой пустыней — море, за-пустыня, за-степь. — Ибо море здесь как единица меры (безмерности).

Не претендуя на исчерпывающий анализ этого фрагмента, в синтаксически-пунктуационном плане организованного довольно изоциренно, отметим лишь наиболее сильные проявления расчлененности.

Синтаксическая расчлененность часто формируется за счет эллипсиса отдельных компонентов высказывания, их более или менее свободного переупорядочивания и ненормативного использования пунктуационных средств. В этом отношении заслуживает внимания второе предложение: «Пахнет морем», нет, но: дует морем, запах мы прикладываем. Гипотетически эту конструкцию можно было бы привести к конвенциональной форме так: **Мы говорим:** «Пахнет морем», — но нет, **на самом деле дует морем, а запах мы прикладываем.** (Впрочем, нельзя не отметить, что однозначная «реконструкция» пропущенных компонентов является проблематичной, ср.: *мы говорим — думаем — полагаем, что...* и т. д. или даже *принято говорить; а — потому что.* Это говорит о том, что структурные трансформации, связанные с синтаксическим расчленением, часто оказываются необратимыми.) В «реконструированной» фразе все синтаксические связи четко маркированы и иерархическая организация высказывания полностью ясна. В оригинальном предложении это не так. Стоит обратить внимание на чужую речь без вводящих авторских слов и пропуск синтаксических компонентов, отражающих смысловые связи между отдельными сегментами предложения. Чужая речь, маркируемая только кавычками, просто сопоставляется с авторской речью и отделяется от последней при помощи запятой, что скорее уравнивает чужую речь с другими сегментами. Ярко ненормативное двоеточие после союза *но* не только репрезентирует подразумеваемую интонационную паузу, но и усиливает контраст между частями сложного предложения, которые этим союзом соединены (чем подчеркивается критическая дистанция между чужой речью и авторской позицией). Бессоюзное соединение предложений, которое реализуется как их простое соположение (*дует морем, запах мы прикладываем*), требует от читателя восстановления смысловой

связи и «реконструкции» соответствующего синтаксического средства (в данном контексте это мог бы быть и сочинительный союз *а*, и подчинительный союз *потому что*). В результате сложное предложение оказывается «конгломератом» простых предложений и синтаксических сегментов, которые в обычном случае самостоятельно не функционируют, и связь между этими сегментами должен восстановить читатель.

Нельзя не отметить использования тире между предложениями в конце абзаца. Последнее пунктуационное предложение *Ибо море здесь как единица меры (безмерности)* само по себе является результатом синтаксического расчленения, то есть представляет собой часть парцелированной конструкции, которая охватывает три последних пунктуационных предложения и письменно выражается в использовании точки вместо запятой. Однако в рассматриваемом случае точка дополнена тире, и это только усиливает разрыв между главной и подчиненной частью (в том числе по сравнению с предшествующей парцелированной частью *Ибо за каждой стелью...*, которая отделена только точкой). При этом конвенциональная иерархия знаков препинания нарушается, поскольку единичное тире — тире как знак разделительный, а не выделительный — с точки зрения русской пунктуации нормативно может выступать только внутри предложения.

Впрочем, необходимо отметить, что в некоторых текстах М. И. Цветаевой средства синтаксического расчленения соседствуют со средствами параграфического варьирования (курсивом и, в редких случаях, особым расположением текста на странице). Такие примеры можно обнаружить и в очерке «Наталья Гончарова» (в обоих примерах курсивное выделение инвертировано): и *даже номер не помогает — даже 13! — ибо на всю улочку один фонарь, не против моего¹; Рабочий рай, мой рай и, как рай, естественно здесь не данный. В пустоте — в тишине — с утра²*. Это свидетельствует о глубинном родстве двух рядов явлений.

Уже приведенные примеры свидетельствуют, что в плане внутренней структуры эмфатическая параграфематика и синтаксическое расчленение аналогичны, действуют как минимум параллельно, а их совместная реализация приводит к взаимному усилению дискретности текста. Это взаимодействие принимает различные формы.

¹ Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. Воспоминания современников. Дневниковая проза... С. 66.

² Там же. С. 68.

Прежде всего, синтаксическое расчленение может усиливаться посредством одновременного применения средств эмфатического стиля. В следующем примере, взятом из романа А. Белого «Котик Летаев», синтаксическая расчлененность, оформляемая пунктуационными средствами, дополняется параллельным применением для структурирования текста переносов на новую строку в сочетании с отступами, а также при помощи втяжки части абзаца, то есть особой организацией в плане топографематики (см. рис. 2)³.

С нянюшкой Александрю жили мы в правилах; была правилом комната; и жили мы в комнатах: в правильных комнатах, преодолимых и измеримых, о четырех стенах; словом, жили не в трубах.
И заключили мы договор: —
— мне жить по закону: около угла, сундучка, — при часах; и слушать мне тиканье; здесь, на коврике, одолевались пространства; и за ковром, там — охватывал Анаксимандр³: беспредельностью; —
— это я кричал про него, по ночам, — всего одно только слово: — "Афросим!" —
просто я перепутал: "афросюэз" по-гречески ведь безумие: а Афросинья служила в кухарках: в то именно время; старообразная, все бранилась она.
Папа ей говорил: — "Афросинья молода — Не бранится никогда". — Или скажет наш папа: — "Земля — шар..."

Рис. 2. Графические выделения в романе А. Белого «Котик Летаев»

Специфика этого фрагмента заключается в том, что признаки синтаксического расчленения в нем сочетаются с яркими проявлениями эмфатического стиля параграфематики, и обе группы средств в значительной части случаев дополняют друг друга.

В частности, отбивки новой строки в сочетании с отступом акцентируют границу между частями простых и сложных предложений, и в большинстве случаев это сопровождается своеобразным удвоением тире, то есть дублированием его на предыдущей и новой строках: *...и за ковром, там — // — охватывал Анаксимандр; Или скажет наш папа: — // — «Земля...»*. При этом такое совпадение и взаимное усиление имеют место лишь на стыке отдельных синтагм. Кроме того, приведенный пример содержит примеры расчленения, которое выражается исключительно пунктуационными средствами без усиления отступами, ср. характерное для стиля А. Белого использование двоеточия для расчленения предложения, а точнее, для обозначения короткой паузы: *жили мы в комнатах: правильных комнатах,*

³ Белый А. Собрание сочинений. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / общ. ред. и сост. В. М. Пискунова. М.: Республика, 1997. С. 45.

преодолимых и измеряемых, о четырех стенах; охватывал Анаксимандр: беспредельностью; Афросинья служила в кухарках: в то именно время. В той же функции А. Белый использует тире (*кричал про него, по ночам, — всего одно только слово*). Такая постановка знаков препинания в нетипичной позиции у А. Белого мотивирована интонационно, о чем свидетельствует сам писатель: «...свою художественную прозу я не мыслю без произносимого голоса и всячески стараюсь расстановкой и всеми бранными способами печатного искусства вложить интонацию некоего сказателя, рассказывающего читателям текст»¹.

Отметим также особое использование втяжки. Втяжка в приведенном примере выделяет не целый абзац, а часть абзаца. Однозначно ее использование мотивировать довольно сложно. По всей видимости, посредством втяжки маркируется переход от внешней по отношению к описываемым событиям позиции (точки зрения из будущего относительно описываемых событий) к ее восприятию глазами ребенка и обратно. Особенно это очевидно это в случае с возвращением к нормальной ширине текста: повествователь комментирует собственную ошибку, о которой в момент описываемых событий ему, по всей видимости, не было известно.

В связи с рассмотренным примером нельзя не вспомнить «лесенку» В. В. Маяковского. Комментируя эту особенность графического представления своих стихов, Маяковский прямо указывает: «Наша обычная пунктуация с точками, запятыми, вопросительными и восклицательными знаками чересчур бедна и маловыразительна по сравнению с оттенками эмоций, которые сейчас усложненный человек вкладывает в поэтическое произведение. <...> Раздел строчек часто диктуется и необходимостью вбить ритм безошибочно, так как наше конденсированное экономическое построение стиха часто заставляет выкидывать промежуточные слова и слоги, и если после этих слов не сделать остановку, часто большую, чем между строками, то ритм оборвется»². Объяснение Маяковского вряд ли можно считать абсолютно верным. Как указывает М. Л. Гаспаров, многие его суждения с точки зрения теории стиха

некорректны, а действительные механизмы «лесенки» далеко не всегда могут быть адекватно объяснены с опорой на категории, используемые самим поэтом [8. С. 36–55; 9. С. 438–441]. Тем не менее важна сама интуиция Маяковского, который видит в необычной топографемике дополнительное по отношению к пунктуации средство, повышающее эмоциональную гибкость поэтической речи и обеспечивающее передачу интонационно-ритмического богатства поэтического высказывания на письме.

Особо отметим наблюдения М. Л. Гаспарова, касающиеся того факта, что графическое членение стиха у Маяковского нередко разрывает (ослабляет) сильные синтаксические связи и усиливает связи слабые [9. С. 439]. Например, в строфе *Из всех / прошедших / по земле людей* (Маяковский, «Владимир Ильич Ленин», цитируется по книге М. Л. Гаспарова) зависимые определения *всех* и *прошедших* отрываются (обособляются) от главного существительного *людей*, тогда как словоформа *людей* и предложно-падежное сочетание *по земле*, синтаксически между собой не связанные, объединяются в одну графическую группу (сочетание *по земле* зависит от причастия *прошедших*). Ослабление сильных и усиление слабых связей, несомненно, составляет суть синтаксического расчленения, а это означает, что графический прием «лесенки» дополнительное синтаксическое расчленение формирует. При этом необходимо подчеркнуть, что дискретизация текста при помощи этого приема далеко не всегда осуществляется в позициях, в которых были бы уместны знаки препинания.

В то же время «лесенка» возвращает в поэзию Маяковского цельность поэтической строфы, разрушенной из-за расположения фрагментов строфы в столбик (то есть с выравниванием всех фрагментов по левому краю), столь характерного для раннего Маяковского. Именно «лесенка», к которой Маяковский приходит к 1923 г. («Про это»), позволяет сохранить и визуальную цельность стихотворной строки, и выразительность переноса [25. Р. 222].

Синтаксическая расчлененность и параграфическая эмфаза в тексте могут сосуществовать как бы «параллельно», не соотносясь друг с другом непосредственно и формируя два автономных слоя. В этом случае также происходит общее усиление внутренней дифференциации текста, однако отдельные проявления и синтаксического расчленения, и эмфатического стиля не усиливаются.

¹ Белый А. Как мы пишем. О себе как о писателе // Белый А. Проблемы творчества: статьи, воспоминания, публикации. М. : Сов. писатель, 1989. С. 13.

² Маяковский В. В. Как делать стихи? // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. Статьи, заметки и выступления: (Ноябрь 1917–1930). 1959. С. 113–114.

Рассмотрим в качестве примера стихотворение 66 из посмертного сборника «73 стихотворения» Э. Э. Каммингса (рис. 3)¹.

D-re-A-mi-N-gl-Y

leaves
(sEe)
locked

in

gOLd
after-
gLow

are

t
ReMbLiN
g

,;::;,,

Рис. 3. Стихотворение Э. Э. Каммингса

Это стихотворение вполне можно интерпретировать как более или менее грамматичное предложение *Dreamingly leaves (see) locked in gold after-glow are trembling* (букв. ‘Мечтательно листья (смотри), запертые в золотом послесвечении, дрожат’; А. Мо полагает, что в этом стихотворении речь идет о лепестках цветка, который вот-вот откроется [26. Р. 755–756]). Имеются основания сблизать это и некоторые другие стихотворения с эстетикой японских хайку, хотя Каммингс никогда строго не следовал этой традиции и приближался к ее эстетическим принципам интуитивно [24. Р. 148–150; 27].

Этой фразе присуща синтаксическая расчлененность. Прежде всего, это проявляется во вставной конструкции — повелительной форме *see*, которая выделена при помощи скобок и внедрена в середину предложения. Как проявление синтаксической расчлененности можно рассматривать и актуализацию наречия *dreamingly*, которое вынесено в начальную позицию и оторвано от главного слова; вероятнее всего, это наречие относится к сказуемому (*are dreamingly trembling*, ‘мечтательно дрожат’).

Другой вариант интерпретации наречия *dreamingly* состоит в том, что оно является семантически автономным, поскольку по смыслу отсылает скорее к состоянию лирического героя, чем к свой-

ствам описываемой ситуации. Данный компонент с такой точки зрения можно интерпретировать по аналогии со смещенным эпитетом, отличительная особенность которого состоит в том, что грамматические отношения, в которых выступает эпитет, не отражают смысловых отношений и не совпадают с ними [17. С. 517; 19]. Если не ограничивать эпитеты синтаксическими определениями (прилагательными и причастиями), то есть трактовать эпитет широко [16. С. 901–902], то данную лексему можно квалифицировать как смещенный эпитет (метонимический перенос эмоционального переживания лирического героя на объект его описания).

М. Д. Уэлч в цитируемой работе предлагает несколько иную синтаксическую интерпретацию этого стихотворения, которая предполагает перестановку слов: *Dreamingly, see — leaves locked in gold after-glow are trembling* (букв. ‘Мечтательно смотри: листья, запертые в золотом послесвечении, дрожат’) [27. Р. 107]. При такой интерпретации стихотворение состоит из двух предложений, соединенных бессоюзной связью, а смещенный эпитет (или, лучше сказать, его наречный аналог) устраняется, поскольку прилагательное *мечтательный*, оставаясь для существительного *взгляд* художественным эпитетом, перестает быть переносным. И с такой точки зрения словосочетание *see dreamingly* разорвано не только в силу дистантного расположения его компонентов, но и в силу взятия главного компонента словосочетания в скобки, противоречащего логике пунктуации (с точки зрения пунктуационных норм допустимым и объяснимым является только взятие в скобки зависимого компонента, который в таком случае становится вставной конструкцией). Это соответствует поэтике Каммингса, поскольку синтаксические конструкции, связанные с нарушением порядка слов (в том числе аномальным), для нее чрезвычайно характерны [23. Р. 117–118]. Необходимость перестановки естественна при интерпретации многих стихотворений американского поэта, который часто прибегал к нарушению порядка не только слов, но и их произвольных частей, а также реаранжировке графем внутри слова (ср. знаменитое стихотворение *r-p-o-p-h-e-s-s-a-g-r²*, в котором представляются буквы слова *grasshopper* ‘кузнечик’). Задача читателя его произведений часто состоит как раз в том, чтобы восстановить исходный текст.

Принцип графического членения анализируемого стихотворения является скорее «нумерическим», и ведущую роль в его графической

² Ibid. Р. 396.

¹ Cummings E. E. Complete Poems (1904–1962). Revised, corrected, and expanded edition containing all the published poetry. Ed. by George J. Firmage. New York: Liveright, 1991. P. 838.

организации играет структура $7 = 4 + 3$. Она реализуется в виде паттерна *АВАВА*, который построен как чередование четырех элементов одного типа и трех элементов другого типа. Для стихотворения в целом и отдельных его частей этот паттерн является архитектурным. Этот симметричный паттерн не мотивирован ни семантикой, ни внутренней структурой слов, ни их фонетической структурой, ни грамматической структурой целого стихотворения.

Само стихотворение состоит из семи строф, а точнее, представляет собой чередование четырех однострочных и трех трехстрочных строф. Но этот паттерн также повторяется на уровне отдельных строк, а точнее, их графической репрезентации и организации.

Необходимо отметить параллелизм между членением стихотворения в целом и членением слова *D-re-A-mi-N-gl-Y* в первой строке. Слово *D-re-A-mi-N-gl-Y* расчленено дефисом на семь сегментов путем чередования четырех заглавных букв и трех пар строчных букв. Членение на семь сегментов обнаруживается и в других трехстрочных строфах. В частности, аналогичный паттерн из семи элементов реализуется через чередование заглавных и строчных букв в строке *ReMbLiN*, хотя в этом случае паттерн представлен чередованием одиночных заглавных и строчных букв; обособление начальной и конечной букв слова *trembling* посредством вынесения их на отдельные строки позволяет поэту не только выделить семь графем, но и превратить это слово в трехстрочную строфу, которая необходима в этой позиции. Если учесть не только противопоставление сегментов, набранных строчными и прописными буквами, но и границу между словами, а также разбивку на строки и перенос на новую строку, то можно выделить семь сегментов и в четвертой строфе *gOLd after-gLOW* (то есть *g-OL-d-after-g-LO-w*). Наконец, приняв открывающую и закрывающую скобки как самостоятельные сегменты, мы можем выделить семь графических сегментов и во второй строфе: *leaves(-s-E-e)-locked*.

Последняя строфа представлена произносимым сочетанием семи знаков препинания. Это сочетание знаков условно можно интерпретировать как иконическую репрезентацию головки цветка (например, семейства астровых, представителями которого являются ромашка, подсолнечник и хризантемы): центральные знаки представляют чашечку, а боковые запятые — загнутые книзу лепестки. Однако нельзя не обратить внимание,

что эта последовательность знаков препинания также реализует паттерн $7 = 4 + 3$. Прежде всего, в этой строке имеется семь знаков препинания. Хотя вряд ли должно вызывать сомнения то, что мы имеем дело с одной типографской строкой (то есть строкой, состоящей из двух запятых, двух точек с запятой, двух двоеточий и одной точки), последняя строка может быть переинтерпретирована как две «строки», каждая из которых состоит исключительно из точек и запятых. При такой интерпретации верхняя «строка» состоит из четырех точек, а нижняя — из семи знаков препинания (четыре запятых и трех точек посередине). Общее количество точек в обеих «строках» составляет 7, а общее число запятых — 4. Группы из трех, четырех и семи элементов вступают друг с другом в контраст или формируют более обширные группы, демонстрируя возможность едва ли не бесконечного применения этого паттерна не только к новым отдельным элементам, но и к их объединениям. Будучи в принципе произносимой, такая концовка стихотворения подчеркивает и утверждает сугубо визуальную природу паттерна, который читатель должен обнаружить в процессе восприятия стихотворения.

Эту структуру вполне правомерно интерпретировать как «визуальную рифму» или «визуальный ритм», которые реализуются только в визуальной плоскости и не могут быть воспроизведены голосом. Мы имеем дело с особой конструкцией, в целом аналогичной идеальному представлению о поэтической речи, в которой используются рифмы и ритм (параллелизм, основанный на точном воспроизведении ритмического паттерна), — с тем отличием, что в стихотворении Э. Э. Каммингса эта конструкция полностью реализована в визуальном измерении. При этом графические средства, используемые для «внедрения» этого ритма в стихотворение, как бы «возмущают» его визуальное воплощение, формируя его ненормативный, даже аномальный графический облик. Вряд ли будет ошибкой, если мы скажем, что в стихотворении присутствует два относительно самостоятельных слоя: во-первых, его лексико-синтаксическое наполнение, несущее непосредственный смысл, а во-вторых, его графическая организация, на нескольких уровнях реализующая один и тот же паттерн, в целом автономный по отношению к предыдущему слою.

Наконец, рассмотрим случай, в котором синтаксическая расчлененность возникает вследствие первичности визуальной организации. Примером нам послужит стихотворение

Дж. Филлипс «A life circle» (рис. 4)¹ (оно упоминается также в статье [21]).

Рис. 4. Визуальное стихотворение Дженифер Филлипс «A life circle»

Это стихотворение представляет интерес в силу того, что визуальная организация вербального материала в нем выступает на первый план. Тем не менее, мы имеем дело с полноценным, пусть и своеобразным текстом: он состоит из слов, пикториальная составляющая в нем отсутствует, и единственным иконическим компонентом являются два круга — внутренний, выполняющий роль заголовка, и внешний, несущий основную смысловую нагрузку.

Формально вторая часть представляет собой набор слов, которые отражают содержание обыденной жизни человека: *take* ('бери'), *each* ('каждый'), *hour* ('час'), *rest* ('отдых'), *toil* ('трудись'), *love* ('люби'), *earn* ('зарабатывай'), *next* ('снова, дальше'). Из этих слов вполне можно сложить более или менее осмысленную фразу: *take each hour rest, toil, love, earn, next* ('бери передышку каждый час, трудись, люби, зарабатывай, дальше'). Впрочем, эта интерпретация не является единственно возможной. Первую (наиболее синтаксически связную) часть можно интерпретировать и как *take each hour, rest* ['хватай каждый час (≈ дорожи каждой минутой), отдыхай']. Важнейшим с точки зрения интерпретации является принцип замкнутости круга, который воплощает образ суточного цикла и формально выражается через наложение начальных и конечных букв смежных слов, выделенных синим цветом. Подкреплением для этой интерпретации является двадцать четыре графемы, из которых состоит внешний круг, — число, которое отсылает к количеству часов в сутках.

¹ Phillips J. A life circle // Visual concrete digital computer Poetry by Jenifer Phillips. URL: http://phillipspoetry.com/visual_poem28.html

Однако взаимное наложение слов благодаря совпадению их начальных и конечных букв свидетельствует о первичности именно графического принципа. По крайней мере, логический порядок в последовательности слов нарушен. После слова *next*, которое лексически выражает идею замыкания, следует не перечисление действий (*toil, love, earn*), а призыв отдохнуть, тогда как слова *toil* и *earn*, явно связанные (ср. В Новом Завете: «If anyone is not willing to work, let him not eat»), разделены словом *love*. Более естественным представляется и другой порядок слов в фрагменте ряда, проявляющем максимальную связность: *take each hour rest — take rest each hour*. С точки зрения лексико-грамматических отношений и связности последовательность слов фрагментирована, и от читателя требуется усилие, чтобы не только «расцепить» визуально соединенные слова, но и восстановить разорванные связи между ними, увидеть логику, которая эти слова объединяет. (Эта рассогласованность, впрочем, косвенно работает на замысел произведения, соотносясь с идеями активности и усилия, которые сочетаются с представлением о множестве неупорядоченных, как бы хаотичных действий, совершаемых на протяжении дня, и прямо выражаются при помощи глагола *to toil* и косвенно при помощи существительного *rest*.) Кажется правдоподобным, что вербальная составляющая стихотворения — это либо «рассыпанная» связная фраза, либо набор тематически соотнесенных между собой слов, связи между которыми читатель должен найти или выстроить самостоятельно. Можно предположить, что в процессе создания этого стихотворения первичной была именно формальная идея соединения слов в кольцо, а слова подбирались не только по их смыслу, но и по их графемному составу (количеству графем, начальной и конечной графемам). Следование такому формальному принципу ограничивает возможности построения целостной синтаксической конструкции. Подобный принцип соединения слов формирует особый «визуальный синтаксис», противоречащий правилам синтаксиса в обычном смысле этого слова, как бы вытесняет или подменяет собой синтаксические правила и в итоге с большой вероятностью дает вербальный ряд, в синтаксическом отношении более или менее фрагментированный.

Заключение

Эмфатический стиль параграфематики и синтаксическое расчленение, представляя собой в целом автономные комплексные явления, могут активно

взаимодействовать друг с другом. Основу для такого взаимодействия составляет то, что средства эмфатической параграфемии (в их наиболее ярких и очевидных проявлениях) способны повышать дискретность текста за счет формирования разнородных контрастов, причем не только внутри текста или предложения, но и внутри отдельного слова. В отдельных случаях обнаруживается взаимное усиление синтактико-пунктуационных и параграфических средств за счет параграфического акцентирования компонентов высказывания, которые в силу своей грамматической природы синтаксически автономны и при этом выделены пунктуационными и/или интонационными средствами. Однако взаимодействие между графическим обликом текста и его синтаксической организацией далеко не всегда является прямым. Как показывает материал, прямое взаимное усиление синтаксической расчлененности и эмфатического стиля, достигаемое посредством акцентирования средствами параграфемии значимых синтаксических единиц, для дискурса художественной литературы не менее типично, чем простое взаимное соположение непосредственно не согласованных между собой результатов синтаксической фрагментации и параграфических модификаций, ведущее к общему повышению дискретности текста.

Контраст определенно является ведущим и наиболее активно эксплуатируемым эффектом эмфатического стиля параграфемии. Однако не стоит забывать, что средства эмфатического стиля параграфемии могут взаимодействовать или соотноситься со средствами синтаксического слияния. Примером этому может служить проанализированное стихотворение Дж. Филлипа, в котором обнаруживается относительная утра-

та графическими словами их автономности в составе ряда в силу взаимного наложения конечных и начальных графем разных слов (что, впрочем, соседствует с явной синтаксической фрагментарностью вербального ряда и цветовым выделением общих конечных и начальных графем, которое нарушает графическую цельность отдельного слова, тем самым дискретность текста повышая). Тенденции, снижающие дискретность текста и повышающие его внутреннюю связность, по всей видимости, можно усмотреть в таких явлениях, как фигурный стих и акrostих (хотя их можно было бы осмыслять и вне оппозиции «дискретное/континуальное»). За пределами художественных текстов, а именно на материале номинаций, та же тенденция проявляется, например, в онимах, порожденных путем пропуска пробела между словами (*вКонтакте, МирТесен, СвободнаяПресса, befree, PickPoint, Myspace, LinkedIn* и под.), и гибридных ономастических образованиях, создаваемых на основе слов разных языков (*Хруsteam, Веерлога, БлинChick* и под.). Впрочем, эмфатическую параграфемику вряд ли следует сводить к расчленению и слиянию — не менее важен для осмысления данного явления контраст с другими текстами, а шире, с нормой и узусом, сложившимися в области визуально-графического оформления текста. Ведущими в понимании эмфатической параграфемии должны быть все-таки такие признаки, как принадлежность к визуально-графическому измерению, ненормативность, повышенная смысловая нагрузка и повышенный воздействующий потенциал. С такой точки зрения графическое расчленение оказывается распространенной, самой яркой и очевидной, но далеко не единственной функцией эмфатической параграфемии.

Список литературы

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М. : Высшая школа, 1990. 168 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Балова И. М., Будаева Л. А., Щербань Г. Е. Проявление синтаксического аналитизма в прозе постмодерна // Известия Кабардино-Балкарского Научного центра РАН. 2015. № 1 (63). С. 244–251.
4. Баранов А. Н., Паршин П. Б. О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 6–15.
5. Береговская Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М. : Рохос, 2004. 208 с.
6. Будникова Н. Н. Функции внелингвистических знаков в дезинтеграционном синтаксическом процессе вставки (на материале художественных текстов, созданных на рубеже XX–XXI вв.) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK120.pdf> (дата обращения: 10.06.2022).
7. Вердеш А. А. Синтаксическое расчленение и синтаксическое слияние как частные проявления дискретности и континуальности в языке и речи // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 2 (81). С. 94–97.

8. Гаспаров М. Л. Избранные труды. Том IV: Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации. М.: «Языки славянской культуры», 2012. 720 с.
9. Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М. : Наука, 1974. 488 с.
10. Губина Е. А. «Усечение» и «расширение» пунктуационной системы в текстах неклассической парадигмы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). Ч. 2. С. 74–76.
11. Губина Е. А. Графемный арсенал текста как категория текстового и дискурсивного анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 12. С. 308–313.
12. Губина Е. А. Контекстуальные нарушения пунктуационных норм как средство формирования расчленения и слияния в текстах неклассической парадигмы (на материале русской и английской художественной литературы) // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 78–89.
13. Губина Е. А. Роль пунктуации в создании синтаксического расчленения и слияния (на материале русских и английских текстов неклассической парадигмы) // Научная мысль Кавказа. 2016. № 1 (85). С. 109–113.
14. Марьина О. В. Абзацное членение текста как показатель его расчленения (на материале художественных текстов рубежа XX–XXI веков) // Филология и человек. 2011. № 2. С. 111–117.
15. Марьина О. В. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в синтаксисе художественных текстов как показатель их слияния и расчленения // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 233–235.
16. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-н/Д. : Феникс, 2007. 940 с.
17. Москвин В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. Ростов-н/Д. : Феникс, 2006. 630 с.
18. Покровская Е. А. Русский синтаксис в XX веке: Лингвокультурологический анализ. Ростов-н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 2001. 436 с.
19. Раевская О. В. Метонимия в слове и в тексте // Филологические науки. 2000. № 4. С. 49–56.
20. Синеокова Т. Н. Современные синтаксические исследования: новая терминология для описания «старых» объектов // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 13 (395). Филологические науки. Вып. 104. С. 113–116.
21. Слуцкая К. А. Роль графической образности вербального компонента визуальной поэзии в ее семантизации // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). С. 83–87.
22. Чувакин А. А. Дезинтеграционные процессы в художественном синтаксисе рубежа XX–XXI вв. // Исследования по семантике. Вып. 24. Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. С. 505–514.
23. Alfandary I. Poetry as ungrammar in E.E. Cummings' poems // *Modernism Revisited: Transgressing Boundaries and Strategies of Renewal in American Poetry*. Ed. by V. Patea and P.S. Derrick. Amsterdam ; New York: Rodopi, 2007. P. 101–120.
24. Grabher G. M. In Search of Words for “Moon-Viewing”: the Japanese Haiku and the Skepticism towards Language in Modernist American Poetry // *Modernism Revisited: Transgressing Boundaries and Strategies of Renewal in American Poetry*. Ed. by V. Patea and P.S. Derrick. Amsterdam, New York : Rodopi, 2007. P. 135–159.
25. Janecek G. *The Look of Russian Literature: Avant-Garde Visual Experiments, 1900-1930*. Princeton: Princeton University Press, 1984. 314 p.
26. Moe A. Cummings's Urban Ecology: An Exploration of *EIMI, No Thanks*, and the Cultivation of the Ecological Self // *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*. 2011. Vol. 18. № 4. P. 737–762.
27. Welch M. D. The haiku sensibilities of E. E. Cummings // *Spring. New Series*. 1995. № 4. P. 95–120.

References

1. Akimova GN. *Novoye v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka = Innovations in the syntax of the modern Russian language*. Moscow; 1990. 168 p. (In Russ.).
2. Arutjunova ND. *Yazyk i mir cheloveka = The language and world of man*. Moscow. 1999. 896 p. (In Russ.).
3. Balova IM, Budaeva LA, Scherban G.E. Manifestation of syntactic analyticism in the postmodern prose. *Izvestija Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo centra RAN = News of the Kabardin-Balkar scientific center of RAS*. 2015;(1(63):244-251. (In Russ.).
4. Baranov AN, Parshin PB. Towards the metalanguage for describing text vizualizations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2018;17(3):6-15. (In Russ.).

5. Beregovskaja EM. Essays on expressive syntax. Moscow; 2004. 208 p. (In Russ.).
6. Budnikova NN. Functions of extra-linguistic signs in the disintegrative syntactic process of insertion (based on the material of literary texts created at the turn of the XX-XXI centuries). *Mir nauki. Sociologija, filologija, kul'turologija = World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2020;(1):1-9. Available from: <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK120.pdf> (accessed: 17.07.2023) (In Russ.).
7. Verdesh AA. Syntactic partition and syntactic fusion as particular manifestations of discreteness and continuity in language and speech. *Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki = the Humanities and Social-Economic Sciences*. 2015;(2(81):94-97. (In Russ.).
8. Gasparov ML. Izbrannyye trudy. Tom IV: Lingvistika stikha. Analizy i interpretatsii = Selected works. Volume IV: Linguistics of verse. Analyzes and interpretations. Moscow; 2012. 720 p. (In Russ.).
9. Gasparov ML. Sovremennyy russkiy stikh. Metrika i ritmika = Modern Russian verse. Metrics and rhythms. Moscow; 1974. 488 p. (In Russ.).
10. Gubina EA. "Truncation" and "broadening" of punctuation system in the texts of the non-classical paradigm. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2016;(5-2(59):74-76. (In Russ.).
11. Gubina EA. Text graphemic tools as a category of textual and discursive analysis. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2019;(12):308-313. (In Russ.).
12. Gubina EA. Contextual violations of punctuation rules as a way to create partition and fusion in non-classical paradigm texts (based on Russian and English fiction). *Gumanitarnye i social'nye nauki = the Humanities and social sciences*. 2016;(5):78-89. (In Russ.).
13. Gubina EA. The role of punctuation in the creation of syntactic partition and fusion (on the basis of Russian and English texts of the non-classical paradigm). *Nauchnaja mysl' Kavkaza = Scientific Thought of Caucasus*. 2016;(1(85):109-113. (In Russ.).
14. Mar'ina OV. Paragraph Division of Text as Indicator of its Separation (in Fiction of XX-XXI Centuries). *Filologija i chelovek = Philology & Human*. 2011;(2):111-117. (In Russ.).
15. Mar'ina OV. Integration and disintegration processes in the syntax of literary texts as an indicator of their fusion and dismemberment. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija, istorija, vostokovedenie = Scholarly Notes of Transbaikal State University. Philology, History, Oriental Studies*. 2009;(3):233-235. (In Russ.).
16. Moskvina VP. Vyrzitel'nyye sredstva sovremennoy russkoy rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar' = Expressive means of the modern Russian speech. Stylistic devices and figures of speech. Dictionary of terms. Rostov-on-Don; 2007. 940 p. (In Russ.).
17. Moskvina VP. Stilistika russkogo yazyka. Teoreticheskij kurs = Russian Stylistics. Theoretical course. Rostov-on-Don; 2006. 630 p. (In Russ.).
18. Pokrovskaja EA. Russkiy sintaksis v XX veke: Lingvokul'turologicheskij analiz = Russian Syntax in XX century. Linguistic and cultural analysis. Rostov-on-Don; 2001. 436 p. (In Russ.).
19. Raevskaja OV. Metonymy in word and text. *Filologicheskie nauki = Philological Sciences*. 2000;(4):49-56. (In Russ.).
20. Sineokova TN. Modern syntactical research: new terminology for «old» objects description. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2016;(13(395):113-116. (In Russ.).
21. Sluckaja KA. The role of graphic figurativeness of the verbal component of visual poetry in its semantization. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2014;(23(352):83-87. (In Russ.).
22. Chuvakin AA. Disintegration processes in artistic syntax at the turn of the 20th-21st centuries. *Issledovaniya po semantike = Studies in Semantics*. 2008;(24):505-514. (In Russ.).
23. Alfandary I. Poetry as ungrammar in E.E. Cummings' poems. In: *Modernism Revisited: Transgressing Boundaries and Strategies of Renewal in American Poetry*. Ed. by V. Patea and P.S. Derrick. Amsterdam; New York: Rodopi; 2007. Pp. 101-120.
24. Grabher GM. In Search of Words for "Moon-Viewing": the Japanese Haiku and the Skepticism towards Language in Modernist American Poetry. In: *Modernism Revisited: Transgressing Boundaries and Strategies of Renewal in American Poetry*. Ed. by V. Patea and P.S. Derrick. Amsterdam; New York: Rodopi; 2007. Pp. 135-159.

25. Janecek G. *The Look of Russian Literature: Avant-Garde Visual Experiments, 1900-1930*. Princeton: Princeton University Press; 1984. 314 p.

26. Мое А. Cummings's Urban Ecology: An Exploration of *EIMI, No Thanks*, and the Cultivation of the Ecological Self. *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*. 2011;18(4):737-762.

27. Welch MD. The haiku sensibilities of E.E. Cummings. *Spring. New Series*. 1995;(4):95-120.

Информация об авторе

Е. А. Губина — кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

Elena A. Gubina — Cand of Sci. (Philology), Associate Professor.

*Статья поступила в редакцию 25.08.2023;
одобрена после рецензирования 16.10.2023; при-
нята к публикации 22.12.2023.*

*The article was submitted 25.08.2023; approved
after reviewing 16.10.2023; accepted for publication
22.12.2023.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-72-80

К ВОПРОСУ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДВОЕТОЧИЯ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Севиндж Мехтиханлы¹, Бахаре Чераги²

¹ Гилянский университет, Гилян, Рашт, Исламская Республика Иран, smehdikhanli@guilan.ac.ir, ORCID: 0000-0002-3581-3760

² Университет имени Шахида Бехешти, Тегеран, Исламская Республика Иран, bahareh.cheraghi@yahoo.com, b_cheraghi@sbu.ac.ir, ORCID: 0000-0001-7602-1308

Аннотация. Данная статья посвящена теме рассмотрения употребления знака препинания «двоеточие» в русском и персидском языках. Знаки препинания в грамматике русского языка играют значительную роль, и благодаря им воспринимать и понимать текст становится легче. Знаки препинания в персидском языке тоже в основном используются для устранения неясностей и обеспечения простого и правильного чтения текста. Целью настоящей работы является выявление точных значений и сфер употребления двоеточия в русском и персидском языках. Актуальность исследования обусловлена его использованием в качестве источника для студентов, имеющих проблемы по данной теме при написании, чтении и понимании текстов. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении употребления двоеточия в русском и персидском языках. Теоретическая значимость обусловлена отсутствием специального сопоставительного исследования в этой области. В данной работе рассмотрены основные аспекты употребления двоеточия в вышеуказанных языках, сравнительно-сопоставительным методом анализируются ситуации употребления данного знака в русском и персидском языках и приводятся примеры для каждой из них. В результате исследования выявлено, что сфера употребления двоеточия в персидском языке больше, по сравнению с русским языком, и правила в большинстве случаев совпадают, только в некоторых случаях различаются. Практическая значимость работы заключается в том, что выводы статьи могут быть использованы студентами, обучающимися на кафедрах РКИ иранских вузов, как дополнительный материал на занятиях, а также переводчиками.

Ключевые слова: пунктуация, знаки препинания, двоеточие, русский язык, персидский язык

Для цитирования: Мехтиханлы С., Чераги Б. К вопросу употребления двоеточия в русском и персидском языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 72–80. doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-72-80

Original article

ON THE QUESTION OF THE USE OF COLON IN RUSSIAN AND PERSIAN

Sevinj Mehdikhanli¹, Bahareh Cheraghi²

¹ University of Guilan, Rasht, Iran, smehdikhanli@guilan.ac.ir, ORCID: 0000-0002-3581-3760

² University of Shahid Beheshti, Tehran, Iran, bahareh.cheraghi@yahoo.com, b_cheraghi@sbu.ac.ir, ORCID: 0000-0001-7602-1308

Abstract. This article is devoted to the use of the punctuation mark “colon” in the Russian and Persian languages. Its purpose is to identify the exact meanings and areas of this sign usage in Russian and Persian. Punctuation marks in the grammar of the Russian language play a significant role, they help to read and understand the text easier. Punctuation marks in Persian are mainly used to eliminate ambiguities and lead to simple and correct reading of the text. The article analyzes the situations of the usage of this sign in Russian and Persian applying a comparative method and providing examples for each case. The relevance of the study is due to the incompleteness of the inventory of cases in which the colon is used; it can also serve as a source for students who have problems on this topic when writing, reading and understanding texts. The scientific novelty of the study is that a comprehensive study of different aspects of the use of the colon in Russian and Persian is carried out. The novelty is also determined by the comparison of the use of colon in Russian and Persian in view of the lack of a special comparative study in this

area. It was found that the scope of colon usage in Persian is wider in comparison with Russian, and most cases of its usage match, but some differ. In addition, our article confirms the insufficient consideration of this topic in Russian language textbooks. The results of the article can be helpful to students studying at departments of Russian as a foreign language at Iranian universities, used as additional materials in classroom and by translators.

Keywords: punctuation, punctuation marks, colon, Russian language, Persian language

For citation: Mehdikhanli S, Cheraghi B. On the question of the use of colon in Russian and Persian. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(1(483):72-80. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-72-80

Введение

Объектом данного исследования является употребление двоеточия в русско-персидском сопоставительном аспекте. Пунктуация является совокупностью правил постановки знаков препинания. От постановки знаков препинания зависят смысл высказывания, психологическая глубина и напряженность проявления того или иного признака. При помощи данных знаков пишущий выражает определенные значения, а читающий понимает их.

Знание основных правил употребления знаков препинания русского языка в сравнении с персидским языком необходимо иранским студентам, изучающим русский язык. Кроме этого, иранским студентам надо обращать внимание на случаи использования вышеуказанных знаков, которые не совпадают в их родном и иностранном языках. В противном случае коммуникативная функция знаков препинания нарушается.

Актуальность исследования обусловлена недостаточностью сопоставительных исследований в этой области, а также перспективой употребления представленного материала как источника для студентов, у которых возникают проблемы при письме, чтении и понимании текстов. **Целью** настоящей работы является выявление точных значений и сфер употребления двоеточия в русском и персидском языках.

Пунктуация — это одна из самых сложных и важных частей языковых систем, которая указывает на смысловое членение речи. Пунктуация как явление письма представляет собой совокупность знаков препинания с присущими им свойствами. Она также составляет лингвистическую дисциплину, описывающую пунктуационные знаки, их функции и правила их употребления [8. С. 650].

Введение и освоение знаков препинания является важным достижением культуры. Известно, что «в древнейших рукописях слова большей частью не отделялись одно от другого ни расстояниями, ни знаками препинания, за исключением точки...» [3. С. 331]. Нетрудно представить, насколько сложным было восприятие таких текстов.

Об основах и назначении в истории русской пунктуации выделились три направления: интонационное, синтаксическое и смысловое. По мнению А. М. Пешковского, пунктуация отражает «декламационно-психологическое расчленение речи» [6. С. 90]. Л. В. Щерба также усматривает основу для расстановки знаков препинания во «фразовой интонации», не отрицая важность факторов смысла и грамматического строения предложения. [10. С. 293]. Я. К. Грот указывает на синтаксический принцип пунктуации и считает, что знаки препинания выделяют отдельные предложения и их части в составе сложных предложений [4. С. 185]. По мнению Ф. И. Буслаева, знаки препинания, такие как запятая, точка с запятой, двоеточие и точка, вводят ясность при изложении мыслей, отделяя одно предложение от другого, а такие знаки, как восклицательный и вопросительный знаки, многоточие и тире выражают чувства говорящего и его отношения к слушающему [3. С. 331]. Итак, русская пунктуация связана с интонацией, со смыслом письменного текста и с его стилистическими особенностями [7. С. 219-220].

Но несмотря на различающиеся взгляды, признание коммуникативной функции пунктуации и вывод о том, что пунктуация является важным средством оформления письменной речи, являются общими у представителей разных направлений.

М. Дж. Яхаги в своей книге о пунктуации персидского языка пишет, что пунктуация — это использование знаков, облегчающее чтение и правильное понимание содержания текста, а также помогающее разрешить некоторые неясности, в том числе, вызванные отсутствием отражения в письме речевых элементов. Он добавляет, что использование данных знаков в том виде, в каком мы их используем сегодня, не имеет большей истории в персидском языке, но в последние 1-2 столетия, следуя за письменной практикой Запада, мы сделали его обычным явлением и в персидском языке. Однако в использовании этих знаков следует избегать чрезмерности и следует использовать их в соответствии с формулировкой и структурой персидского языка [14. С. 125].

А. Самии отмечает необходимость письма в жизни человека. Письмо отвечает как индивидуальным, так и социальным потребностям человека. Оно является одним из важных навыков обучения языку, необходимым при выполнении заданий, на экзаменах, при написании курсовых работ и диссертаций, во всех видах деятельности, являющихся неотъемлемой и важной частью обучения. Уделение большего внимания знакам препинания в системе образования и следование правилам письма в вышеперечисленных ситуациях способствуют развитию и закреплению языковых навыков у студентов [13. С. 4].

А. Самии также утверждает, что легко сказать, но трудно написать, поскольку письменный текст накладывает определенные ограничения. Когда мы пишем, мы не знаем нашу аудиторию, и мы не знакомы с ее интересами, ментальным фоном и уровнем понимания. При этом в письме необходимо соблюдать порядок, ясность выражения, выбор подходящих слов, умеренность в словообразовании [13. С. 6].

По мнению Р. Ашрафзаде правила письма делятся на две категории: поверхностные и письменные. Мы называем письменные правила пунктуацией. В пунктуации речь идет о знаках, которые используются для того, чтобы придать ясность письму, они называются письменными знаками [11. С. 284–285].

В устной речи такие факторы, как интонация, жесты рук и головы помогают говорящему передать свою мысль, но так как на письме эти факторы отсутствуют, иногда понимание текста затрудняется. Знаки препинания в основном используются для устранения неясностей и обеспечения простого и правильного чтения текста [12. С. 37].

Методы и материалы

В процессе исследования использовался метод сопоставительно-сравнительного анализа употребления знака двоеточия в русском и персидском языках. Материалами исследования являются теоретические данные и практические примеры из работ известных русских и персидских лингвистов. Переводы представлены самими авторами данного исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

В системе современной русской пунктуации существует 10 знаков препинания: точка [.] , запятая [,] , точка с запятой [;] , многоточие [...] , двоеточие [:] , вопросительный знак [?] , восклицательный знак [!] , тире [—] , скобки [()] и кавычки [« »] . Точка — древнейший знак, которую можно видеть в древнерусской письменности. Однако её употребление сейчас изменилось. Названия большинства знаков препинания являются исконно русскими, но названия двух знаков, то есть дефис и тире являются заимствованными. Дефис не относится к пунктуации, но является знаком орфографии [9. С. 5–7]. Существует три вида знаков препинания: отделительные, разделительные и выделительные. К каждому виду относится несколько знаков препинания. В статье не анализируются все знаки препинания, подробно рассматривается только употребление двоеточия в сопоставительном аспекте с персидским языком. Как отмечает М. Т. Баранов, разделительные знаки препинания, в том числе и двоеточие, обозначают в простом предложении границы между однородными членами, а в сложном разделяют составные простые предложения в нём [2. С. 260–262]. Двоеточие в настоящее время имеет разъяснительно-пояснительную функцию и передаёт значения причинной обусловленности, раскрытия содержания, конкретизации общего значения [5. С. 45–46].

Рассмотрим случаи употребления двоеточия в русском и в персидском языках и сопоставим их. В русских предложениях двоеточие употребляется в четырёх ситуациях.

1. Перед однородными членами предложения после обобщающего слова (рис. 1):

*К вам заходило много гостей:
господа Ильинские, поручик Успенский,
почтмейстер Соколов, приятели Сашеньки
и все соседские дети.*
مهمانان زیادی به شما سر زدند: آقایان ایلینسکی، ستوان اوسینسکی،
رئیس پست ساکالوف، دوستان ساشا جان و همه ی بچه های همسایه.
(*dār tulā ruz mэхмананэ зийади бэ шома сār zāddānd:*
*агайанэ Ильински, сотван Успенский, рāисэ пост Сакалов,
дустанэ Саша джан вā хāмэйэ бāччэхайэ хāмсāйэ.)*
*В человеке должно быть всё красиво:
и внешность, и характер, и мысли, и поступки.*
همه چیز در انسان باید زیبا باشد: هم ظاهر، هم شخصیت، هم افکار و هم رفتار.
(*хāмэ чиз дār энсан байād зибā башād:*
хāм захэр, хāм шāхсиāt, хāм айфкар вā хāм рāфтар.)

Рис. 1

Н. Н. Соловьёва пишет, что вместо двоеточия возможно употребление тире. При этом перечисление станет более эмоциональным, и пауза перед тире акцентирует внимание на перечисляемых однородных членах предложения.

В человеке должно быть всё красиво — и внешность, и характер, и мысли, и поступки.

2. Перед разъясняющими предложениями в бессоюзных сложных предложениях (рис. 2):

[Мы знали]: [скоро подойдет скорый поезд].
 ما می دانستیم که قطار سریع السیر به زودی می رسد.
 (ما می دانستیم ، قطار سریع السیر به زودی می رسد.)
 (ма миданэстим кэ гатарэ сэриоссир
 бэ зуди мирэсэд.)

Рис. 2

Н. Соловьёва отмечает что, данные предложения можно разделить на три группы:

- 1) двоеточие равно «именно» в случае, если второе простое предложение раскрывает содержание первого (рис. 3):

*В метро, на работе, все только и говорили об одном и том же:
 почему президент уволил мэра города,
 кто займёт теперь это место.*
 در مترو، در محل کار، همه از یک چیز صحبت می کردند: چرا رئیس جمهور شهردار شهر را برکنار کرد، اکنون چه کسی این مکان را خواهد گرفت.
 (дэр мэтро, дэр махаллэ кар,
 хамэ аз йэк чиз сохбят микарданд:
 чэра райсджомхур шахрдар ра баркэнар кярд, ...)

Рис. 3

Как видно, синтаксический синоним таких бессоюзных предложений — это сложноподчинённое предложение с пояснительным союзом «а именно».

В метро, на работе, все только и говорили об одном и том же, а именно почему президент уволил мэра города, кто займёт теперь это место.

Переводом союза «а именно» является сочетание ...که این بود که... (ва ан ин буд кэ...).

Л. А. Аксёнова об этом пишет так: «Если между частями пояснительные отношения и вторая часть поясняет, конкретизирует высказанную мысль первой части, тогда перед второй частью можно поставить пояснительно-присоединительные союзы «а именно», «то есть» [1. С. 8] (рис. 4);

*Погода была ужасная:
 ветер штормовой ревел с ночи,
 дождь лил как из ведра.*
 هوای وحشتناکی بود: اینطور بود که باد مانند طوفان از شب می غرید، باران گویا از سطل فرود می آمد.
 (хавайэ вэхшитнаки буд:
 интор буд кэ бад манандэ туфан аз шаб мигорид,
 баран гуя аз сатл форуд миамад.)

Рис. 4

- 2) когда второе предложение выражает причину, тогда двоеточие равно союзам «так как», «потому что» (рис. 5,6).

Синтаксический синоним для таких бессоюзных предложений — это сложноподчи-

нённое предложение с союзами «так как» или «потому что» с причинным значением.

*Преподаватель не мог громко говорить в аудитории:
 у него болело горло.*
 استاد در کلاس نمی توانست با صدای بلند صحبت کند: گلویش درد داشت.
 (остад дэр клас нэмитаванэст ба сэдайэ боланд сохбат конад:
 гәлуййиш дәрд дашт.)

Рис. 5

*Преподаватель не мог громко говорить в аудитории,
 так как у него болело горло.*
 استاد در کلاس نمی توانست با صدای بلند صحبت کند، چونکه گلویش درد داشت.
 (остад дэр клас нэмитаванэст ба сэдайэ боланд сохбат конад,
 чонкэ гәлуййиш дәрд дашт.)

Рис. 6

Л.А. Аксёнова в своей книге приводит такой пример (рис. 7) [1. С. 7]:

*Незнание никогда не следует хвастаться:
 незнание есть бессилие.*
 هیچگاه نباید از جهل تعریف و تمجید کرد،
 چرا که جهل و نادانی ناتوانی است.

Рис. 7

Перевод союзов «так как» и «потому что» — сочетание که چراكه (чонкэ и чэракэ);

- 3) двоеточие равно «что», если второе предложение похоже на изъяснительное придаточное (рис. 8).

*Я знаю: у вас есть
 необходимая для меня информация.*
 من میدانم: شما اطلاعات مورد نیاز مرا در اختیار دارید.
 (ман миданам: шома эттэлаатэ
 морэдэ нийазэ мэра дэр эхтияр дарид.)

Рис. 8

Синтаксический синоним таких бессоюзных предложений — это сложноподчинённое предложение с союзами «что» и «как» (рис. 9).

*Я знаю, что у вас есть
 необходимая для меня информация.*
 من میدانم که شما اطلاعات مورد نیاز مرا در اختیار دارید.
 (ман миданам кэ шома эттэлаатэ
 морэдэ нийазэ мэра дэр эхтияр дарид.)

Рис. 9

По мнению Л. А. Аксёновой, в таких предложениях в первой части при можно вставить глаголы речи, мысли, чувства как: *услышать, увидеть, почувствовать и подобные* [1. С. 7–8].

Перевод союзов «что» и «как» — союзы که (кэ) и که چطور (кэ чэтор).

3. При прямой речи, если слова автора стоят перед прямой речью (рис. 10):

Александр прошептал: «Тихо. Дети спят».
 الکساندر در گوشتش گفت: "آرام. بچه ها خوابند."
 (Александр дэр гуишш гофт:
 «арам. Бәччэха хабанд».)

Рис. 10

4. При цитатах, если цитата следует за авторским текстом (рис. 11) [9. С. 11–39]:

Сатин заявляет в одной из сцен пьесы:

«Человек — это звучит гордо!».

Сатин др یکی از صحنه های نمایشنامه بیان می کند:

"انسان موجودی غرور آمیز است!"
(Сатин дәр йэки аз сәхнэхайэ
нәмайэшнамаэ байан миконәд:

«энсан моджуди горур амиз әст!».)

А. Чехов тисал:

«Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова».

چخوف نوشته است: " زبانى بهتر از زبان لرمانتف نمى شناسم."

(Чехов нэвэзитэ әст:

«зәбани бэхтәр аз зәбанэ Лермантов нәмишэснасам».)

Рис. 11

Рассмотрим употребление двоеточия в персидском языке. В персидском языке 20 знаков препинания. Двоеточие используется в следующих случаях.

1. Перед прямой речью, например (рис. 12) [14. С. 129]:

پیغمبر اکرم (ص) می فرماید:

طلب علم بر هر مسلمانی فریضه است.

Пейгәмбәрэ әкрәм мифәрмайәд:

mäläbэ элм бәр хәр мосәлмани фәризе әст.

حکیمی را گفتند: عالم بی عمل به چه ماند؟

گفت: به زنبور بی عمل.

Хәкими ра гофтәнд: аләмэ би әмәл бэ чэ манәд?

Гофт: бэ зәнбурэ би әсәл.

Рис. 12

Самии в своей книге отмечает, что перед прямой речью ставится двоеточие, если перед ней не стоит союз که (кэ) (рис. 13) [13. С. 261].

گفت: از بهر خدا می خوانم.

(гофт: аз бәхрә хода миханәм).

گفت که از بهر خدا میخوانم.

(гофт кэ аз бәхрә хода миханәм).

Рис. 13

Голамхосейнзадэ об употреблении двоеточия при прямой речи пишет: «Конечно, основным признаком прямой речи являются кавычки. Иногда, кроме кавычек, перед прямой речью ставят ещё и двоеточие. Следует отметить, что в диалогах, особенно если обмен репликами объёмен, а сами реплики кратки, ставится только двоеточие» [12. С. 51].

а) пример употребления двоеточия без кавычек (рис. 14);

б) пример употребления двоеточия вместе с кавычками (рис. 15).

آخر يك شب به تنگ آمدم، گفتم:

ننه! گفت: هان! گفتم:

دیگران هم زن و شوهرند، چرا هیچ کدام مثل تو و بابام تنب و روز به جان هم نمی

افتند؟ گفت: ستاره مان از اول مطالبی نیامد. گفتم: چرا؟ گفت: ...

Ахәр йэк шәб бэ тәнг амәдәм, гофтәм: нәнэ!

Гофт: хан! Гофтәм: дигәран хәм зән вә шохәрәнд,

чэра хич кодам мәслэ то вә бабам

шәб вә руз бэ джанэ хәм нәмиофтәнд?

Гофт: сәтарәман аз әввәл джур нәйамәд.

Гофтәм: чэра? Гофт: ...

Рис. 14

امام خطاب به دانشجویان فرمودند:

"خودتان در صدد این باشید که از غریزدگی بیرون بیایید."

Эмам хәтаб бэ данэшиджуйан фәрмудәнд:

«ходэтан дәр сәдәдэ ин бәшид

кэ аз гәрбзәдэги бирун биәид».

Рис. 15

Как видим, в персидском языке после слов автора ставится двоеточие вместе с кавычками, также возможно употребление его отдельно без кавычек. Второе можно увидеть, когда обмениваемые слова многочисленны и кратки, но в русском языке, когда слова автора стоят перед прямой речью, ставятся и двоеточие, и кавычки.

2. Перед подробным описанием кратко упомянутого предложения, например (рис. 16):

در آن سال تحولی بزرگ در مملکت روی داد:

سلطنت سقوط کرد و انقلاب پیروز شد.

Дәр ан сал тәхәвволи бозорэ дәр мәмлэкәт руи дад:

сәлтәнәт согут кәрд вә энгәлаб пируз шод.

Рис. 16

Отметим, что данное употребление двоеточия существует и в русском языке, но русские лингвисты разделили такие предложения на три группы, а в персидском указывается только на предложения с пояснительными отношениями.

3. При перечислении или выражении компонентов общего вопроса, таких как (рис. 17):

نظر خوانندگان محترم را به چند نکته جلب می کنم:

دقت و یسّکار، حوصله و صرف وقت و ...

Нәзәр хәвәндәганә мохтәрәм

ра бэ чәнд ноктэ джәлб миконәм:

дзәгәт вә пошткар, хосәлэ вә сәрфэ вәгт вә ...

کتاب هایی که در این موسسه چاپ می شوند عبارتند از:

کتاب های علمی، اخلاقی، متون ادبی و فرهنگی و ...

Кәтабхәи кэ дәр ин моәссәсэ

чәп мишәвәнд эбарәтәнд аз:

кәтабхәйэ элми, әхлаги,

мутунэ әдәби вә фәрхәнги вә ...

Рис. 17

Надо указать на то, что данное употребление двоеточия существует и в русском языке, но там при выражении компонентов общего вопроса, кроме двоеточия, можно поставить и тире, которое делает перечисление более эмоциональным.

4. При пояснении значений слов, например (рис. 18) [14. С. 129]:

خيرە: بيهوده، گستاخ، بی ترم
 Хирэ: бихудэ, гостах, бишарм
 شرایط: پیمانها، قرار دادها
 Шарайэт: пэйманха, гярардадха

Рис. 18

Данного употребления двоеточия не существует в русском языке, в русском в этом случае употребляется «тире».

5. Иногда для разделения компонентов при указании на время (рис. 19) [13. С. 261]:

بعد از ظهر 1:30
 (йэк сайт вā си дāгигэйз бād āз зохр)

Рис. 19

Голамхоссейнзадэ добавляет, что слева ставится час, а справа — минуты [12. С. 51].

Можно сказать, что и в русском языке для разделения компонентов при указании на время ставится двоеточие, однако в русских учебниках данное употребление двоеточия не указывается.

6. Иногда для отделения названия суры и её номера от номера аята (рис. 20) [13. С. 261]:

بقره 8:2 (بقره، سوره دوم قرآن مجید، آیه ی هشتم)
 (Бāгāрэ, сурэйз дововмэ горанэ мādжид,
 айэйз хāштом) .

Рис. 20

В русском языке в Библии для отделения главы и стиха тоже ставится двоеточие (например, Матф., 5:3, что обозначает: Евангелие от Матфея, глава пятая, стих третий), но данное употребление двоеточия также не отмечается в русских учебниках.

7. Иногда двоеточие является знаком пояснения и употребляется после поясняющих слов и словосочетаний как:

لاثم یارب، لاثم (мэслэ), زا دن تراب (эбарātāнд āз), لاثم یارب، لاثم یارب (манāндэ), لاثم یارب، لاثم یارب (айз гāбилэ), لاثم یارب، لاثم یارب (нāзирэ), لاثم یارب، لاثم یارب (йāни), لاثم یارب، لاثم یارب (зирэ), لاثم یارب، لاثم یارب (бэ ин шāрх), لاثم یارب، لاثم یارب (āз ин гāрар)

Но если эти словосочетания заканчиваются кясрой, то двоеточие после них не ставится [12. С. 50], например (рис. 21):

آثار عبید زاکانی عبارتند از:
 رساله ی دلگشا، صد پند، موش و گریه. (بدون کسره)
 Асарэ обэйдэ закани эбарātāнд āз:
 рэсалэйз дэлгоша, сād пāнд, муш вā горбэ (без кясры).

عبید در رساله ی تعریفات بسیاری
 از طیفات مردم را به لحن طعنه آمیز
 معرفی کرده است؛ از قبیل "الصوفی: مفت خواره"،
 "الطیب: جالد". (همراه با کسره)
 Обэйд дār рэсалэйз тārифат бэсийари
 āз тāбāгатэ мārдом
 ра бэ лāхнэ тāнэамиз моārрэфи кārдэ āст;
 āз гāбилэ «āссуфи: мофт харэ»,
 «āттāбиб: джāллад». (вместе с кясрой)

Рис. 21

Можно сказать, что данное употребление двоеточия существует и в русском языке, но не для всех вышеуказанных слов, а только после слов «например» и «следующее (-ие и т. п.)» в значении перечисления.

8. После слов: شماره (шомарэ), موضوع (мозу), تاريخ (тарих), پيوست (пэйвāст)¹.

Надо указать на то, что и в русском языке данное употребление двоеточия существует, чаще всего при написании писем. Так, в русских письмах пишется «Тема:», «Дата:», «Приложение:» и «No:».

9. При ссылке на источник перед номером страницы и после номера тома (рис. 22) [11. С. 286; 12. С. 51]

تاریخ بیداری ایرانیان
 (221 :1) (تاریخ بیداری ایرانیان)
 (первый том, страница 221)

Рис. 22

Данное употребление двоеточия встречается и в русском языке.

10. Во внутритекстовой ссылке вместо аббревиатуры «С.» (страница) и в ссылке на источник после места издания (рис. 23) [11. С. 287]:

عبدالحسين زرین کوب، دو قرن سکوت (تهران):
 انتشارات جاویدان، 1355:239
 Абдолхоссейн Зārринкуб, до гāрн сокут (техран:
 энтэшаратэ джāвидан, 1355) : 239

Рис. 23

Данное употребление двоеточия существует и в русском языке, причем двоеточие ставится в выходных данных публикации после названия места издания, если последнее пишется полностью и если пишется только первая буква места издания, после которой ставится точка. Например:

¹ URL: <https://hammura.com/news.cfm?id=111>

Мусатов В. Н., *Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование : учеб. пособие / В. Н. Мусатов. — М. : Флинта : Наука, 2010. — 360 с.*

Или *Москва : МГСУ*

11. Двоеточие ставится между главным и второстепенным названием книги (рис. 24) [12. С. 52]:

نجفی، ابوالحسن، غلط ننویسیم:
 فرهنگ دشواری های زبان فارسی، ...
*Наджайфи Аболхасан, гайлат нанэвисим:
 фәрхәнғэ дошварихайэ зăбанэ фарси, ...*

Рис. 24

Такое употребление двоеточия существует и в русском языке, хотя в учебниках русского языка этого не указывается. Например:

Крючкова Л. С. Русский язык как иностранный: Синтаксис простого и сложного предложения.

Заключение

Знаки препинания обозначают в предложении и в тексте смысловые границы, значение которых особо подчёркивается пишущим, что помогает читающему однозначно понимать предложения и тексты. Условия выбора знаков препинания зависят от грамматических, смысловых и интонационных особенностей предложений и их частей. После проведённого анализа, можно сделать следующие выводы:

1. В целом, количество знаков препинания в русском языке меньше чем в персидском языке: 10 против 20.
2. Двоеточие употребляется в персидском языке чаще, чем в русском языке.
3. Сферы употребления данного пунктуационного знака в русском и персидском языках частично совпадают.
4. В обоих языках в случае отсутствия союза перед прямой речью ставится двоеточие. Разница заключается в том, что в русском языке прямая речь должна заключаться в кавычки, а в персидском она может использоваться как в кавычках, так и без кавычек.

5. В обоих языках после обобщающего слова перед однородными членами предложения ставится двоеточие.
6. В обоих языках употребляются двоеточие и союз «а именно», когда второе простое предложение раскрывает содержание первого.
7. В обоих языках двоеточие ставится для разделения компонентов при указании на время.
8. В обоих языках двоеточие ставится в священных книгах Библия и Коран для отделения главы от стиха, суры от аята.
9. В обоих языках после поясняющих слов и словосочетаний «например», «следующее» в значении перечисления употребляется двоеточие.
10. В обоих языках при написании писем после слов «тема», «дата», «приложение» и «Но» ставится двоеточие.
11. В обоих языках в ссылке на источник перед номером страницы и после номера тома ставится двоеточие.
12. В обоих языках во внутритекстовой ссылке вместо аббревиатуры «С.» (страница) и после места издания в выходных данных публикации в списке источников ставится двоеточие.
13. В обоих языках между главным и второстепенным названием книги ставится двоеточие.
14. В одном случае (пункт 4), при пояснении значений слов, двоеточие употребляется только в персидском языке, а в русском языке для этого случая употребляется знак «тире».

Большинство русских лингвистов указывают на четыре случая употребления двоеточия, но мы в статье указали и на пять других случаев употребления данного знака. Это свидетельствует о более разностороннем рассмотрении данной грамматической темы авторами статьи и указывает на недостаточное рассмотрение и выражение этой темы в учебниках русского языка.

Список источников

1. Аксёнова Л. А. Знаки препинания в бессоюзном сложном предложении. М. : Чистые пруды, 2006. 32 с.
2. Баранов М. Т. Русский язык: Справ. для учащихся. М. : Просвещение, 1984. 287 с.
3. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М. : Учпедгиз, 1959. 628 с.
4. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне: филол. разыскание Я. Грота. 2-е изд. СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук, 1876. 460 с.

5. Петриченко М. А. Вчера, сегодня, завтра знаков препинания. Кривой Рог, 2006. 78 с.
6. Пешковский А. М. Школьная и научная грамматика. Опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике. М. : Лит. изд. Наркомпрос, 1918. 140 с.
7. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б. Русский язык. Орфография. Пунктуация. 3-е изд., испр. М. : Айрис-пресс, 2002. 384 с.
8. Современный русский литературный язык : учебник / под ред. акад. РАО В. Г. Костомарова и проф. В. И. Максимова. М. : Гардарики, 2003. 780 с.
9. Соловьёва Н. Н. Трудные случаи синтаксиса и пунктуации. Говорим и пишем грамотно. Особая постановка знаков препинания. М. : Оникс : Мир и Образование, 2011. 80 с.
10. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич ; Акад. наук СССР. М. : Наука, 1974. 427 с.
11. Ашрафзаде Р. Генеральный персидский. Тегеран, Асатир, 2016. 296 с.
12. Голамхоссейнзаде Г. Х. Руководство по редактированию. Тегеран : Самт, 2018. 184 с.
13. Самии А. Написание и редактирование. Тегеран : Самт, 2012. 330 с.
14. Яхаги М. Дж., Насех М. М. Руководство по написанию и редактированию. Мешхед : Бэх нашр, 2012. 224 с.

References

1. Aksenova LA. Znaki prepiniya v bessoyuznom slozhnom predlozheni = Punctuation marks in asyndetic complex sentences. Moscow : Chistye prudy; 2006. 32 p. (In Russ.).
2. Baranov MT. Russki yazyk = Russian language. Moscow: Prosveshenie; 1984. 287 p. (In Russ.).
3. Buslaev FI. Istoricheskaya grammatika russkovo yazyka = Historical grammar of the Russian language. Moscow : Uchpedgiz; 1959. 628 p. (In Russ.).
4. Grot YaK. Spornye voprosy russkovo pravopisaniya ot Petra Velikovo do nune = Controversial questions of Russian spelling from Peter the Great to the present. St. Petersburg, Academy of Sciences; 1876. 460 p. (In Russ.).
5. Petrichenko MA. Vchera, sevodnya, zavtra znakov prepiniya = Yesterday, today, tomorrow of punctuation marks. Krivoy Rog; 2006. 78 p. (In Russ.).
6. Peshkovski AM. Shkolnaya i nauchnaya grammatika. Opyt primeneniya nauchno-grammaticheskikh printsipov k shkol'noy praktike = School and scientific grammar. Experience in applying scientific and grammatical principles to school practice. Moscow: Narkompros; 1918. 140 p. (In Russ.).
7. Rozental DE, Golub IB. Russki yazyk. Orfografiya. Puntuaciya = Russian language. Spelling. Punctuation. Moscow: Airis-press; 2002. 384 p. (In Russ.).
8. Kostomarov VG., Maksimov VI (eds.) Sovremenny russki literaturny yazyk = Modern Russian literary language. Moscow: Gardariki; 2003.780 p. (In Russ.).
9. Solovyova NN. Trudnye sluchai sintaksisa i puntuaci = Difficult cases of syntax and punctuation. Moscow: Onyx; 2011. 80 p. (In Russ.).
10. Sherba LV. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost = Language system and speech activity. Ed. by LR. Zinder, MI. Matusевич; Academy of Sciences. Moscow: Nauka; 1974. 427 p. (In Russ.).
11. Ashrafzade R. Farsie omymi = General Persian. Tehran: Asatir; 2007. 296 p. (In Pers.).
12. Gholamhosseinzadeh Gh. Rahnamaye virayesh = Editing manual. Tehran: Samt; 2019. 184 p. (In Pers.).
13. Samiee A. Negaresh va virayesh = Writing and Editing. Tehran: Samt; 2013. 330 p. (In Pers.).
14. Yahaghi MJ, Naseh MM. Rahnamaye negaresh va virayesh = Writing and Editing manual. Mashhad: Beh nashr; 2012. 224 p. (In Pers.).

Информация об авторах

С. Мехтиханлы — кандидат филологических наук, ассистент профессора, кафедра русского языка и литературы.

Б. Чераги — кандидат филологических наук, ассистент профессора, кафедра русского языка.

Information about the authors

Sevinj Mehdikhanli — Cand. of Sci. (Philology), assistant professor, Department of Russian Language and Literature.

Bahareh Cheraghi — Cand. of Sci. (Philology), assistant professor, Department of Russian Language.

Статья поступила в редакцию 14.05.2023; одобрена после рецензирования 24.08.2023; принята к публикации 22.12.2023.

The article was submitted 14.05.2023; approved after reviewing 24.08.2023; accepted for publication 22.12.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ DISCOURSE ANALYSIS

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 81–91.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(1(483):81-91. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-81-91

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА МОТИВАЦИОННОГО ДИСКУРСА НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ АМЕРИКАНСКИХ КОУЧЕЙ

Мария Александровна Гаевская¹, Елена Владимировна Мошняга²,
Дарья Владимировна Чихачева³✉

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, mari.gaevskaya@bk.ru, ORCID: 0009-0004-0956-7377

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, emoshnyaga@hse.ru, ORCID: 0000-0003-1500-0647

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, dariella13@gmail.com, ORCID: 0009-0007-4923-152X

Аннотация. Исследование посвящено изучению особенностей репрезентации ценностей в мотивационном дискурсе американских коучей, а также выбора ими речевых стратегий и тактик для завоевания доверия аудитории и внушения им необходимой информации. В ходе исследования был составлен корпус примеров на основе видеовыступлений общей длительностью 8 часов. В результате исследования было уточнено определение мотивационного дискурса, были выявлены основные ценности американского общества и тактики их использования в целях манипулирования аудиторией.

Ключевые слова: мотивационный дискурс, ценности, коммуникация, манипуляция, суггестивность, персуазивность

Для цитирования: Гаевская М. А., Мошняга Е. В., Чихачева Д. В. Аксиологическая прагматика мотивационного дискурса на материале речей американских коучей // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 81–91. doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-81-91

Original article

MOTIVATION DISCOURSE AXIOLOGICAL PRAGMATICS IN AMERICAN COACHES' SPEECHES

Maria A. Gaevskaya¹, Elena V. Moshnyaga², Daria V. Chikhacheva³✉

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia Saint Petersburg, Russia, mari.gaevskaya@bk.ru, ORCID: 0009-0004-0956-7377

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, emoshnyaga@hse.ru, ORCID: 0000-0003-1500-0647

³ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, dariella13@gmail.com, ORCID: 0009-0007-4923-152X

Abstract. The article studies values representation peculiarities in American coaches' motivation discourse. The research focuses on analyzing their speech tactics choices to gain the audience's trust and indoctrinate them with necessary information. Through compiling and studying the corpus of examples the research results in specifying the notion of motivation discourse, detecting the core values of the American society and the ways to exploit them to manipulate the audience.

Keywords: motivation discourse, values, communication, manipulation, suggestion, persuasion

For citation: Gaevskaya MA, Moshnyaga EV, Chikhacheva DV. Motivation discourse axiological pragmatics in American coaches' speeches. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(1(483):81-91. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-81-91

Введение

В последние десятилетия широкое распространение получил феномен мотивационного дискурса. Мотивационные ораторы выступают перед обширной аудиторией, транслируя определённые идеи и ценности. Изучение способов взаимодействия с аудиторией, а также репрезентации ценностей в речах подобных ораторов представляется достаточно актуальным и перспективным как с точки зрения новизны изучаемого объекта, так и в свете интегративного подхода к исследованию на стыке прагматики, аксиологии, социологии и психологии.

Одним из важных понятий исследования является коммуникация. Традиционно упоминающиеся в исследованиях на соответствующую тему модели коммуникации Романа Якобсона или Шеннона-Уивера позволяют понять механизм коммуникации как передачи сообщения от адресанта к адресату [16. С. 353; 18. С. 2]. Тем не менее, эти модели не учитывают более современных научных тенденций.

В более поздних теориях признавалось равноправие коммуникантов, важность фактора социальной среды, в которой происходит общение, осознанный подход коммуникантов к общению [7; 17]. Более того, для изучения коммуникации стал важен ситуативный аспект, а, следовательно, очень важным понятием для новых исследований стал термин «коммуникативная ситуация».

В данном исследовании важно понимание культурно-специфических характеристик коммуникации. Один из ведущих учёных в области теории коммуникации Эдвард Холл предложил определение культуры как коммуникации и коммуникации как культуры [13. С. 218]. Другими словами, особенности коммуникации можно понять через изучение особенностей культуры. К таким особенностям относятся, например, культурные ценности. Соответственно, культурологический подход к коммуникации позволяет анализировать ценностную картину мира различных национальных культур и определять специфику их аксиологической прагматики.

Культура носит массовый характер. В связи с этим актуальным для исследования представляется определение культуры, предложенное Гертом Хофстеде: «Культура — это коллектив-

ное программирование разума, которое отличает членов одной группы или категории от остальных» [15. С. 21] (*перевод наш*). Идея массового программирования, то есть усвоения общностью людей определённых идей и ценностей, занимает центральное место в действиях участников мотивационного дискурса, о котором будет сказано позднее.

Изучением коммуникации в ситуативном аспекте занимается прагматика. Коммуникативная ситуация включает в себя обоих участников коммуникации, их интенции (намерения), их отношение как друг к другу, так и к референту (объекту или событию), о котором они говорят, а также контекст коммуникативной ситуации. С точки зрения культурологического подхода контекст — это информация, окружающая событие [14. С. 6]. При этом под контекстом можно понимать как то, что было сказано ранее, так и обстоятельства межличностного взаимодействия как совокупность экстралингвистических факторов. Подобное понимание коммуникации роднит её с термином «дискурс», которому свойственны ситуативность и процессуальность.

В процессе межличностного взаимодействия коммуниканты преследуют собственные цели, реализуя свои коммуникативные намерения. Целью коммуниканта является воздействие на своего собеседника, оказание на него коммуникативного эффекта. В связи с этим говорящий использует различные языковые и неязыковые средства, чтобы реализовать собственную интенцию. Таким образом, коммуникативный эффект оказывается на слушающего, если смысл, вложенный говорящим в высказывание, воспринимается слушающим так, как это задумал его собеседник [11. С. 383].

Прагматические особенности общения отличаются в зависимости от того, в рамках какого дискурса осуществляется коммуникация. Так, например, научному дискурсу свойственно эксплицитное изложение как фактуальной, так и концептуальной информации. Такие особенности дискурса обусловлены тем, что цель создателей научного дискурса — передать и распространить научное знание [5. С. 126].

В настоящее время в связи с появлением разнообразных тренингов, коучинговых сессий, марафонов особую популярность приобретает сравнительно новый вид дискурса — мотивационный.

Данный вид дискурса определяется как речевое или текстовое взаимодействие спикера и реципиента, где последний должен трансформировать свое мировоззрение и мышление под влиянием убеждающего [6]. Данное исследование посвящено изучению особенностей именно устного мотивационного дискурса. Также важно отметить, что данный вид дискурса отличается от собственно персуазивного, и имеет не только установку воздействовать на реципиента, но также вдохновение адресата, создание желания для совершения действия. Таким образом, основная цель данного вида дискурса заключается, с одной стороны, в воодушевлении аудитории, а с другой стороны, в создании стимулов, необходимых для достижения определенных целей и преодоления трудностей.

Рассматривая мотивационный дискурс непосредственно как речепорождение с целью вовлечения и стимулирования коммуникантов, можно выделить две основные стадии его конструирования. Прежде всего необходимо отметить важность создания позитивного настроения, который призван расположить слушателей к дальнейшим действиям. Данный вид дискурса традиционно порождается спикером-профессионалом, который должен предстать знатоком своего дела [8. С. 100]. Для создания данного образа могут быть использованы различные нарративы, связанные с личным опытом, например, история из жизни, анекдот, личный пример. Главным компонентом во всех нарративах является эмоциональность, передача собственных ощущений. При этом зачастую данные отсылки могут быть вовсе не связаны с общим контекстом повествования, а выполнять лишь функциональную роль. С точки зрения манипуляции данная стратегия важна для создания атмосферы общности и единения, где опыт оратора (а следовательно, и сам он) становится близок и понятен адресату. Поэтому выступающие перед аудиторией ораторы часто используют разнообразные тактики для реализации выбранной стратегии: апелляцию к авторитету (в т. ч. научному), использование аксиоматических формулировок, эмоционально-оценочных средств, демонстрацию примеров и т. д. [2. С. 72].

Для коуча, взаимодействующего, как правило, с большой аудиторией, очень важно наладить с ней контакт. Для этого он использует дейктические маркеры «я — ты», таким образом персонифицируя своих слушателей и интимизируя коммуникацию, что повышает их доверие. Кроме этого, необходимо использование различных тер-

минов, демонстрирующих широкую базу знаний адресанта, а также отсылок к известным ученым или исследователям. Данная тактика позволяет создать вид «научности», который подчеркивает экспертность оратора [2. С. 72–73]. В результате, создается доверительная атмосфера, адресант завладевает расположением адресата, а значит, в дальнейшем может влиять на его картину мира.

Вторая стадия формирования мотивационного дискурса как стимулирующего речевого акта, неразрывно связанная с предыдущей, отражается в создании мотивации для реципиентов, повышению их продуктивности [12. С. 315–316]. В данном случае основную роль играет убеждение адресата в правильности определённой точки зрения или ценностей оратора. Для этого могут использоваться характерные маркеры мотивационного дискурса. Так, согласно К. Шервани, среди синтаксических средств можно выделить риторические вопросы и восклицательные предложения, направленные на взаимодействие коммуникантов, придание речи дополнительной экспрессивности, которая играет важную роль как в убеждении, так и в побуждении [19]. Кроме того, на грамматическом уровне исследователь отмечает обилие вокатива и обращений. Опять же, данные приёмы имеют своей целью вовлечение коммуникантов в единое поле взаимодействия. В данном случае побуждение и мотивация служат основными факторами мотивационного дискурса. Коллаборация данных факторов позволяет не только подготовить и расположить реципиентов к восприятию дальнейшей информации, но и к её безоговорочному принятию с помощью манипулятивных техник и приёмов. Данный процесс также позволяет спикеру транслировать ценности, которые лежат в основе его восприятия, соответственно, влияя на восприятие своих адресатов. В результате ему удаётся создать квазиценностную картину мира для стимулирования потребностей у реципиентов, которые будут выгодны данному оратору (например, покупку курсов) и, используя манипулятивные техники, убедить аудиторию разделить данные ценности, почувствовать их необходимость.

Как упоминалось ранее, целью коуча является побуждение аудитории к совершению определённых действий. Для оказания желаемого эффекта оратор использует персуазивные и суггестивные стратегии. Под персуазивностью понимается такой тип воздействия, когда слушатель осознаёт, что ему говорят, относится к сказанному

критически, убеждаясь в правоте собеседника. В свою очередь суггестивность — это тип воздействия, когда слушатель бессознательно принимает как истину то, что ему сообщает говорящий. Результатом обеих разновидностей воздействия на адресата является побуждение его к совершению или несозвершению определённых действий [9. С. 25–26]. Примером персуазивного воздействия на аудиторию является перечисление регалий оратора или коуча, риторические вопросы, активизирующие когнитивную деятельность слушателей. К суггестивному воздействию относятся, например, фразы, которые аудитория должна повторять вслед за коучем, внушая себе то, что повторяется.

Предполагается, что при суггестивном воздействии адресат как бы самостоятельно приходит к ответу. Но на самом деле этот процесс контролируется коучем, что делает дифференциацию персуазивного и суггестивного воздействия в мотивационном дискурсе достаточно затруднительной.

Мотивационный дискурс представляет собой устный или письменный процесс взаимодействия, где адресант воздействует на адресата с целью побуждения его к определённым действиям или трансформации его картины мира, определённых взглядов и ценностей.

Одну из ключевых ролей в мотивационном дискурсе играют ценности. Ценность определяется как набор идеалов, которые составляют основу картины мира социального субъекта и которые детерминируют его поведение [4]. Таким образом, ценности составляют основу убеждений человека, из чего проистекает социальная норма — образ поведения, одобряемый в данной социальной группе. Соответственно, любые суждения или действия человека так или иначе исходят из ценностных ориентиров, детерминированных средой [3. С. 22–25].

В мотивационном дискурсе, который прежде всего связан с инспирацией реципиента, ценности играют ключевую роль. В частности, манипуляции с ними позволяют реализовать функцию воздействия на реципиента, убедить его в правильности представляемых идей. Задача спикера представить систему ценностей, которая будет максимально привлекательна для реципиента, которая будет рождать у него желание достигать целей, воплощённых в упомянутых идеалах. Привлекательность системы зависит от потребностей сообщества, и, соответственно, определяется ими. Удовлетворение потребностей как

долгосрочная цель есть основа мотивационного дискурса, где оратор выступает в роли того, кто покажет путь к достижению желаемого.

Так как потребности определяют ценности, необходимо отметить некоторые из основных, характерных для американского общества, с которым будет связана практическая часть данного исследования. Прежде всего, это ценности, связанные с американской мечтой — успех, деньги, карьера [10]. Совокупность этих трех факторов внушает почет и уважение к их обладателю еще со времен первых пилигримов. Первые переселенцы были в своей массе представителями низших классов, которые не могли добиться успеха на родине, поэтому новая страна представляла собой огромное количество возможностей для реализации своего потенциала. Впервые, происхождение не накладывало ограничений, поскольку социальные классы еще не были сформированы в новом обществе, а деньги позволяли добиться свободы действий и установления собственных правил. Карьера представлялась «тернистым путём» достижения всевозможных общественных благ и успеха, где нужно проявлять характер и воспитывать силу воли, поднимаясь к вершине иерархии [10].

В американском мотивационном дискурсе эти ценности также служат основным стимулом для реципиента. Курсы по достижению успеха или продвижению по карьерной лестнице являются наиболее продаваемыми. Деньги в мотивационном дискурсе также предстают безапелляционной ценностью, которая является залогом равноценного взаимодействия коммуникантов. Кроме того, деньги являются «универсальным мерилом», который определяет положение человека в обществе согласно его способностям и ценности как члена общества. Ораторы часто апеллируют к этим материальным ценностям, как основе человеческого счастья, убеждая реципиентов в правильности выбора. Именно удовлетворение данных потребностей должно завлекать реципиентов и мотивировать их на достижение поставленных целей.

Материалы и методы

Для проведения анализа был создан корпус примеров, отобранных методом произвольной выборки из речей пяти наиболее популярных американских мотивационных тренеров: Тони Роббинса, Джо Рогана, Роберта Кийосаки, Брайана Трейси и Стива Харви. Примеры отобраны методом произвольной выборки. Общий объём

проанализированного материала составляет 8 часов. Все примеры были проанализированы методами дискурсивного, прагматического и концептологического анализа для идентификации репрезентуемой ценностной картины мира говорящих и выявления предпочитаемых ими речевых стратегий и тактик для оказания наибольшего влияния на слушателей.

Результаты исследования и их обсуждение

Одним из наиболее ярких примеров может служить отрывок речи известного американского коуча Тони Роббинса: *We all know in this room there's only one way to succeed long-term. Anybody can get lucky, do something for a period of time. But real success and any measure whatsoever comes when you do more for others than anybody else. There's no other way to do it*¹.

Оратор апеллирует к важным для американского общества ценностям. В семантическом центре этого отрывка находится концепт *success*. Чтобы акцентировать на нём внимание аудитории, коуч использует повтор и семантически связанные лексические единицы, например, слово *superior* в качестве синонима успешности или *get lucky* как антоним истинного успеха. Противопоставление успеха и везения подчёркивается через временное измерение. Так, слово *success* используется в связке со словом *long-term*, а *get lucky* используется вместе со словосочетанием *for a period of time*. Далее в речи Роббинса ещё будет высказана идея о том, что время — это ценный ресурс, который не вернуть (*you can get your money back, but not your time*). Поэтому успех сопряжён с долгосрочной перспективой, когда время как ресурс не тратится зря. Анализируя речь Роббинса, можно заметить, что человек считается успешным, только если его действия приносят исключительную пользу, чего не может сделать никто другой (*you do more for others than anybody else*).

Воздействие на аудиторию на семантическом уровне можно назвать преимущественно суггестивным. Слушатели не получают аргументированную информацию, но постоянно повторяющиеся слова так или иначе закрепляют необходимые идеи в их сознании. Тем не менее в отрывке можно наблюдать примеры вербально выраженного персуазивного воздействия. Так, коуч обращается напрямую к аудитории (*we all know*). Примечательно, что эта фраза навязывает пресуппозицию всеобщего известного факта, что не оставляет

¹ Deep Motivation, YouTube, 2022. URL: <https://youtu.be/tBgsREyppuI?si=YVHX1Grg9IsSHTT5>.

аудитории шансов возразить говорящему. В качестве фактуальной информации в тексте изложена идея единственно правильного пути — того пути, о котором рассказывает коуч: *there's only one way, there's no other way*. Подобные высказывания используются оратором, чтобы, во-первых, повысить доверие к себе, а во-вторых, доказать свою исключительную экспертность в освещаемом вопросе.

Идею успеха как ключевой для американского общества можно также наблюдать в речи Брайана Трейси, популярного мотивационного оратора: *the wonderful thing is this, and I learned it from a very great man who has died recently, is that if you persist until you succeed in achieving a goal that is important to you and you complete it like a degree in school or you wrap up a sale or you make a career successful, you plug into your subconscious mind a success pattern*².

В одном предложении оратор использует три однокоренных слова, связанных с данной ценностью — *succeed, successful, success*, что позволяет ему показать важность и необходимость данного фактора, как источника счастья. Для убеждения аудитории в правильности суждения выступающий ссылается на авторитетное лицо, однако приводит расплывчатое объяснение *a very great man who has died recently*, не давая никакой информации о данном лице. Данная стратегия позволяет оратору создать наукообразность и вызвать доверие слушающих. Далее оратор включает в семантическое поле *success* такие лексические единицы как *persist* и *career*, что позволяет ему привязать еще одну важную американскую ценность — *work* и придать идее большую убедительность.

Следующая значимая ценность американцев — благосостояние. Многие коучи апеллируют к данному концепту, чтобы показать аудитории отправную точку роста и цель, которую необходимо достичь. Например: *My life has completely changed because when I was 11 years old, we had no money and no food and we've gotten used to that...*

Здесь цель оратора Тони Роббинса — убедить слушателей в том, что он знает, как достичь успеха и наладить финансовое благополучие. Он использует тактику апелляции к личному опыту. Высказывание начинается с фразы о невероятных переменах в жизни Роббинса. Далее, чтобы персуазивное воздействие, которое взаимодействует

² Business & Self Development Resources, YouTube, 2017. URL: <https://youtu.be/7xUMVleKXCU?si=tYQtYINhpxL1hTk>.

с радио, стало суггестивным, когда преобладает бессознательное, коуч старается вызвать сочувствие. Он рассказывает о нелёгкой и голодной жизни в юном возрасте. Через повтор оратор связывает деньги и еду, таким образом подчёркивая, что деньги являются настолько же важным средством существования, насколько и пища. Создать атмосферу безнадежности оратору помогает фраза *and we've gotten used to that*. Здесь привычка приравнена к смирению и нежеланию что-то изменить. Всё сказанное помогает аудитории проникнуться сочувствием к говорящему и поверить его экспертности, так как перед ними живой пример человека, который смог добиться многого, несмотря на обстоятельства.

Похожую привязку к ценности материальных благ можно увидеть и у Брайана Трейси: *Many years ago I started off poor, I started off broke, I started off pretty stupid. And over the years I began to study the subject of success*¹.

В данном случае оратор делает акцент на связи двух важных ценностей американского общества — финансов и успеха. Используя риторический повтор *started off*, он подчёркивает свое бедное существование в начале пути, усиливая эффект тяжести положения. Личный пример располагает слушателей к выступающему, вызывает сочувствие и выполняет суггестивную функцию, апеллируя к эмоциональному интеллекту аудитории. Также важно отметить, что в данном случае успех ассоциируется с умом, в то время как отсутствие денежного капитала с глупостью. Подобное сопоставление еще раз доказывает, что успех является центральной ценностью американского общества, которая включает различные положительные черты.

Ещё одним примером может служить отрывок из речи Джо Рогана: *By the way, that's a real problem if you don't have the money to pay for the serum. It's super expensive: it was several thousand dollars to treat them for this rattlesnake venom... anti-venom sh**. It's like I was... like... Man, what if I was poor?*².

В данном примере Роган для более тесного сближения с аудиторией использует тактику апелляции к личному опыту. Он рассказывает, как его собак периодически кусают гремучие змеи, с которыми животные пытаются поиграть, в результате чего питомцев приходится лечить в клинике.

¹ Deep Motivation, YouTube, 2022. URL: <https://youtu.be/tBgsREyppul?si=YVHx1Grg9IsSHTT5>.

² Motivation Madness, YouTube, 2018. URL: <https://youtu.be/P9yQnwpVcsQ?si=8YDnPtJwoJ7a1XbO>.

В рассказе оратор репрезентует концепт *money*, акцентируя внимание на том, что лечение собак стоит очень дорого (*It's super expensive*). Он называет примерную большую сумму, которая многим в аудитории может показаться неподъёмной. Оратор связывает отсутствие денег в сознании слушателей с проблемами. Понимание того факта, что без финансового благополучия успех недостижим, наступает у аудитории в тот момент, когда коуч задаёт риторический вопрос о своей гипотетической бедности.

Помимо рассмотренных ценностей, используемых в мотивационном дискурсе, одним из наиболее важных является ценностный концепт *work* (трудолюбие, активная и усердная работа). В данном примере Роббинс рассуждает именно о ней: *You and I both, I think, see what we do as a calling. It's not a... it's not a work per se it was work. I don't need to work every another day of my life... But I'm called, you know*³.

Можно заметить, что он предпочитает разделять концепты «работа» и «призвание». Несмотря на то, что в американском обществе к работе относятся с энтузиазмом [1. С. 64], работа в подчинении у кого-то не считается достижением успеха. Оратор это понимает, также как и осознаёт, что он как работоспособная единица самостоятелен. Ему необходимо стать примером для аудитории, поэтому он и говорит о призвании, косвенно указывая на то, что работа по сравнению с ним является более ценностно примитивным концептом.

Похожей идеи придерживается и другой оратор Стив Харви: *If you do not have clear specific goals for your life, you are doomed forever to work for people who do. And that seems to be the case. And yet only 5 % of people have goals*⁴.

Обыкновенно работа воспринимается положительно, как ряд препятствий, которые закаляют характер, позволяют завоевать уважение и вес в обществе и в конце концов достичь долгожданного успеха. В данном случае выступающий говорит о бесконечности данного процесса, лишая его всякого смысла *you are doomed forever to work*. Более того, ценность *work* также нивелируется посредством *work for*, где подчеркивается несамостоятельность человека, ведь работа на кого-то традиционно считается непрестижным делом. Также оратор делает акцент на

³ Jay Shetty Podcast, YouTube, 2022. URL: <https://youtu.be/BwjnG45zO5U?si=tIDqvYI7j2DWwXgi>.

⁴ Let's Become Successful, YouTube, 2021. URL: <https://youtu.be/bL3MkE2NzoY?si=RhFGH8UGL7ehVCC>.

исключительности людей, которые способны избежать данной участи, причисляя их к неким 5 %, не подтвержденным какими-либо статистическими данными.

В следующем примере Джо Роган рассуждает о том, почему люди чувствуют себя несчастными, связывая депрессию с концептом *work*, но при этом манипулируя им: *One of the things that's causing [depression] that people are in is that we're living our lives, many of us at least, in these very unfulfilling ways where you're going to this office with artificial light, and you're doing something you don't want to do all day long, and then you get home, and you're tired, and on top of that you're eating sh**¹.*

Как уже отмечалось в примерах ранее, говоря о работе в контексте способа зарабатывания денег, мотивационные ораторы склонны создавать негативный образ подобного рода деятельности в сознании аудитории. Сначала оратор формирует определённый горизонт ожидания: он расскажет об одной из проблем, способной вызвать у человека разочарование собственной жизнью. Коуч упоминает, что способов прожить неудовлетворительную жизнь много, используя слово *ways* во множественном числе. Оратор понимает, что большинство его зрителей — это люди среднего класса, у которых, скорее всего, есть подобного рода работа. Поэтому, для воздействия на аудиторию он описывает достаточно негативный сценарий одного дня офисного работника.

Роган использует пространственный дейктический маркер *this*, потому что понимает, что предлагаемое им описание близко его слушателям, словно он говорит именно об их работе. Негативное впечатление закрепляется в сознании аудитории благодаря такой детали, как лексема *artificial*. Она не является эпитетом, так как это название типа освещения. Тем не менее, слово *artificial* имеет в данном контексте негативную коннотацию, создавая ощущение чуждости происходящего, вызывая нежелание возвращаться в подобную среду. Отрицательное впечатление усиливается, так как оратор говорит исключительно о негативном опыте работы в офисе, усиливая ранее сказанное временным маркером *all day long*. Таким образом, у аудитории создаётся впечатление бесконечно долгой рутинной нелюбимой работы. Монотонности изображаемой картины способствует многосоюзие, делающее речь более замедленной, разделяющей её на чёткие отрезки.

¹ Motivation Madness, YouTube, 2018. URL: <https://youtu.be/P9yQnwpVcsQ?si=8YDnPtJwoJ7a1XbO>.

Также важно отметить, что зачастую ораторы апеллируют сразу к нескольким ценностям, чтобы усилить эффект воздействия. Так, в своей речи Стив Харви использует следующие фразы: *When you're not successful it's hard. It's hard not having money. It's hard never knowing how to come up with your mortgage and your.. and your bond and your rent. It's... it's hard not knowing that... How you going to feed your children? How you going to pay your bills? It's hard, ain't it?².*

В данном случае концепт «успех» репрезентуется вместе с концептом «деньги». Между ними проводится корреляция, которая во многом совпадает с усреднённым представлением об успехе, что делает речь оратора близкой слушателям. Цель говорящего — в определённой мере встревожить аудиторию, напоминая о жизненной необходимости заработка денег. Слово *hard* в отрывке повторяется пять раз. Первые два повтора задают нужную программу интерпретации сказанного: *сложно не быть успешным = сложно, когда нет денег*.

Далее коуч использует риторические приёмы для большего воздействия на аудиторию: перечисления, риторические вопросы, повторы. В отрывке прослеживается манипуляция ценностями. Сначала оратор предъявляет концепт «успех», но потом говорит о базовых финансовых потребностях людей, таких как оплата ипотек, счетов, покупка еды, что уже не совсем совпадает с успехом в привычном смысле этого слова. Тем не менее чувство страха, вызванное возникающими неприятными ассоциациями, помогает оратору оказывать на аудиторию суггестивное воздействие, что делает людей более доверчивыми.

Похожую тенденцию можно увидеть и в речи мотиватора Роберта Кийосаки: *The most obsolete idea is go to school, get a job, work hard, save money, get out of debt and invest for the long-term in the stock market. <...> the gap between the 1 % and 99 % is massive. You see it's not just money, you have to step back and look at the bigger picture³.*

В данном примере бизнес-коуч старается убедить аудиторию в том, что для достижения успеха нужно быть частью исключительного меньшинства людей, отличающихся «нестандартным» или «новым» мышлением. Для достижения своей цели он сначала описывает своего рода стандартный жизненный путь среднестатистического

² Let's Become Successful, YouTube, 2021. URL: <https://youtu.be/bL3MkE2NzoY?si=RhFGH8UGL7ehvVcC>.

³ Motiviversity, YouTube, 2019. URL: <https://youtu.be/az6NibAUf7Y?si=C5RSJQaQdTkxRC-J>.

американца, связавшего жизнь с финансовой сферой. Позиция говорящего отчётливо видна: такой подход устарел. Кийосаки пресуппозиционно показывает, что подобный жизненный путь неактуален в наши дни. Затем он закладывает в сознание аудитории идею об исключительности успешных людей, намекая на количественную разницу между людьми с «новым» и «традиционным» складом ума. Так, число людей с нестандартным мышлением составляет один процент. Подобное утверждение по форме является фактом со статистическими данными, но источник данных остался неназванным. Нестандартность мышления успешных людей оратор называет способностью «взглянуть на картину более полно». Тем не менее, конкретного объяснения того, что должно пониматься под «полной картиной» нет. В подобной ситуации неопределённости каждый слушатель поймёт оратора по-своему, что позволит оратору сохранить свою экспертность, потому что с ним будут согласны все.

Следующим примером может послужить сочетание ценностей трудолюбия и успеха в речи Стива Харви: *The road to success is always under construction. <...> You've got to jump off that cliff <...> if you don't ever [do it] you're gonna just go to work. And if you're getting up going to work on a job every day that you hate going to that ain't living man. You just existed at one point in time*¹.

Здесь репрезентуются концепты *work* и *success*, важные для американского общества. Можно отметить, что понятие работы здесь представлено в двух смыслах: как работа над собой и своим будущим и как работа — род деятельности. Анализируя первую часть отрывка, можно сделать вывод о том, что в понимании коуча работа над собой — это что-то сложное и постоянное. Чтобы донести свою мысль и позицию до слушателей, оратор использует понятную концептуальную метафору, представляющую путь к успеху, как постоянно прокладываемое дорожное полотно. Работа над собой требует не только труда, но и мужества. Для репрезентации этого фрагмента своей картины мира Джо Роган сравнивает начало долгого пути самосовершенствования с прыжком со скалы. Подобное сравнение позволяет слушателям однозначно понять те представления о работе над собой, которые подразумевает говорящий. В качестве противоположности самосовершенствованию оратор использует рутинную деятельность — работу. Чтобы доказать

аудитории, что обычная профессиональная деятельность не является достаточной для лучшей жизни, коуч маркирует работу уменьшительно-оценочным словом *just*. Рисуя картину рутинной работы, оратор использует слова, которые помогают ему создать негативный образ: *every day, you hate*. Роган резюмирует свой тезис соответствующим выводом: подобная работа является существованием, а не жизнью. Слушатель, выслушав оратора, активизирует интерпретативную деятельность, приходя к выводу, что есть только два варианта: существование или самосовершенствование на пути к успеху.

Заключение

Таким образом, мотивационный дискурс представляет собой такой тип дискурса, который подчиняется конкретным законам и характеризуется репрезентацией общественных ценностей в целях трансформирования сознания слушателей, побуждения их к действиям. При этом в речах различных мотивационных ораторов заметны определённые закономерности в выборе речевых стратегий и тактик, а также способах репрезентации ценностей.

Во-первых, выступающие совмещают персуазивные и суггестивные техники воздействия на слушателей, сначала апеллируя к критическому мышлению, но затем всё больше воздействуя на бессознательное. Например, в начале выступления часто озвучиваются регалии или достижения коуча; коуч также периодически адресует вопросы аудитории. Однако по мере выступления оратор чаще обращается к эмоциональному интеллекту слушателей, наводя их на нужные ему выводы. Эти выводы совпадают с тем, как сам говорящий репрезентует важные для американского общества ценности, а именно: *success, money, work*. К суггестивным способам воздействия на аудиторию можно отнести повторы доминирующих смысловых единиц, метафоры, объясняющие понимание коучем того или иного концепта, «навязывание» пресуппозиции.

Во-вторых, в том, как коучи репрезентуют ценности, прослеживается элемент манипуляции. Так, говоря о концепте *work*, ораторы разделяют работу над собой и работу, приносящую доход. Представление этих двух смыслов слова *work* в мотивационном дискурсе полярно. Работа над собой, самосовершенствование, является чем-то положительным и необходимым для достижения успеха. Эта работа демонстрируется как сложный, но очень важный процесс в жизни

¹ Let's become Successful, YouTube, 2021. URL: <https://youtu.be/bL3MkeE2NzoY?si=RhFGH8UGL7ehvVCc>.

успешного человека. При этом обычная работа преподносится публике односторонне. В описаниях коучей это — рутинная работа в офисе, не приносящая удовлетворения. Ораторы используют эпитеты с отрицательной коннотацией и прочие стилистические средства, чтобы создать достаточно отталкивающий образ в сознании слушателей.

Ценность «деньги» репрезентуется как залог успеха. Можно сказать, что, рассуждая об успехе, коучи говорят о финансовом благополучии и об удовлетворении своей жизнью. Однако вопрос самореализации в речах ораторов раскрывается сквозь призму богатства. В ходе анализа примеров было замечено, что выступающие репрезентуют концепт «деньги» в двух контекстах: в контексте «бедного» начала своего пути и в контексте страха безденежья, используя отрицательную мотивацию.

Концепт «успех» в речах коучей репрезентуется как главная цель в жизни человека. Успех — это звено, связывающее концепты «деньги» и «работа». Поэтому в выступлениях рассмотренных в исследовании ораторов в том или ином соотношении присутствуют все три ценности. Говоря об успешности как о цели в жизни, ораторы говорят об исключительности успешных людей, мотивируя слушателей захотеть стать частью особен-

ного меньшинства. Манипуляция состоит в том, что, даже если представление об успехе обладает универсальными чертами, такими как чувство удовлетворения, это понятие не сводится только к тому, о чём говорят коучи.

В-третьих, как способ влияния на сознание людей, манипулятивные техники используются ораторами не только в аспекте реперезентации ценностей, но и в речевых оборотах, адресованных аудитории. Так, как уже было указано ранее, коучи используют персуазивные и суггестивные способы воздействия на аудиторию. К прочим речевым манипуляциям относится, например, предоставление неverified данных: непроверенных фактов, собственных определений понятий, статистических данных без указания источника информации. Дополнительно можно отметить использование императивов для мотивации слушателей и их убеждения, когда аудитория уже предрасположена к влиянию оратора и не воспринимает информацию критически.

Дальнейшее исследование аксиологической прагматики и манипулятивных техник мотивационного дискурса представляется достаточно перспективным. В частности, возможно изучение манипулятивных техник, которые коучи используют для влияния на бессознательное своих слушателей.

Список источников

1. Андреева И. В. Русские и американцы: отношение к работе, достижениям, успеху // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-i-amerikantsy-otnoshenie-k-rabote-dostizheniyam-uspehu> (дата обращения: 08.10.2023).
2. Гиляев Ю. В. Прагматика англоязычного мотивационного дискурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5 (166). С. 70–76.
3. Карасик В. И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Гуманитарные технологии в современном мире : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2019. С. 22–25.
4. Макейчик А. А. Аксиология : монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 128 с.
5. Мишанкина Н. А. Прагматика научного дискурса. // Вестник НГПУ. 2015. № 2. С. 126–133.
6. Подоляк Ж. И. К вопросу о выделении мотивационного дискурса // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 5. С. 63–64.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М. : Весь Мир, 2022. 880 с.
8. Хурыз И. П. Особенности конструирования англоязычного мотивационного дискурса: уровень грамматики // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 1. С. 100–112.
9. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. М. : Флинта, 2006. 136 с.
10. Barnhart D. K. *America in so Many Words: Words That Have Shaped America*. Boston: Houghton Mifflin, 1997. 308 p.
11. Grice H. P. *Meaning*. *The Philosophical Review*. 1957. Vol. 66, no. 3. P. 377–388.
12. Grant A. P. *Contact, Convergence, and Conjunctions: a Cross-linguistic Study of Borrowing Correlations Among Certain Kinds of Discourse, Phasal Adverbial, and Dependent Clause Markers*. *Dynamics of Contact-induced Language Change*. Berlin, 2012. P. 311–58.

13. Hall E. T. *The Silent Language*. New York : Doubleday & Company, INC, 1959. 240 p.
14. Hall E. T. *Understanding Cultural Differences*. Yarmouth, Me. : Intercultural Press, 1990. 205 p.
15. Hofstede G. *Cultures and Organisations. Software of the Mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival*. New York : Mc Graw Hill, 2010. 561 p.
16. Jacobson R. *Linguistics and Poetics, Style in Language*. Massachusetts: the MIT Press, 1964. 451 p.
17. Newcomb T. M. An approach to the study of communicative acts. *Psychological Review*. 1953. No 60. P. 393–404.
18. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication. *The Bell System Technical Journal*. 1948. Vol. 27. P. 379–423.
19. Sherwani K. A. A cognitive positive discourse analysis of English motivational speeches. *International Journal of Advanced Science and Technology*. 2020. Vol. 29, no 9. Pp. 4078–4091.

References

1. Andreeva IV. The Russians and the Americans: attitude towards work, achievement, success. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nykh Vostokakh = Humanitarian research in the Eastern Siberia and the Far East*. 2009;(3). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-i-amerikantsy-otnosheniya-k-rabote-dostizheniyam-uspehu> (access date: 08.10.2023). (In Russ.).
2. Gilyasev UV. Pragmatics of English motivating discourse. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Petrozavodsk state university*. 2017;(5):70-76. (In Russ.).
3. Karasik BI. Values as culturally relevant focus of behavior. In: *Gumanitarnyye tekhnologii v sovremennom mire = Humanitarian technologies in modern world*. Kaliningrad; 2019. Pp. 22-25. (In Russ.).
4. Makeychik AA. *Aksiologiya = Axiology*. Monograph. St. Petersburg: Publishing House of Herzen State Pedagogical University; 2004. 128 p. (In Russ.).
5. Mishankina NA. Pragmatics of scientific discourse. *Vestnik NGPU = Bulletin of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University*. 2015;(2):126-133. (In Russ.).
6. Podolyak ZhI. On the identification of motivational discourse. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya = Humanities scientific researches*. 2016;(5):63-64. (In Russ.).
7. Habermas J. *Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti = Theory of communication activity*. Moscow: Ves' Mir; 2022. 880 p. (In Russ.).
8. Khutyk IP. Specifics of the English-language motivational discourse construction: the level of grammar. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye = Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education*. 2022;(1):100-112. (In Russ.).
9. Chernyavskaya VE. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya = Discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence*. Moscow: Flinta, 2006. 136 p. (In Russ.).
10. Barnhart DK. *America in so Many Words: Words That Have Shaped America*. Boston: Houghton Mifflin; 1997. 308 p.
11. Grice HP. Meaning. *The Philosophical Review*. 1957;66(3):377-388.
12. Grant AP. Contact, Convergence, and Conjunctions: a Cross-linguistic Study of Borrowing Correlations Among Certain Kinds of Discourse, Phasal Adverbial, and Dependent Clause Markers. In: *Dynamics of Contact-induced Language Change*. Berlin; 2012. Pp. 311-358.
13. Hall ET. *The Silent Language*. New York: Doubleday & Company, INC; 1959. 240 p.
14. Hall ET. *Understanding Cultural Differences*. Yarmouth, Me.: Intercultural Press; 1990. 205 p.
15. Hofstede G. *Cultures and Organisations. Software of the Mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival*. New York; 2010. 561 p.
16. Jacobson R. *Linguistics and Poetics. Style in Language*. Massachusetts; 1964. 451 p.
17. Newcomb TM. An approach to the study of communicative acts. *Psychological Review*. 1953;(60):393-404.
18. Shannon CE. A Mathematical Theory of Communication. *The Bell System Technical Journal*. 1948;27:379-423.
19. Sherwani KA. A cognitive positive discourse analysis of English motivational speeches. *International Journal of Advanced Science and Technology*. 2020;29(9):4078-4091.

Информация об авторах

М. А. Гаевская — преподаватель английского языка.

Е. В. Мошняга — доктор философских наук, профессор школы иностранных языков.

Д. В. Чихачева — приглашенный преподаватель английского языка.

Information about the authors

Maria A. Gaevskaya — lecturer of English.

Elena V. Moshnyaga — Dr. of Sci. (Philosophy), Professor of the School of Foreign Languages.

Daria V. Chikhacheva — visiting lecturer of English.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 22.12.2023.

The article was submitted 11.09.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 22.12.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81`42

doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-92-98

ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ ЛИЗ ТРАСС В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Ева Евгеньевна Шеховцова

Ярославский государственный технический университет, Ярославль, Россия, shekhovtsova_eva@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2241-6002

Аннотация. В данной статье на примере жизни и деятельности бывшего премьер-министра Великобритании Лиз Трасс рассматривается проблема восприятия и оценки личности женщины-политика представителями СМИ. Целью исследования является изучение социолингвистических маркеров, использовавшихся в англоязычных СМИ в 2022 г., которые дают характеристику Лиз Трасс. Задачами исследования стал поиск информации о её биографии и карьерном росте, а также анализ статей, опубликованных на сайтах англоязычных СМИ, для отбора социолингвистических маркеров, оценивающих личность и работу экс-премьер-министра. В результате проведённого исследования была подтверждена гипотеза о положительном отношении СМИ к приходу к власти Лиз Трасс, быстро сменившемся отрицательным отношением вследствие её неудачной попытки осуществить социально-экономические преобразования в Великобритании. Итогом работы стал корпус социолингвистических маркеров, характеризующих личность и деятельность Трасс, которые позволяют утверждать, что негативное отношение к премьер-министру зависело не от гендера, а от того, что не оправдались ожидания, которые на него возлагало общество.

Ключевые слова: власть, гендер, дискурс СМИ, газетный дискурс, политический дискурс, британский лидер, премьер-министр, социолингвистические маркеры, Лиз Трасс

Для цитирования: Шеховцова Е. Е. Взлёт и падение Лиз Трасс в освещении англоязычных СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 92–98. doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-92-98

Original article

THE RISE AND FALL OF LIZ TRUSS IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA COVERAGE

Eva E. Shekhovtsova

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia, shekhovtsova_eva@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2241-6002

Abstract. Using the example of the life and work of former British Prime Minister Liz Truss, this article examines the problem of perception and evaluation of the personality of a female politician by media representatives. The aim of the study is to examine the sociolinguistic markers used in the English-language media in 2022, which characterise Liz Truss. The objectives of the research are to search for information about her biography and career growth, as well as to analyse articles published on the websites of leading English-language media in order to select sociolinguistic markers that assess the personality and the work of the ex-prime minister. As a result of the study, the hypothesis was confirmed that the media had a positive attitude towards Liz Truss's coming to power, which was quickly replaced by a negative attitude due to her failure to bring about social and economic transformation in the UK. The result of the work was a corpus of sociolinguistic markers that characterise the personality and activities of Truss, which allow us to argue that the negative attitude towards the prime minister was not based on gender, but on a failure to fulfil the expectations that society had of her.

Keywords: power, gender, media discourse, newspaper discourse, political discourse, British leader, prime minister, sociolinguistic markers, Liz Truss

For citation: Shekhovtsova EE. The Rise and Fall of Liz Truss in English-Language Media Coverage. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(1(483):92-98. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-92-98

Введение

Нахождение женщин во власти в Великобритании в настоящее время считается нормой, тем не менее, во многих СМИ всё ещё преобладают скептические настроения, когда речь идёт о женщинах, занимающих лидирующие позиции в обществе. Такое отношение к представительницам прекрасного пола связано с доминированием консервативных представлений о том, что женщинам не место у власти, и их главное предназначение заключается в выполнении роли жены и матери и своей реализации в семье.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в наши дни в зарубежных англоязычных СМИ наблюдается отрицательное отношение к женщинам, стоящим у руля государства, следовательно, необходимо разобраться в причинах такой оценки.

Цель исследования — рассмотреть, какие социолингвистические маркеры использовались представителями англоязычных СМИ для характеристики британского политика Мэри Элизабет Трасс (Mary Elizabeth Truss)¹ на протяжении её пребывания на посту премьер-министра Великобритании.

Социолингвистический маркер — это вариант социолингвистической переменной, указывающий на ситуацию, в которой происходит речь, сигнализирующий «о стиле, жанре, степени внимания говорящего к собственной речи, официальности/неофициальности обстановки»², свидетельствующий о социальном происхождении или идентичности носителя языка [15]. «Разновидностью социально маркированных лексических значений являются метафорические переосмысления общепотребительных слов, происходящие в среде говорящих» [7. С. 209], которая ограничена по профессиональному признаку, в настоящем исследовании — в среде представителей СМИ. Выявленные слова-маркеры дают возможность узнать, как англоязычные СМИ относились к Лиз Трасс, и изучить феномен манипуляции, под которым лингвисты понимают средства языка, воздействующие на адресата таким образом, что он «воспринимает оказываемое на него воздействие как составляющую объективной информации» [5. С. 195].

¹ Wallenfeldt J. Liz Truss // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Liz-Truss> (дата обращения: 10.06.2023).

² Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. С. 212. URL: https://iling-ran.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

Задачи исследования: 1) найти сведения биографического плана о Лиз Трасс и обстоятельствах её назначения на должность премьер-министра Великобритании; 2) проанализировать материалы некоторых англоязычных изданий 2022 г. и выбрать социолингвистические маркеры, которые использовались для оценки Лиз Трасс и её деятельности на посту премьер-министра.

Материалы и методы исследования

Проблема исследования состоит в том, что искомые социолингвистические маркеры в англоязычных изданиях использовались периодически, что затрудняет работу по их выявлению в массивах текстов. Объектом исследования выступает дискурс англоязычных СМИ и политический дискурс. Источниками послужили публикации 2022 г., размещённые на сайте CNN, «The Guardian», «The Washington Post», «The Indian Express», «The Yorkshire Post», «The Spectator», а также документы официального сайта Правительства Великобритании. Объём проанализированного материала — 10 информационных и аналитических статей, адресованных широкой общественности. Предмет исследования — социолингвистические маркеры, которые имеют отношение к личности и деятельности Лиз Трасс.

Гипотезой исследования является предположение о том, что первоначально представители СМИ и общественность возлагали большие надежды на Лиз Трасс, так как всё ещё помнили о деятельности Маргарет Тэтчер (1925–2013) и считали Трасс её последовательницей, однако эти иллюзии быстро рассеялись, и в общественном сознании преобладали только негативные эмоции.

При работе с источниками в качестве метода сбора языкового материала использовался метод сплошной выборки: тексты подвергались анализу, из них выбирались «все языковые явления, выступающие объектом изучения» [2. С. 10], применялся дискурс-анализ — «совокупность аналитических методов интерпретации различного рода текстов»³. В ходе дискурсивного анализа психологические, политические, национально-культурные и другие факторы проецировались на «элементы содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации текста» [6. С. 6].

Вопросом об оценке личности Лиз Трасс и её деятельности на посту премьер-министра,

³ Дискурс-анализ // Центр гуманитарных технологий : [сайт]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7232> (дата обращения: 10.06.2023).

анализом её речей и отношения к ней СМИ ранее занимались некоторые исследователи. Так, Р. В. Саттарова изучала особенности политического дискурса Трасс и её восприятие целевой аудиторией на материале речи премьер-министра, в которой объявлялось об отставке, и комментарии читателей [13]. Е. В. Полховская и Д. О. Купченко проанализировали публичные выступления Трасс, выявили виды речевого воздействия на общество [12. С. 75]. А. В. Медведева и А. Р. Баранова исследовали лексические средства в политическом дискурсе Трасс [8]. И. Р. Ахмадеев на примере выступления Трасс изучал её самопрезентацию в гендерном аспекте [1]. В статье Д. В. Парамоновой была предпринята попытка проанализировать статьи британских и испанских СМИ и дать характеристику Трасс [11. С. 1]. Зарубежные исследователи М. Струковская и М. Бучовски провели сравнительный анализ дискурса премьер-министров Лиз Трасс и Риши Сунака [16].

Понятие «социолингвистические маркеры» ранее использовалось в исследованиях, посвящённых изучению власти, гендера и дискурса СМИ. Оно применялось в статье С. В. Кириленко, в которой рассмотрена концепция власти и солидарности в коммуникации [4]. В работе Г. С. Мельник и Б. Я. Мисонжникова изучались «маркеры для выявления признаков экстремизма в текстах массмедиа» [9. С. 107].

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе были впервые изучены социолингвистические маркеры, появившиеся в англоязычных СМИ в 2022 г., характеризующие бывшего премьер-министра Великобритании Лиз Трасс. Теоретическая значимость определена тем, что результаты работы расширяют представления об отношении англоязычных СМИ к женщине во власти. В ходе исследования был собран корпус из 24 лексических единиц, являющихся социолингвистическими маркерами, характеризующими Лиз Трасс как персону, показывающими отношение представителей СМИ к её деятельности. Под корпусом понимается ряд языковых фрагментов, которые отобраны по определенным критериям и используются как модель языка [3. С. 5]. Корпус может представлять интерес для преподавателей и учащихся, использоваться на уроках новейшей истории, английского языка в старших классах общеобразовательной школы и в вузе.

Настоящее исследование состоит из двух частей. В первой части рассматриваются обстоятельства назначения Лиз Трасс на пост премьер-министра Великобритании, её деятельность

и уход в отставку. Во второй части работы анализируются социолингвистические маркеры из текстов статей англоязычных СМИ.

Биография Лиз Трасс

в освещении англоязычных авторов

Лиз Трасс стала лидером Консервативной партии и премьер-министром Соединенного Королевства в сентябре 2022 г. Она построила блестящую карьеру, к моменту получения новой должности являлась министром иностранных дел Великобритании: «*Truss seemed to be consciously styling herself as the second coming of Margaret Thatcher...*»¹ // «*Трасс, казалось, сознательно позиционировала себя как второе пришествие Маргарет Тэтчер...*» (здесь и далее перевод наш — Е. Ш.). В то же время современники называли её «*a wooden public speaker*» («*деревянный оратор*») за плохое владение ораторским мастерством². По мнению «*The Spectator*», с этим качеством Трасс можно было бы смириться в случае, если бы она возглавляла компетентную администрацию³.

Лиз Трасс — самый недолгий премьер-министр в истории Великобритании, объявивший о своём решении уйти на 45-й день пребывания в должности⁴. Нахождение Трасс у власти омрачила смерть королевы Елизаветы II (1926–2022). Политика Трасс в области низких налогов и высоких темпов роста помогла ей выиграть конкурс на лидерство в Консервативной партии, но спровоцировала финансовый кризис. Поскольку авторитет Трасс падал, 20 октября 2022 г. она подала в отставку с поста лидера партии под растущим давлением консерваторов⁵ [17].

Вероятно, общество ожидало выполнения задач, перечисленных Лиз Трасс в своей речи:

¹ Wallenfeldt J. Liz Truss // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Liz-Truss> (дата обращения: 10.06.2023).

² Там же.

³ Roberts G. Liz Truss is wooden. And it works // The Spectator. 2022. 26 Jul. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/liz-truss-is-wooden-and-it-works/> (дата обращения: 10.06.2023).

⁴ Kottasová I., Picheta R. Liz Truss resigns as Britain's Prime Minister after disastrous six-week tenure // Cable News Network. 2022. 20 Oct. URL: <https://edition.cnn.com/2022/10/20/uk/liz-truss-government-crisis-thursday-gbr-intl/index.html> (дата обращения: 10.06.2023).

⁵ The 8 shortest serving UK prime ministers in modern history. AETN UK. Available from: <https://www.history.co.uk/articles/the-7-shortest-serving-uk-prime-ministers-in-modern-history> (accessed: 10.06.2023).

способствовать росту экономики Великобритании за счёт снижения налогов и реформ, решить проблемы энергетического кризиса и здравоохранения¹. Обещания не были выполнены, тем не менее, Трасс положительно характеризовала своё краткосрочное пребывание у власти².

Вследствие того, что население не ощутило заметных положительных изменений в своей жизни с момента назначения Трасс на должность премьер-министра, в англоязычных СМИ стали появляться нелестные оценки её персоны и деятельности. Осмелимся предположить, что многочисленные негативные публикации стали средством манипуляции СМИ и решили её судьбу, так как «СМИ способны посеять раздор, распространить клевету или поделиться откровениями знаменитостей, что оказывает существенное влияние на популярность и рейтинг политиков» [14. С. 94].

Анализ социолингвистических маркеров из статей англоязычных СМИ

Медиадискурс оказывает большое влияние «на массовое сознание людей» [10. С. 132]. В материалах англоязычных СМИ, опубликованных в 2022 г., присутствуют социолингвистические маркеры, метко характеризовавшие Лиз Трасс и способствовавшие формированию общественного мнения о её персоне. О первых днях пребывания Трасс на посту премьер-министра «The Washington Post» писал в положительном ключе, назвав её «*the ideological incarnation of the 1980s Iron Lady*» («идеологическое воплощение железной леди»), «*a strong plain-speaking woman*» («сильная, прямолинейная женщина»)³, несмотря на то, что она ещё не успела проявить себя в новой должности. Данные фразы являются примером того, как СМИ манипулируют сознанием аудитории.

Многие коллеги Трасс отмечали, что её поведение безупречно, характеризовали её как

¹ Prime Minister Liz Truss's statement: 6 September 2022 // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-minister-liz-truss-statement-6-september-2022> (дата обращения: 10.06.2023).

² Liz Truss's final speech as Prime Minister: 25 October 2022 // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/liz-truss-final-speech-as-prime-minister-25-october-2022> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Booth W., Adam K. How Liz Truss became the shortest-serving prime minister in U.K. history // The Washington Post. 2022. 20 Oct. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/10/20/liz-truss-shortest-prime-minister-uk/> (дата обращения: 10.06.2023).

«*unapproachable*» («неприступная»), утверждали, что «*she doesn't have great interpersonal skills*» («у неё не очень хорошие навыки межличностного общения»)⁴, которые мешали ей выстраивать отношения с противоположным полом. Говоря о деловых качествах политика, они использовали фразу «*very clever*» («очень умная»)⁵.

Напротив, «The Yorkshire Post» сравнивал Лиз Трасс с легендарным персонажем английского фольклора: «*Liz Truss is behaving like a modern Robin Hood in reverse...*»⁶ // «Лиз Трасс ведёт себя как современный Робин Гуд наоборот...». Таким способом премьер-министра критиковали за снижение налогов на богатых для роста британской экономики.

Описывая личные качества Трасс, «The Guardian» использовал лексемы «*weird*» («странная»), «*forthright*» («прямолинейная») и «*outspoken*» («откровенная»)⁷, которые имели отрицательную окраску. «*She was more concerned to make a splash <...> than to get things done*»⁸ // «Она больше заботилась о том, чтобы произвести фурор, <...> чем о том, чтобы довести дело до конца». В данном случае описаны негативные качества политика, который не способен завершить начатое дело.

Коллеги Трасс обвиняли её в карьеризме: «*her political skill is in being a survivor*» («её политическое мастерство заключается в умении выживать»)⁹. Они также предполагали, что после отставки Трасс не сможет приблизиться к кабинету министров, так как она «*a toxic political brand*» («ядовитый политический бренд»)¹⁰.

Заключительный этап пребывания Трасс в должности премьер-министра «The Washington Post» описывал крайне негативно, используя маркеры «*incompetence*» («некомпетентность»), «*her failure to sell her vision*» («неспособность донести

⁴ Anthony A. From fighter to quitter: the 'weird' rise and fall of Liz Truss // The Guardian. 2022. 22 Oct. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2022/oct/22/from-fighter-to-quitter-the-weird-rise-and-fall-of-liz-truss> (дата обращения: 10.06.2023).

⁵ Там же.

⁶ Smith H. M. Liz Truss is behaving like a modern Robin Hood in reverse – Yorkshire Post Letters // The Yorkshire Post. 2022. 7 Oct. URL: <https://www.yorkshirepost.co.uk/news/opinion/letters/liz-truss-is-behaving-like-a-modern-robin-hood-in-reverse-yorkshire-post-letters-3870800> (дата обращения: 10.06.2023).

⁷ Anthony A. From fighter to quitter: the 'weird' rise and fall of Liz Truss...

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

своё видение»¹. «The Guardian» называл Лиз Трасс «unapologetic» («непримиримая, беззащитная»), а также обвинял её в равнодушном отношении к экономическим проблемам Великобритании: «Truss showed no sign of contrition for the chaos...»² // «Трасс не выказала никаких признаков раскаяния в хаосе...». В той же статье Лиз Трасс упрекали в спокойном отношении к происходящему: «The speech <...> gave little away about Truss's emotional state...»³ // «Речь <...> мало что рассказала об эмоциональном состоянии Трасс...».

«The Washington Post», сообщая об отставке Трасс, использовал слово-маркер «collapsed» в значении «потерпели крах»: «Prime Minister Liz Truss and her government collapsed Thursday with her sudden resignation announcement...»⁴ // «Премьер-министр Лиз Трасс и её правительство потерпели крах в четверг после её внезапного заявления об отставке...». Там же указывалось: «She was the most unpopular prime minister...»⁵ // «она была самым непопулярным премьер-министром...». CNN назвал Лиз Трасс «the shortest-serving prime minister in British history»⁶ // «премьер-министр с самым коротким сроком пребывания на посту в британской истории», работу Трасс описал как «a catastrophic tenure in Downing Street»⁷ // «катастрофический срок пребывания на Даунинг-стрит», также использовал маркер «had tried to save her position»⁸ // «пыталась спасти своё положение», намекающий на стремление Трасс остаться у власти. «The Indian Express» подвёл итоги пребывания Трасс у власти, используя маркер «the rapid demise» («быстрая гибель»), сравнив премьер-министра с Консервативной партией, которую она возглавляла: обе являлись

¹ Booth W., Adam K. How Liz Truss became the shortest-serving prime minister in U.K. history // The Washington Post. 2022. 20 Oct. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/10/20/liz-truss-shortest-prime-minister-uk/> (дата обращения: 10.06.2023).

² Allegretti A. 'Be bold': Liz Truss throws down gauntlet to Rishi Sunak in final speech // The Guardian. 2022. 25 Oct. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2022/oct/25/liz-truss-final-speech-lays-down-gauntlet-rishi-sunak-uk-prime-minister> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Там же.

⁴ Liz Truss resigns as U.K. prime minister after six weeks in office // The Washington Post. 2022. 20 Oct. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/10/20/uk-liz-truss-resign-prime-minister/> (дата обращения: 10.06.2023).

⁵ Там же.

⁶ Kottasová I., Picheta R. Liz Truss resigns as Britain's Prime Minister after disastrous six-week tenure...

⁷ Там же.

⁸ Там же.

абсолютным хаосом («absolute chaos»)⁹. Данные примеры свидетельствуют о том, что СМИ манипулируют общественным мнением с помощью умело использованных средств языка, способны как возвеличить политика, так и повлиять на формирование негативного отношения к нему со стороны общественности.

Заключение

Проанализировав корпус социолингвистических маркеров, мы приходим к выводу о том, что подтверждается истинность сформулированной гипотезы. Первоначально представители СМИ, манипулируя общественным сознанием, характеризовали Лиз Трасс как такую же яркую фигуру, как Маргарет Тэтчер, о чём говорят слова-маркеры «the ideological incarnation of the 1980s Iron Lady», «a strong plain-speaking woman», однако спустя небольшой промежуток времени в СМИ появились отрицательные оценки личности и деятельности премьер-министра. Собранный корпус лексических единиц свидетельствует о том, что ожидания представителей СМИ прихода к власти решительного и компетентного политика не оправдались, вследствие чего в статьях появились слова-маркеры, выражавшие отрицательные эмоции их авторов и влиявшие на формирование негативного образа Трасс.

Остаётся нерешённым вопрос о том, как упорядочить найденные социолингвистические маркеры, какие из них были придуманы авторами-мужчинами, а какие созданы женщинами, зависит ли эмоциональная окраска слова-маркера от гендера его автора. Анализ статей, опубликованных на других языках, дал бы возможность создать более полную картину нахождения Лиз Трасс на посту премьер-министра.

Таким образом, изучив материалы, опубликованные на сайтах ряда современных англоязычных изданий, можно сделать вывод о том, что, характеризуя деятельность политиков, представители СМИ не акцентируют внимание на их гендере, а исходят из того, насколько результативна их работа, насколько оправданы ожидания, возложенные на политика обществом. Негативные оценки и нелестные характеристики женщины-политика связаны не с отношением журналистов к её гендеру, а с тем, что её деятельность не приносит ожидаемых результатов.

⁹ Liz Truss resigns after six weeks as UK prime minister // The Indian Express. 2022. 21 Oct. URL: <https://indianexpress.com/article/world/uk-liz-truss-press-statement-8221349/> (дата обращения: 10.06.2023).

Список источников

1. Ахмадеев И. Р. Гендерная специфика самопрезентации современных британских политиков // Казанский лингвистический журнал. 2023. Т. 6. № 1. С. 90–100. DOI: 10.26907/2658-3321.2023.6.1.90-100.
2. Введение в теорию и практику лингвистического анализа: метод. указания. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2018. 26 с.
3. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика. СПб.: СПбГУ, 2013. 148 с.
4. Кириленко С. В. Социолингвистические маркеры власти и солидарности в коммуникации говорящих // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 140–153.
5. Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 194–199.
6. Колокольникова М. Ю. Дискурсивный анализ как метод исследования лексических единиц. Саратов, 2012. 19 с.
7. Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. Москва : ФЛИНТА, 2021. 360 с.
8. Медведева А. В., Баранова А. Р. Анализ лексических средств выразительности в речи политических деятелей // Эпомен: филологические науки. 2022. № 3. С. 67–72.
9. Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Социолингвистические маркеры экстремистского текста // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2015. № 4 (44). С. 107–113.
10. Мельникова К. А. Различные подходы к определению понятий «дискурс» и «медиадискурс» // Казанская наука. 2022. № 1. С. 132–134.
11. Парамонова Д. В. Медиатрансляция образа государства в сопоставительном аспекте «внутренняя политика» в американской, британской и испанской прессе (на примере США и Великобритании) // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 4 (130). DOI: 10.23670/IRJ.2023.130.101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatranslyatsiya-obraza-gosudarstva-v-sopostavitelnom-aspekte-vnutrennyaya-politika-v-amerikanskoj-britanskoj-i-ispanskoj-pressе> (дата обращения: 10.06.2023).
12. Полховская Е. В., Купченко Д. О. Дискурсивные особенности публичных выступлений Лиз Трасс // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 г. Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2022. Т. 2. С. 75–80.
13. Саттарова Р. В. Моделирование стратегического поведения адресанта и адресата в британском политическом дискурсе (на примере речи-объявления об отставке Лиз Трасс) // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 598–601. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-697-598-601.
14. Шеховцова Е. Е. Влияние газетного дискурса «The Guardian» на гендерные стереотипы в британском обществе // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 93–100. DOI: 10.20323/2499_9679_2022_4_31_93_100.
15. Prasithrathsint A. Transferring Sociolinguistic Markers in Translation // The First International Conferences on Translation and Interpretation: Translation and Interpretation in a Multilingual Context. Bangkok, 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/272564533_Transferring_Sociolinguistic_Markers_in_Translation (дата обращения: 10.06.2023).
16. Strukowska M., Buczowski M. Speech act-based legitimisation in selected inaugural speeches of British Prime Ministers // Scripta Neophilologica Posnaniensia. 2022. Vol. XXII. P. 25-37. DOI: 10.14746/snp2022.22.02.

References

1. Akhmadeev IR. Self-presentation Gender Specificity of Modern British Politicians. *Kazanskij lingvističeskij žhurnal = Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1):90-100. DOI: 10.26907/2658-3321.2023.6.1.90-100. (In Russ.).
2. Vvedenie v teoriyu i praktiku lingvističeskogo analiza: metod. ukazaniya = Introduction to the theory and practice of linguistic analysis: guidelines. Samara: Samara University Press; 2018. 26 p. (In Russ.).
3. Zakharov VP, Bogdanova SU. Korpusnaya lingvistika = Corpus Linguistics. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2013. 148 p. (In Russ.).
4. Kirilenko SV. Sociolinguistic markers of power and solidarity in speakers' interaction. *Sociolingvistika = Sociolinguistics*. 2022;4(12):140-153. (In Russ.).

5. Kolmogorova AV, Kalinin AA, Taldykina JA. Linguistic markers of manipulation in polarized discourse: parametric study. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*. 2016;4(58):194-199. (In Russ.).
6. Kolokolnikova MJ. Diskursivnyj analiz kak metod issledovaniya leksicheskikh edinic = Discursive analysis as a method of studying lexical units. Saratov; 2012. 19 p. (In Russ.).
7. Krysin LP. Ocherki po sociolingvistike = Essays in sociolinguistics. Moscow: FLINTA; 2021. 360 p. (In Russ.).
8. Medvedeva AV, Baranova AR. Analysis of lexical means in political discourse. *Ehpomen: filologicheskie nauki = Epomen: philological sciences*. 2022;(3):67-72. (In Russ.).
9. Mel'nik GS, Misonzhnikov BY. Sociolinguistic Markers of Extremist Text. *Gumanitarnyj Vector. Seriya Filologiya, Vostokovedenie = Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies*. 2015;4(44):107-113. (In Russ.).
10. Melnikova KA. Different approaches to «discourse» and «mediadiscourse» definitions. *Kazanskaya nauka = Kazan science*. 2022;(1):132-134. (In Russ.).
11. Paramonova DV. Media presentation of the state in the comparative aspect of «internal politics» in the American, British and Spanish press (on the example of the United States and the United Kingdom). *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International research journal*. 2023;4(130):1-6. DOI 10.23670/IRJ.2023.130.101. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatranslyatsiya-obraza-gosudarstva-v-sopostavitel'nom-aspekte-vnutrennyaya-politika-v-amerikanskoy-britanskoy-i-ispanskoy-presse> (accessed: 10.06.2023). (In Russ.).
12. Polkhovskaya EV, Kupchenko DO. Discursive features of Liz Truss' public appearances. In: *Konvergentnye tekhnologii XXI: variativnost, kombinatorika, kommunikaciya = Convergent technologies XXI: variability, combinatorics, communication*. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University; 2022. Vol. 2. Pp. 75-80. (In Russ.).
13. Sattarova RV. Modelling of addresser's and addressee's strategic behavior in British political discourse (based on Liz Truss's resignation speech). *Mir nauki, kultury, obrazovaniia = The world of science, culture, education*. 2022;6(97):598-601. DOI 10.24412/1991-5497-2022-697-598-601. (In Russ.).
14. Shekhovtsova EE. The influence of the Guardian newspaper discourse on gender stereotypes in British society. *Verkhnevolzhskij filologicheskij vestnik = Verkhnevolzhskij Philological Bulletin*. 2022;4(31):93-100. DOI 10.20323/2499_9679_2022_4_31_93_100. (In Russ.).
15. Prasithrathsint A. Transferring Sociolinguistic Markers in Translation. In: *The First International Conferences on Translation and Interpretation: Translation and Interpretation in a Multilingual Context*. Bangkok, 2010 Available from: https://www.researchgate.net/publication/272564533_Transferring_Sociolinguistic_Markers_in_Translation (accessed: 10.06.2023).
16. Strukowska M, Buczowski M. Speech act-based legitimisation in selected inaugural speeches of British Prime Ministers. *Scripta Neophilologica Posnaniensia*. 2022;(22):25-37. DOI: 10.14746/snp2022.22.02.

Информация об авторе

Е. Е. Шеховцова — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Information about the author

Eva E. Shekhovtsova — Cand. of Sci. (History), Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 27.06.2023;
одобрена после рецензирования 11.09.2023; при-
нята к публикации 22.12.2023.

The article was submitted 27.06.2023; approved
after reviewing 11.09.2023; accepted for publication
22.12.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.